

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ВЗГЛЯД ИЗ ВЕЧНОСТИ

А Д

Взгляд из вечности

Александра Маринина

Ад

«Автор»

2010

Маринина А.

Ад / А. Маринина — «Автор», 2010 — (Взгляд из вечности)

Где же ангел-хранитель семьи Романовых, оберегавший их долгие годы от всяческих бед и несчастий? Все, что так тщательно выстраивалось годами, в одночасье рухнуло, как карточный домик. Ушли близкие люди, за сыном охотятся явные уголовники, и он скрывается неизвестно где, совсем чужой стала дочь. Горечь и отчаяние поселились в душах Родислава и Любы. Ложь, годами разъедавшая их семейный уклад, окончательно победила: они оказались на руинах собственной, казавшейся такой счастливой и гармоничной жизни. И никакие внешние – такие никчемные! – признаки успеха и благополучия не могут их утешить. Что они могут противопоставить жесткой и неприятной правде о самих себе? Опять какую-нибудь утешающую ложь? Но они больше не хотят и не могут прятаться от самих себя, продолжать своими руками превращать жизнь в настоящий ад. И все же вопреки всем внешним обстоятельствам они всегда любили друг друга, и неужели это не поможет им преодолеть любые, даже самые трагические испытания?

© Маринина А., 2010

© Автор, 2010

Александра Маринина

Ад

– Что ты несешь?! – сердился Камень. – Да, я согласен, Родислав расстроился из-за того, что Люба не откликнулась на его желание, а кто бы не расстроился? Любому мужу не нравится, когда он хочет, а жена – нет. А про все остальное – это чистой воды бредни. Никогда не поверю, что Родислав пал так низко! Это ж надо такое придумать: потренироваться на жене, чтобы потом гулять по девкам! Не смей компрометировать моего героя, не смей на него клеветать.

– Да какая же тут клевета? – оправдывался Ворон, которому и самому неловко было излагать все это Камню. – Тут все правда от первого и до последнего слова.

– Ты не можешь этого знать! Ты не умеешь читать мысли! А Родислав не мог никому этого рассказывать, мужчины такими вещами друг с другом не делятся.

– А я вот знаю, – упрямылся Ворон. – Не могу тебе сказать откуда, но знаю точно.

– Почему не можешь сказать? – с подозрением спросил Камень. – Что у тебя за секреты появились? Немедленно признавайся, или нашей дружбе конец.

– Ну... это... Только ты не ругайся, ладно? – забормотал Ворон. – Я тебе раньше не говорил, потому что не был уверен, и еще я боялся, что ты надо мной будешь смеяться... Дай слово, что не будешь ругаться и смеяться.

Ворон, похоже, напрочь забыл, что объявил движение протеста. И куда только девались его гордость и независимость? Камень решил не напоминать другу об этом, ему гораздо больше нравилось, когда Ворон чувствовал себя нашкодившим и виноватым. Это позволяло проявлять великодушие и ощущать себя значительным и могущественным.

– Ладно, не буду ни ругаться, ни смеяться, – пообещал он. – Говори.

– Знаешь, – Ворон понизил голос, – у меня недавно появилась странная способность как будто видеть в чужой голове.

– Мысли, что ли, читать?

– Ну, что-то типа того. Но я не у всех в голове вижу, а только у тех, на кого настроился, кого давно знаю и хорошо чувствую. Вот у Родислава вижу, у Любы вижу, иногда вижу у Лизы и у Аэллы. Я хочу тебе признаться... Помнишь, ты несколько раз у меня спрашивал, откуда я то или другое знаю, а я тебе говорил, что слышал телефонные разговоры.

– Ну, помню. Врал, что ли? – нахмурился Камень.

– Врал, – признался Ворон, понутив голову. – Никаких таких разговоров я не слышал, я в голове видел. Ну, чего, будешь меня убивать за это?

– За что? Ты же не виноват, что на тебя такой дар свалился.

– А за вранье?

– Вот за вранье тебя надо бы выпороть да все перья из тебя повыдергивать, – вынес свой вердикт Камень. – Жалко, у меня рук нет.

– А ты мне поручи, – весело подал голос с высоты Ветер. – У меня хорошо получится.

– Заткнись, кулацкий подпевала! – огрызнулся Ворон, задрал голову вверх. – Тебя никто не спрашивает.

Но Ветер никогда не страдал обидчивостью и чаще пребывал в хорошем настроении, нежели в дурном.

– Почему же? Спроси меня, и я тебе отвечу, что врать нехорошо. Некрасиво. Особенно старым друзьям. Врагам – можно, а друзьям не надо. Я, к примеру, никогда не вру, всегда говорю правду.

– То-то на тебя полпланеты обиду заковыряло, – заметил Ворон. – Ты всегда правду-матку в глаза режешь, никакой деликатности в тебе нет.

– Истина превыше всего, – авторитетно вмешался Камень. – Ветер совершенно прав, он никогда не кривит душой и честно смотрит всем в глаза.

– Ага, ты еще скажи, что это его огромное моральное достоинство! – заверещал Ворон. – Да он знаешь почему правду всегда говорит?

– Ну почему же? – прищурился Камень.

– Потому что у него мозгов не хватает подумать, прежде чем ляпнуть чего-нибудь, а надо ли вообще об этом говорить, и если надо, то какими словами. Правда – штука тонкая, с ней надо аккуратно обращаться, а то как скажешь, пусть и правду, но такими словами и таким тоном, что лучше бы уж сразу убил, чем такое говорить. Быть абсолютно честным может себе позволить только очень умное существо, а если оно не очень умное, то пусть лучше врет или вообще молчит в тряпочку.

– Правда и истина – категории этики, они не могут зависеть от интеллектуального уровня, они абсолютны и сами по себе являются самоценностью, – упорствовал Камень. – И за поправление этих категорий тебя, Ворон, надобно высечь или иным каким способом примерно наказать. Но я сегодня добрый, и я тебя прощаю. Ты до того меня расстроил с Родиславом, что у меня не осталось душевных сил на тебя сердиться.

– А чего я тебя расстроил? Чего расстроил-то? – заторопился Ворон, чувствуя, что опасность миновала, и радостно расправляя крылья. – Все, по-моему, очень даже хорошо получилось. Любочка моя совершенно права, что отказала мужу. У нее есть женская гордость, она о женской чести все правильно понимает. Как это так: одиннадцать лет он таскался неизвестно где, по чужим койкам, а теперь – здрасьте-пожалуйста, примите меня в свои объятия, потасканного и неизвестно какими болезнями зараженного. Да если бы она ему не отказала, я бы ее уважать перестал!

– А как же Родислав? Для него это было очень важно, он же не хочет быть импотентом, – встрял Ветер. – Люба бы ему уступила, и все бы у них хорошо получилось, и они бы снова полюбили друг друга. Разве плохо?

– Эк у тебя все просто, – досадливо отмахнулся Камень. – Здесь невозможно угадать, как было бы правильно, а как неправильно. Все зависит от результата. Если бы получилось так, как ты, Ветер, нарисовал, то, конечно, было бы здорово, никто и не спорит. А если бы у них все получилось и Люба стала бы любить его еще сильнее и поверила в то, что он опять ее любит, а Родислав начал бы с новой силой таскаться по бабам? Это как, по-твоему? Хорошо, что ли? Или у них бы ничего не получилось, и Родислав окончательно убедился бы в том, что он полный и безвозвратный импотент, и стал бы на этой почве психовать, запил бы или в таблетки ударился. Тоже, что ли, хорошо? Сейчас у них отношения хоть в каком-то равновесии, а этот интим мог все разрушить и испортить. Так что я склонен согласиться с Вороном, хотя за Родислава мне, конечно, ужасно обидно. Если ты, глупая птица, не ошибся и все прочитал у него в голове правильно, то Родислав сильно упал в моих глазах. Я огорчен.

– Да брось ты, – легкомысленно дунул Ветер. – Все человеческие самцы такие, других не бывает. Ты просто идеализируешь своего Родислава, потому что он твой любимчик, а он такой же, как все остальные.

– Ты не можешь судить... – начал было Камень, но Ветер не дослушал его и перебил:

– Могу я судить, могу, потому что мотаюсь испокон веку по всему свету и всякого повидал. Уж можешь мне поверить, я и за первобытными самцами наблюдал, и за древними римлянами времен братьев Гракхов, и за греками, когда там еще Платон и Сократ жили, и за галлами, и за индейцами, и за индусами. Да за всеми! Во все времена человеческие самцы мерились друг с другом длиной своего этого самого и количеством покоренных женщин: у кого больше – тот и лучше. За миллион лет так и не поумнели.

Камень в ужасе слушал то, что говорил Ветер.

– Неужели это правда? – тихо спросил он Ворона.

– Наш Ветер никогда не врет, – уныло подтвердил Ворон. – Всегда правду-матку в глаза режет. Я знал, знал, что тебя это огорчит, ты про человекаов имеешь гораздо лучшее мнение, но что я мог сделать? Я же не мог его заткнуть, а он со своей правдой вечно лезет! Никакой деликатности в нем нет. Да ты не огорчайся, давай я тебе лучше интересное расскажу, хочешь?

– Хочу! – послышался с высоты голос Ветра.

– Уйди, противный, тебя не спрашивают. Расстроил Камешка до невозможности, а теперь еще интересное ему подавай! Перетопчешься.

– Рассказывай, – плаксивым тоном потребовал Камень, – отвлеки меня от печальных раздумий.

– Как вы думаете, – торжественно и неторопливо начал Ворон, – кто был тот мужчина, который спас Любу от грабителя?

– Тайный поклонник, – тут же предположил Ветер. – Он давно влюблен в Любу, но не решается познакомиться с ней и признаться в своих чувствах.

– А ты, Камешек, как думаешь?

– Я думаю, что это просто мужественный и добропорядочный человек, который не смог смириться с тем, что на его глазах обижают слабую женщину, – строго произнес Камень.

– А вот и не угадали! – обрадовался Ворон. – Это был тот мужик, который сидел в скверике перед зданием суда, когда Геннадия Ревенко судили. Только тогда он старше выглядел, а теперь моложе. Но это точно он, я не ошибся.

– Как это ты не ошибся, когда как раз ошибся, – с упреком поправил его Камень. – Он тогда, во время суда, был моложе на девять лет, а сейчас стал старше. Вечно у тебя в голове путаница.

– Ничего не путаница! – обиделся Ворон. – Я тебе говорю как есть. Во время суда ему было лет сорок, а теперь максимум тридцать пять. Я, может, и тупой, но не слепой.

– Так это что же выходит, – от изумления Камень забыл огорчаться и изображать депрессию, – он гримировался, что ли?

– А я о чем! – подтвердил Ворон его догадку. – И когда неизвестный нам мужчина спасал Лелю от маньяка и все время ходил переодеваться, он, наверное, тоже пытался внешность изменить.

– А может, это был один и тот же человек? – спросил Камень.

– Да ты лицо-то его видел или как? – снова не утерпел Ветер. – Чего мы гадаем на кофейной гуще? Лицо-то какое у него было?

– Другое, – вздохнул Ворон. – В день суда и в день Любы с сумочкой лицо было одинаковое, только возраст разный, а когда был маньяк, тогда и лицо было другое.

– Это не показатель, – живо заметил Камень. – Лицо можно какое угодно сделать при помощи грима. А помнишь, еще был какой-то кавказец, который Кольку от расправы спас?

– Так он же был кавказец, – удивился Ворон. – А эти все славяне.

– А грим?

– А акцент? – отпарировал Ворон. – Я слышал, как он говорил. Славяне так не говорят.

– А имитация? Про это ты слыхал когда-нибудь?

– Я не пойму, ты на что намекаешь? – разозлился Ворон. – На то, что все эти четыре мужика были один и тот же тип в разном гриме, а я не разглядел? Ты это хочешь сказать?

– Я не знаю, – вздохнул Камень. – Я просто спрашиваю, может такое быть или нет?

– А я тебе ответственно заявляю: этого быть не может. У них не только лица разные, но и фигуры, и походки, и голоса. И не морочь мне голову! Я пока смотрел на эпопею с сумочкой, чуть со смеху не лопнул: сумка-то из ремонта, пустая, в ней даже старого трамвайного билетика не завалялось, а этот рыцарь недоделанный гоголем смотрит, дескать, герой, сокровище спас! Любочка-то моя молодец, деликатность проявила, не стала ему говорить, что сумка

пустая, наоборот, благодарила так искренне, словно у нее там вся зарплата вместе с паспортом и ключами от квартиры лежала. Умница девочка. Люблю я ее!

– Смутил ты меня, – задумчиво проговорил Камень. – Один человек Кольку спас, другой Лелю, третий Любу, ну ладно, пусть только Любину сумку, но все равно спас. У них там что, бригада спасателей семьи Романовых? Надо бы в этом деле покопаться...

* * *

Телевизор в кабинете Андрея Сергеевича Бегорского работал с выключенным звуком. На экране скрипач играл над гробом Ильи Кричевского, погибшего в последний день августовского путча в тоннеле на Садовом кольце. Похороны троих молодых людей состоялись еще 24 августа, но сюжет несколько раз повторяли по разным программам в течение следующих дней. Люба Романова сидела в кресле директора завода, сжимала в руке телефонную трубку и плакала. Она знала, что сейчас ей надо быть сильной, собранной, организованной, ей нужно все наладить и устроить, прежде чем уезжать в Нижний Новгород – именно так с прошлого года стал называться город Горький.

Два часа назад позвонила Тамара и странным ровным голосом, за которым прятались недоумение и растерянность, сообщила, что Гриши больше нет. Он был убит преступниками во время ограбления их квартиры. Сама Тамара в это время была на работе, а Григорий работал дома, выполнял срочный заказ. Для Любы не стоял вопрос о том, ехать или не ехать к сестре, вопрос был только в том, как ей организовать жизнь дома и на работе во время своего отсутствия. Ну и, разумеется, стоял вопрос о том, как уехать, то есть как и когда купить билет на сегодняшний поезд.

Первым, к кому она побежала со своей бедой, был директор завода Бегорский. Он выслушал Любу молча, плотно сжав губы и попутно делая какие-то пометки на перекидном календаре.

– Я поеду с тобой, – решительно заявил он, когда Люба умолкла. – Ничего не говори, я все равно поеду. Похоронами надо заниматься, а кто будет это делать? Томка наверняка не в себе, ты в Горьком никого и ничего не знаешь, нужно либо поднимать связи Григория, либо обращаться к моим знакомым, у меня там есть кое-кто. Ты одна не справишься.

– Андрюша...

– Ты не сможешь сделать все, что нужно и как надо, – прервал он ее тоном, не терпящим никаких возражений. – Я тебе помогу. Тебе и Томке. Теперь так: насчет билетов не беспокойся, это я устрою. Самолетом полетишь?

– Полечу, – покорно кивнула Люба. – Мне все равно, лишь бы побыстрее оказаться рядом с Тамарой. Не представляю, как она там одна.

– Родька знает?

– Нет еще. Я к тебе первому побежала. Пока никто не знает, кроме нас с тобой.

– А Николай Дмитриевич?

– Тоже нет. Надо собраться с силами, всем позвонить и сказать... Я не смогу, – Люба заплакала.

Бегорский налил воды и протянул ей стакан. Люба выпила воду залпом, стуча зубами о край стакана. Стало немножко легче.

– Родьке я сам позвоню, – сказал Андрей. – А уж с папой разговаривать придется тебе, он меня почти не знает. Какие еще проблемы надо решить?

– Завтра срок выплаты зарплаты Раисе, сиделке Лизино сына, надо передать ей деньги. Я обычно сама это делаю. У Родика не будет времени. Кому я могу еще это поручить? Никто ведь не знает, что мы ей платим, ни Колька, ни Леля, только мы с Родиком, ты и Аэлла.

– Вот пусть Алка и передаст ей деньги.

– Но для этого мне нужно встретиться с Аэллой и отдать ей конверт...

– Ничего, – усмехнулся Андрей, – из своих заплатит, она у нас девушка не бедная, двести рублей насобирает. Вы ведь двести платите?

– Двести, – подтвердила Люба, в очередной раз поразившись цепкой памяти Бегорского.

– Когда вернешься из Нижнего – отдашь Алке. И выбрось это из головы, Алке я тоже сам позвоню, не трать на это время и силы. Что еще?

– Вещи надо собрать, – пробормотала растерявшаяся Люба. – Я же не могу ехать в том, в чем пришла на работу. Дома надо еду приготовить на несколько дней, чтобы Леля с Николашей голодными не сидели. Родик, конечно, захочет приехать на похороны, но неизвестно, отпустят ли его с работы. Если он не поедет, надо приготовить ему рубашки, носки, белье, он сам ничего не найдет. А если поедет, то собрать его вещи, он сам не сможет собраться, обязательно что-нибудь забудет. Я до сих пор во все командировки его собираю.

– Разбаловала ты его, – проворчал Бегорский. – Ладно, сейчас я выясню насчет самолета и билетов, если что – дам тебе машину, сгоняешь домой за вещами. Оставайся в моем кабинете и звони, куда там тебе надо. Нечего по таким вопросам с рабочего места звонить, у тебя там ушей больше, чем тараканов. Если надумаешь Ларису Ревенко привлекать к решению своих проблем – не стесняйся, я дам указание, ее отпустят. А Родьке я сейчас позвоню, насчет этого не беспокойся.

– Спасибо.

Бегорский вышел, а Люба собралась с мужеством и набрала номер отца. Николай Дмитриевич долго молчал, услышав печальную новость, а потом тихо заплакал. И Люба не знала, что для нее сейчас страшнее: гибель Тамариного мужа и горе сестры или вот эти тихие и беспомощные слезы отца, ее папы, генерал-лейтенанта, жесткого, мужественного, непримиримого и бескомпромиссного, папы, которого она всю жизнь любила, уважала и боялась и который всегда был для нее примером стойкости и силы. Даже на похоронах мамы он не уронил ни слезинки, а на следующий день вышел на службу, несмотря на гипертонию. Впервые Люба Романова поняла, что отец, которому в январе исполнится семьдесят шесть лет, не только стареет годами, но и слабеет душой. И это было едва ли не так же страшно, как постигшая их семью трагическая утрата.

– Когда ты едешь? – спросил отец.

– Сегодня. Андрюша Бегорский обещал помочь с билетом. Не знаю, как получится, поездом или самолетом.

– Ты одна поедешь? Без Родислава?

– Папа, я пока ничего не знаю, я еще не разговаривала с Родиком. Может быть, его со службы не отпустят.

– А дети? Ты им сказала? Все-таки Григорий их дядя. Они поедут в Нижний?

– У Лели занятия, Коля работает. Не знаю, смогут ли они... Папа, разве это важно? Ты мне лучше скажи: ты сам хочешь ехать на похороны? Если да, то имей в виду: я собираюсь тебя отговаривать. У тебя давление, тебе нельзя волноваться. Тамаре и без того трудно сейчас, а представь, что будет, если ты там свалишься и, не дай бог, попадешь в больницу.

– Ты уверена, что я не нужен Тамаре?

В этом Люба не была уверена. Конечно, если папа приедет на похороны ее мужа, Тамаре будет приятно... Господи, что за чушь лезет в голову! Что Тамаре может быть приятно в такой момент? Для нее сейчас все черно и беспросветно, и, уж наверное, меньше всего ее интересует, приедет ли ее отец. Или интересуется? Мы помним, кто в тяжелый момент оказался рядом, или по сравнению с нашим горем все это выглядит мелочами, не стоящими того, чтобы обращать на них внимание и помнить о них? Люба попыталась вспомнить, кто из родных и друзей пришел на похороны мамы Зиной, но безрезультатно. Она помнила морг, гроб с телом, кладбище, могилу, комья земли и страх за отца, стоявшего очень прямо, с окаменевшим лицом,

за которым пряталась такая боль, что Любе казалось – он сейчас упадет замертво прямо в мамину могилу. Кто был в толпе провожающих маму Зину? Кто пришел домой на поминки? Это напрочь стерлось из памяти. Если отец поедет в Нижний, раздавленная горем Тамара может этого даже не заметить, зато если он останется дома, Любе не придется волноваться о нем и каждые полчаса измерять ему давление. С другой стороны, отец и дома, в Москве, может так распереживаться, что выдаст гипертонический криз, а рядом никого не будет. В Нижнем он хотя бы будет постоянно на глазах у дочерей, и первую помощь в случае надобности ему окажут вовремя. Может быть, не стоит его отговаривать?

– Папа, ты нужен Тамаре, она очень любит тебя и нуждается в тебе и в твоей поддержке. Но речь сейчас не о ней, а о тебе, о твоём здоровье. Тамаре не будет лучше, если ты приедешь и заболеешь.

– Я не заболею, – твердо произнес генерал Головин. – Тамара должна знать, что рядом с ней вся ее семья. Мы все должны быть с ней. И твои дети тоже. Знаю, ты сейчас начнешь говорить, что Леля очень чувствительная и ей нельзя на похороны, но мне кажется, пора прекращать ее щадить. Вы с Родькой пылинки с нее сдуваете и превратили девчонку в беспомощную мимозу, до которой даже дотронуться нельзя. Как она жить-то будет? До самой старости под вашим крылом? И про Колькину работу ничего слышать не хочу. Похороны близкого родственника всегда были уважительной причиной для того, чтобы не выйти на работу. Если с этим проблемы, дай мне телефон Колькиного начальства, я сам им позвоню и вправлю мозги.

«Только этого не хватало! – устало подумала Люба. – Дед не знает, чем на самом деле занимается его внук. Он, наверное, умер бы на месте, если бы узнал о том, что Кольку выгнали из института, что он кооператор, варит джинсу, проигрывает огромные деньги в карты и ворует у собственных родителей. Папа думает, что Колька по собственному убеждению не стал после армии восстанавливаться в институте, где его ждали с распростертыми объятиями, что он стремится быть самостоятельным, где-то работает и ведет себя, как примерный сын, брат и внук. И нечего Коле делать в Нижнем, не приведи господь, напьется или найдет какую-нибудь картежную компанию, пропадет в ней на двое-трое суток, а потом явится избитый и обобранный. Или у Тамары что-нибудь украдет. Нет уж, пусть в Москве сидит».

– Коля сегодня утром уехал в командировку, – солгала она. – Если он позвонит домой, Леля ему скажет, что случилось, и он приедет к Тамаре, если сможет. Правда, если мы все уедем и дома никого не будет, то он ничего не узнает.

– Не в каменном веке живем, – проворчал Николай Дмитриевич. – Телефон пока еще не отменили. Позвони Кольке на работу и попроси, чтобы с ним связались и все ему передали.

– Хорошо, – пообещала Люба.

Ладно, сына она, кажется, выгородила, теперь осталось решить вопрос с Лелей, которую Люба тоже не хотела везти на похороны. Она договорилась с отцом, что тот приедет вместе с Родиславом, и взяла с него твердое обещание постоянно измерять давление, при необходимости сразу же принять лекарство и ни в коем случае не ехать при малейших признаках надвигающегося нездоровья.

Люба положила трубку, выглянула в приемную и попросила секретаршу Бегорского Надежду Павловну разыскать и вызвать в кабинет директора чертежницу Ларису Ревенко.

– Сделать вам чайку, Любовь Николаевна? – сочувственно предложила Надежда Павловна, которая была в курсе, поскольку директор, поручив ей обеспечить билеты в Нижний Новгород для него и для главного бухгалтера Романовой, объяснил ей, зачем им надо ехать. Андрей Бегорский не терпел лжи и при этом сам никогда не врал и ничего не скрывал.

Чай был вкусным и ароматным. Люба уже почти допила большую чашку, когда дверь приоткрылась и на пороге появилась Лариса.

– Тетя Люба? – удивилась она. – А мне сказали, что к директору вызывают. Не знаете зачем? Я уж чего только не передумала, пока бежала, чуть со страху не умерла. Вроде я нигде не напортачила...

– Это я тебя вызвала. Сядь, Лариса, надо поговорить.

Девушка послушно села в кресло для посетителей.

– У моей сестры Тамары несчастье. Ее мужа убили грабители. Мне нужно срочно уехать к ней.

– Дядю Гришу убили?! – всплеснула руками Лариса и вдруг расплакалась так горько, что у Любы слезы навернулись на глаза.

Лариса видела Григория всего несколько раз, когда они с Тамарой приезжали в Москву, и в последний раз это было года два назад. Неужели девочка так прониклась к нему? Или просто она остро чувствует чужую беду и умеет сопереживать?

– Как же так? – всхлипывала Лариса. – Дядя Гриша такой добрый, такой веселый, такой красивый! У какой гниды рука на него поднялась? Ой, господи, жалко как! И тетю Тамару жалко, она же так его любит. И вас жалко. Ой, тетя Любочка...

– Не надо плакать, – успокаивала ее Люба. – Лариса, успокойся, нам с тобой надо решить несколько вопросов. Мне нужна твоя помощь.

– Да, конечно, – Лариса вытащила из кармана не очень свежий платок, вытерла слезы и высморкалась. – Извините. Просто так неожиданно... Вы скажите, что нужно, я все сделаю.

Лицо ее покраснело, и на вспухшей коже из-под слоя пудры явственно проступила ссадина на щеке. Опытным глазом Люба определила, что этой ссадине примерно дня три. Значит, опять...

Весной девяносто первого года из мест лишения свободы вернулся отец Ларисы Геннадий. Из тринадцати лет, определенных ему по приговору суда, он отсидел без малого одиннадцать и был освобожден условно-досрочно. С этого момента жизнь Ларисы и ее бабушки превратилась в дрянной кошмар, почти не имеющий перерывов. Геннадий не хотел работать, устраивался то грузчиком, то сторожем, то шофером, но через неделю или две его увольняли за пьянки и прогулы.

– Я отсидел ни за что, – твердил он. – Государство отобрало у меня лучшие годы жизни, я, безвинно осужденный, на зоне все здоровье потерял, и работать на это государство я не имею ни малейшего желания.

Пил он запойно, отбирал у дочери зарплату, а у тещи пенсию, выносил вещи из дома, но хуже всего было то, что в пьяном виде он становился агрессивным и буйным. Лариса и Татьяна Федоровна то и дело звонили уже не по телефону, а прямо в дверь Романовым, зачастую поздно вечером или среди ночи, и просили дать возможность отсидеться, пока напившийся Геннадий успокоится и уснет. Он распускал руки и орал благим матом, но жильцы ближайших квартир, которые слышали шум, милицию все-таки не вызывали: они жалели Ларису и ее бабушку, которым и без того несладко пришлось. Если дочь и теща не успевали вовремя увернуться, то к Романовым они являлись уже с синяками и кровоподтеками. Судя по относительно свежей ссадине на щеке Ларисы, в последний раз увернуться она не успела.

– Это что такое? – строго спросила Люба, дотрагиваясь до лица девушки. – Опять?

Лариса молча кивнула, пряча глаза.

– Почему не пришла? Почему дома осталась? Ты что, не понимаешь, что с пьяным и буйным нельзя находиться в одном помещении? Он же убить тебя может! И не со зла, а по дури.

– Да мне неудобно, тетя Люба, – пробормотала Лариса. – Ну сколько можно у вас на шее камнем висеть? Мы и так к вам часто приходим, когда уж совсем невозможно терпеть или страшно очень. А в этот раз было ничего, он поорал, вмазал мне пару раз и успокоился. Даже бабушку не тронул.

Люба достала из сумочки ключи от квартиры и протянула Ларисе.

– Вот, возьми. Меня не будет дней пять, может, неделю. Если что – не сидите с бабушкой дома, не рискуйте зря, сразу идите к нам. Родислав Евгеньевич, скорее всего, тоже уедет, но это не точно. Может быть, его с работы не отпустят. Коля и Леля останутся дома. Я всех предупреджу, что дала тебе ключи, так что открывай дверь и заходи. И не вздумай стесняться, если с тобой или с бабушкой что-нибудь случится, лучше от этого никому не будет. И помни: если с вами что-то произойдет, твой папа снова сядет. Хотя бы его пожалейте, не подставляйтесь понапрасну. Договорились?

Лариса снова кивнула и слабо улыбнулась.

– Теперь так. Если Родислав Евгеньевич сможет уехать, то не раньше, чем послезавтра. Нужно сегодня купить продукты и приготовить ужин и обед на завтра. Деньги я тебе дам, напишу список, что купить и что приготовить. Тебе надо будет накормить Родислава Евгеньевича, помыть посуду и все убрать. Завтра утром надо будет прийти к половине восьмого и накормить его завтраком, а вечером – ужином. Справишься?

– Конечно, тетя Люба. Вы же знаете, я все умею, вы сами меня учили. А Колю и Лелю тоже надо кормить?

– Коля приходит поздно, – уклончиво ответила Люба. – И встает поздно. Нужно, чтобы была еда, он сам себе подогреет. Леля тоже сама поест.

Разогреть и съесть уже приготовленную еду – это был максимум самостоятельности Ольги Романовой, которой вот-вот должно было исполниться девятнадцать лет. Готовить она не умела, мыть за собой посуду не считала нужным. Она училась на филологическом факультете университета, изучала английскую поэзию, сама писала стихи как на русском языке, так и на английском и, как и в детстве, выдавала невротические реакции при малейших негативных эмоциях. У нее поднималась температура, начиналась тошнота и головная боль. А еще Леля Романова по-прежнему любила «страдать». Она могла часами стоять в темной комнате у окна, завернувшись в шаль и обхватив себя руками, или лежать на диване, отвернувшись к стене, и на встревоженные вопросы родителей отвечала, что ей грустно или у нее болит душа. В организации похорон и поминок Григория и в моральной поддержке Тамары она была бы самой плохой помощницей, какую только можно вообразить. Люба была твердо убеждена, что дочери не место в Нижнем Новгороде, и собиралась сделать все возможное, чтобы Леля туда не поехала. Правда, точно так же твердо Люба была уверена в том, что Леля непременно захочет поехать: во-первых, она любила Тамариного мужа и была к нему привязана, а во-вторых, похороны Григория являлись прекрасным поводом «пострадать». Любовь к дочери была у Любы сильной, но отнюдь не слепой, как не была слепой и ее любовь к сыну. Все недостатки своих детей Люба Романова видела отчетливо, но молча мирилась с ними, как привыкла мириться всегда и со всем. «Когда ты вырастешь, – учила ее бабушка Анна Серафимовна, – ты должна будешь стать такой матерью, к которой дети будут тянуться, а не такой, которую они будут бояться и слушаться только из страха. Пусть лучше не слушаются, зато будут любить». И свои отношения с детьми Люба построила именно так, как завещала бабушка. Теперь, когда дети выросли, Люба все чаще сомневалась в бабушкиной правоте, но предпринимать что-либо оказалось поздно: отношения сложились так, как сложились, и перестроить их не было никакой возможности. Зато дети ее любят и не избегают, и это представлялось ей достаточным оправданием собственных ошибок.

Господи, как же трудно оказалось уехать даже на короткие пять дней! Леля останется одна с Колей, а кто же знает, что он может выкинуть за эти дни? Люба представила себе, как Леля сидит вечером дома, читает книжку или занимается, и вдруг звонят из милиции или из больницы и сообщают, что Николай Романов избит и находится в реанимации со сложными переломами или с травмой черепа. Лелька испугается, запаникует, а ведь в такой момент нужно быть собранной и четкой, нужно успеть, пока не повесили трубку, задать массу необходимых вопросов, потом набраться терпения и дозвониться в реанимацию, что, как показы-

вает Любин собственный опыт, очень даже непросто, там тоже задать много вопросов, потом собрать все, что нужно, и отвезти, и поговорить с врачами, и сунуть деньги медсестрам и санитаркам... Люба отлично знает, что и как нужно делать в такой ситуации, подобные звонки из милиции и больницы стали ей привычными, но Лелька... Конечно, на Ларису в этом плане надежды больше, она покрепче, да и более самостоятельная и взрослая, но не посвящать же соседку в тайные семейные трудности такого идеального дома Романовых. Остается рассчитывать только на то, что за пять-семь дней Николаша ничего не отчудит. И надо обязательно с ним поговорить, попросить, постараться объяснить. Иногда он с пониманием относится к подобным просьбам. Ведь удастся же как-то скрывать от деда правду, и Коля с готовностью идет навстречу, звонит сам, когда надо, и даже, случается, сидит дома, если дед ожидается к обеду, при случае ведет с ним за столом умные беседы и изображает из себя добросовестного мелкого служащего в какой-то незначительной конторе. А если визит Николая Дмитриевича приходится на день, когда у Николаши на лице явственно видны следы побоев, то сын, как бы плохо себя ни чувствовал, уходит к друзьям, чтобы не позориться перед дедом и не вызывать у старика лишних вопросов.

Расставшись с Ларисой, Люба принялась утрясать вопрос с Колей. Ей повезло, удалось сразу же дозвониться и застать сына. Голос его, едва он услышал о несчастье, сразу из веселого и разбитного стал серьезным и деловитым.

– Мать, не парься, все будет о'кей. Скажи, что нужно. Мне поехать с тобой к тете Томе?

– Боже сохрани, – невольно вырвалось у Любы. – Не нужно, сынок, мы там без тебя справимся. Ты только постарайся, чтобы дома все было в порядке, пока нас с папой не будет.

– Да понял я, понял, – отмахнулся Коля. – Тебе самой перед отъездом что-нибудь нужно? Хочешь, я сгоняю домой, соберу твои вещи и привезу, куда скажешь?

– Спасибо, сынок, это было бы кстати, – призналась Люба. – Только я пока не знаю, когда еду и каким транспортом. Мне билет еще не принесли.

– Не вопрос, – тут же откликнулся Николаша. – Я буду на телефоне, никуда не отлучусь. Как только узнаешь – сразу же звони, я поеду домой, скажешь мне, что собрать и куда привезти. Слушай, мать, может, тете Томе бабки нужны? Похороны там, поминки, все такое... Я могу стрельнуть, если надо.

– Не нужно, – осторожно ответила Люба. – Там все организуют.

Она не говорила сыну, что Тамара достаточно состоятельна по средним советским меркам, потому что боялась. Ей было чего бояться. Сегодня он обокрал родителей, а завтра, глядишь, и до тетки доберется. А даже если и не обкрадет, то ведь может ляпнуть среди своих партнеров по картам, что у него тетка в Нижнем Новгороде имеет собственный бизнес, и в случае проигрыша эти бравые молодцы отправятся к Тамаре выколачивать долги племянника. Так что для Николаши Тамара по-прежнему была индивидуальным предпринимателем-одиночкой, парикмахером, работающим на дому и зарабатывающим чуть больше, чем раньше. На всякий случай информацию о Тамаре скрывали и от Лели, которая, не понимая истинного положения дел, могла проговориться брату, и Люба с Родиславом тряслись от страха, как бы Николай Дмитриевич не поставил внука в известность о финансовом положении тетки. Тамара, разумеется, знала правду о Коле и понимала, о чем можно говорить с племянником, а о чем не стоит, но дед ничего этого не знал и при случае вполне мог между делом упомянуть. Каждый раз, когда Головин приходил к дочери и заставлял дома внука, Люба напрягалась и тщательно следила за каждым сказанным словом, стараясь вести беседу, развлекать отца и не давать вклиниваться сыну. Справедливости ради надо сказать, что сын и не особо стремился общаться с дедом, высиживал за общим столом только из вежливости и довольно скоро уходил к себе, но если дело доходило до умных разговоров, то Люба боялась даже на минуту выйти из комнаты, чтобы беседа не свернула в опасное русло.

– Я обязательно приеду на похороны, – объявил сын.

– Не нужно, – перепугалась Люба, – останься дома, с Лелечкой. Я не хочу, чтобы она жила одна.

– А пусть она тоже приедет, она же Гришу любит. Пусть попрощается с ним.

– Что ты, сынок, ей нельзя, она так распереживается, мы ее потом два месяца лечить будем.

– Думаешь? – с сомнением спросил Коля.

– Уверена. Лучше посиди дома, побудь с ней, поддержи. И обязательно приходи домой ночевать, не оставляй ее одну, ладно?

– Ладно. Но все-таки, мать, мне кажется, ты не права. Чего Лельку поддерживать? Она уже большая. А вот тете Томе наша поддержка сейчас гораздо нужнее, и будет правильно, если на похороны Гриши приедет вся семья. Лелька не развалится, если у гроба постоит, да и поминками заниматься лишние руки не помешают. Давай мы все-таки вдвоем приедем, а?

Ну да, мелькнуло в голове у Любы, ты приедешь и тут же узнаешь, что у твоей тетки собственный парикмахерский салон. Про Лелю и говорить нечего, стресс, сопровождаемый температурой, головной болью и обмороком, ей обеспечен. Нет, в Нижнем вполне достаточно старого больного отца, заботы еще и о слабенькой дочери Любе уже не вынести, все ее силы, все внимание и любовь будут нужны Тамаре.

– Нет, сынок, – твердо произнесла она, – не надо приезжать. Останьтесь с Лелей дома, нам с папой так будет спокойнее.

– Ну, как знаешь. Так я жду твоего звонка насчет того, какие вещи собрать и куда привезти.

– Спасибо. Да, еще хочу тебя предупредить, что я дала Ларисе ключи от нашей квартиры.

– Зачем это? – в голосе сына Люба уловила нескрываемое неудовольствие.

– Ты же знаешь, Геннадий сильно пьет и в подпитии буйствует. На днях он избил Ларису, у нее на лице ссадина, а она постеснялась нас беспокоить и терпела его выходки, пока он не свалился и не заснул. Я велела ей ни в коем случае не оставаться с ним дома, если он опять напьется, и приходить к нам вместе с бабушкой. Так что имей это в виду.

– Ну мать... – обиженно протянул Николаша. – Ты даешь. Мне вот еще только Ларки с бабкой не хватало, своих проблем мало.

– Коленька, тебе придется потерпеть, это всего на несколько дней. Потом мы с папой вернемся, и я возьму все на себя. Но ты уж постарайся, чтобы за эти несколько дней ничего не случилось.

– Ладно, мать, – голос Коли внезапно повеселел, – не парься, все будет в лучшем виде. Поезжай спокойно, я с двумя девками и одной бабкой как-нибудь управлюсь. Не бери ничего в голову. Я же понимаю, отчего ты дергаешься. Не волнуйся, пьяным и избитым приходить не буду, хотя и не обещаю, что буду возвращаться домой рано. У меня все-таки дело, бизнес. Да и личную жизнь отменять я не собираюсь.

Принесли билеты на самолет для Любы и Бегорского, вылет в девять вечера. Люба перезвонила сыну, и почти сразу же раздался звонок Родислава.

– Я тебе в кабинет все телефоны оборвал, пока не догадался, что ты у Андрюхи сидишь. Любаша, ну ты как?

– Уже ничего, – она скупно улыбнулась. – Сразу после Томкиного звонка, конечно, совсем плохо было, но сейчас уже получше.

– Почему ты мне не позвонила? – с упреком произнес муж. – Почему я должен был узнавать об этом от Андрюхи?

– Родинька, я так плакала... – призналась Люба. – Я боялась, что позвоню тебе и начну реветь, ты испугаешься, а я ничего толком объяснить не смогу. Мне же нужно было еще папе сказать. А так я немножко отвлеклась, пока с Ларисой вопрос решала, потом с Колей.

– А что с Колей решать? – Любе показалось, что муж на другом конце провода нахмурился.

– Он рвался поехать на похороны, пришлось его долго отговаривать и просить остаться дома с Лелей. Ты же понимаешь, ему нельзя к Тамаре. И Лелю брать я не хочу, все-таки похороны – это для нее слишком травматично. Когда ты сможешь приехать?

– Я еще не говорил с руководством, но надеюсь, что завтра вечером смогу выехать. В крайнем случае – послезавтра. Послушай, я правильно понял, что Андрюха летит сегодня вместе с тобой?

– Правильно. Он сам вызвался, я его не просила.

– С чего это вдруг? Он что, все эти годы поддерживал отношения с Томкой? Или он ради тебя затеял эту поездку?

Несмотря на давящую на сердце тяжесть, Любе на мгновение стало смешно. Родислав ревнует. Да к кому? К Андрюше Бегорскому, который за три десятка лет ни разу не бросил на Любу заинтересованного взгляда и относился к ней очень тепло, даже нежно, но исключительно дружески. Может, и вправду дело в Тамаре? Да, Андрей из тех людей, которые умеют годами поддерживать знакомство, никогда никого не бросают и не забывают, но чтобы с Тамарой... Впрочем, сейчас это не имеет ровно никакого значения. У Томи горе, и Андрей хочет помочь, вот что важно, а вовсе не то, когда он в последний раз видел Любину старшую сестру или разговаривал с ней по телефону.

Люба благоразумно перевела разговор в другое русло и принялась объяснять мужу, что Николай Дмитриевич поедет на похороны вместе с ним, что она поручила Ларисе заботы по хозяйству и дала ей ключи от квартиры и что вылетает она в девять вечера и Коля обещал собрать для нее сумку с вещами и привезти прямо в аэропорт, потому что сама она никак не успевает, ей нужно еще кое-что доделать по работе, прежде чем оставлять команду бухгалтеров и экономистов на целую неделю.

– Послушай, – спохватился Родислав, – а деньги Раисе? Надо же их как-то передать. Я никак не успею.

– Андрей сказал, что решит этот вопрос.

– Опять Андрей! Любаша, я начинаю думать...

– Перестань, Родик. Думай лучше о том, что тебе надо ехать в Нижний вместе с папой. Я боюсь, как бы ему в поезде плохо не стало. Когда заедешь за ним, возьми, пожалуйста, с собой все его лекарства и тонометр не забудь. Если тебе покажется, что что-то не так, заставь его немедленно измерить давление и смотри за ним внимательнее, ладно? Ты же знаешь папу, он будет терпеть недомогание до последнего и ни за что не признается, что плохо себя чувствует. Главное – вовремя дать лекарство, не пропустить начало приступа. Папа еще от путча в себя не пришел, а тут с Гришей такое несчастье. Он когда услышал про Гришу – заплакал. Можешь себе представить, в каком он состоянии. Я была бы тебе очень признательна, если бы ты сегодня вечером заехал к нему, не хочу, чтобы он оставался один.

Последние несколько дней стали для генерал-лейтенанта Головина тяжким испытанием. В семье он был первым, кто узнал об отстранении Горбачева в связи с невозможностью выполнять функции главы государства по состоянию здоровья. Николай Дмитриевич вставал рано и уже в 6 утра слышал сообщение по Центральному телевидению. Он немедленно позвонил Романовым и разбудил их. Люба и Родислав не могли поверить услышанному, сами включили телевизор и увидели концерт симфонической музыки, а чуть попозже на экране возникло лицо диктора, который снова зачитывал Указ, подписанный Янаевым.

– Всё, – мрачно констатировал Родислав, – реформы теперь похерят, будем возвращаться назад.

Для Любы это означало в тот момент только одно: частное предпринимательство, хозрасчет и самофинансирование окажутся под запретом, ни у Тамары, ни у нее самой не будет

больше доходов, которые позволят решать финансовые вопросы с Лизой, ее детьми и сиделкой, Колин кооператив прикроют, на государственную службу без высшего образования устроиться ему будет непросто, да он и не захочет, начнет снова болтаться по притонам и затевать разные аферы в компании с сомнительными личностями, чтобы обогатиться, и наверняка попадет в тюрьму, и как дальше жить – совершенно непонятно. Когда в 9 утра радиостанция «Эхо Москвы» передала заявление Бориса Ельцина, в котором Указ Янаева был назван реакционным переворотом и прозвучал призыв к всеобщей забастовке, Люба была уже на работе и слушала радио вместе с остальными сотрудниками. Если до того момента все мысли ее были направлены на вопросы экономические – как теперь выживать? – то после выступления Ельцина ей стало страшно: ощутимо запахло гражданской войной. К концу дня страхи ее оказались подкреплены и введением комендантского часа, и входом в город подразделений Таманской и Кантемировской дивизий и дивизии имени Дзержинского. В девять вечера в программе «Время» показали многотысячную толпу у Белого дома, бронетехнику и Бориса Ельцина, который, стоя на танке, зачитывал указ о недействительности указов ГКЧП на территории России.

– Ничего себе! – ахнул Родислав, увидев эти кадры по телевизору у себя в служебном кабинете – в связи с чрезвычайным положением всем сотрудникам Министерства внутренних дел велено было находиться на рабочих местах. – Это что же получается, ГКЧП совсем ситуацию не контролирует, если допускает, чтобы по телевизору такое показывали? Как же они переворот затевали, если ничего не продумали и не подготовились? Ну, теперь победа демократии обеспечена, такой прокол путчистам даром не пройдет.

Он немедленно позвонил домой и поделился с Любой своими соображениями. Через несколько минут раздался телефонный звонок от тестя.

– Что происходит, Родислав? – строго спросил он. – Что у вас слышно? Что говорят?

– Ну, вы по телевизору сами все видели, – уклончиво ответил Родислав.

Никаких более подробных комментариев он давать не собирался, хватит и того, что он осмелился жене позвонить со своими личными соображениями. Ему было хорошо известно, что среди путчистов находится и министр внутренних дел, и председатель КГБ, посему вероятность прослушивания всех служебных телефонов весьма и весьма высока. Вопрос же о том, сколько у министра сторонников в рядах работников МВД, оставался открытым, несмотря на то что рядовые сотрудники почти поголовно были на стороне Ельцина и демократов.

Генерал Головин уклончивость зятя истолковал правильно и разговор быстро свернул, зато когда через три дня все закончилось и члены ГКЧП были арестованы, сразу же приехал к Романовым.

– Как же так можно: втихую, исподтишка, в спину! – сокрушался он. – Как можно было напрямую лгать народу о состоянии здоровья Горбачева! Не могу поверить, что это сделали коммунисты, члены той партии, которой я верно служил больше пятидесяти лет. Если эти люди – лицо партии, то мне стыдно за то, что я этой партии отдал полвека своей жизни. Если они были уверены в своей правоте, то неужели не могли сделать все как-то по-другому, достойно, открыто, заручившись поддержкой народа, чтобы руки не тряслись, словно они кур воровали?

Знаменитые кадры пресс-конференции, на которых крупным планом показывали трясущиеся руки Геннадия Янаева, демонстрировали по телевидению снова и снова, и трудно было представить, что в стране есть хоть один человек, который этих кадров не видел.

– Так народ-то их не поддерживает, – заметил Родислав. – Они это понимали, потому и действовали тайком.

– Это еще хуже, – мрачно ответил Головин. – Знать, что народ тебя не поддерживает, но все равно делать, означает, что они действовали исключительно в личных интересах, ради власти и собственной выгоды.

– Папа, не надо так, – вступила Люба, испугавшись упаднических настроений отца. – У путчистов могло и не быть собственной выгоды, просто они думали, что народ не понимает,

как все плохо, а они там, наверху, все видят и все понимают и действуют во благо народа, который глупый и правды не знает.

– Любка, ты их не выгораживай, – повысил голос отец. – Если эти коммунисты считают народ быдлом, которое нужно вести на веревочке и который сам ни в чем не разберется, то это не те коммунисты, с которыми я бок о бок войну прошел, и это не та партия, которой я верно служил. Еще раз повторяю, если те, кто устроил ГКЧП, это лицо нашей партии, то вся моя жизнь прожита зря.

В тот момент он еще казался уверенным в своей правоте и сильным, нестигаемым, но когда прощался и уходил, Люба заметила, как всего за несколько часов изменилось лицо Николая Дмитриевича. На нем проступили усталость, растерянность и глубокая печаль. Целуя отца в щеку, Люба почувствовала, как дернулись желваки у него на скулах, словно Головин пытался сдержать слезы. Она решила, что ей почудилось – не хотелось верить в то, что он так пал духом. Однако нынешние слезы отца, когда он услышал о гибели зятя, подтвердили ее худшие опасения.

* * *

На похоронах Григория Виноградова генерал Головин впервые в жизни почувствовал себя действительно старым. Он смотрел на Тамару, такую маленькую рядом с высоким Родионом, сгорбленную, в черном платке, с резкими, заостренными чертами лица, похожую на старушку, и думал о том, что уже никогда не увидит ее красивой и счастливой, такой, какой она была на его юбилей, а до этого – в тот день, когда она впервые привела Григория знакомиться с родителями. Между этими днями прошло восемь лет, и все эти восемь лет Головин не видел свою дочь, а ведь это были годы, когда он мог постоянно видеть ее одухотворенное лицо, ее горящие глаза, ее сверкающую радостную улыбку. Восемь лет потеряно безвозвратно, потеряно из-за его упрямства и нежелания примириться с решением строптивой дочери, с ее выбором. Господи, каким мелким, каким глупым и недостойным сейчас кажется его отцовская суровость и жесткость, каким чудовищным выглядит запрет для жены Зиночки общаться с Тамарой! Как он мог быть таким упрямым и тупым? Да, ему не понравились длинные волосы Григория, его шейный платок вместо галстука, его профессия, его разговоры о свойствах самоцветов, но разве это имеет хоть какое-нибудь значение в сравнении с тем, что он восемь лет не видел дочь и что ее не было рядом, когда умирала Зиночка? Как знать, если бы он не отлучил Зиночку от Тамары, возможно, жена была бы до сих пор жива. Как знать... И как знать, если бы он не проявил тогда такой ослиной упертости и построил бы отношения со старшей дочерью и ее мужем как-то по-другому, может быть, не было бы этого дикого преступления и Гриша бы не погиб. Николай Дмитриевич живо представил себе картину: с самого начала он хорошо принял Григория, и дочь с мужем регулярно приезжают в Москву в гости к Головину, эти поездки стали традицией, особенно по дороге в отпуск и обратно, и вот сейчас, в конце августа, Томочка с Гришей возвращаются из Крыма и останавливаются у отца на несколько дней, а в это время грабители залезают в их квартиру... Да и пусть залезают, пусть берут все, что хотят, но Тамара и Гриша в Москве, в безопасности. Господи, как было бы хорошо, если бы случилось именно так! Но не случилось. И виноват в этом сам генерал Головин. Да, он помирился с дочерью, но это случилось слишком поздно для того, чтобы отношения сложились принципиально иначе. Частыми гостями в доме Головина Тамара и ее муж так и не стали. И отныне Тамара навсегда превратится в маленькую, сгорбленную, раздавленную горем старушку, и никогда больше отцу не увидит ее красивой, счастливой и молодой. Но если Тамара – старушка, то кто же он, ее отец? Дряхлый старец, которому давно пора в могилу.

Вот и Любочка постарела, сейчас Николай Дмитриевич видит это особенно отчетливо. Черный шарф на голове ее не молодит, но он накануне заметил седину в ее волосах, так что

шарф тут ни при чем. Люба стоит заплаканная, глаза опухшие, красные, хотя Николай Дмитриевич плачущей ее не видел. Прячется, наверное, рыдает тайком в подушку или в ванной запирается, так Анна Серафимовна учила: никаких слез при мужчинах, они этого не любят. Тамаре в этом году исполнилось сорок семь, Любочке сорок пять, да что говорить, Кольке уже двадцать шесть лет, если бы он успел жениться, то Любочка могла бы быть бабушкой. Его Любочка, его маленькая послушная добрая девочка – бабушка?! Родька, которого Головин знал еще сопливым пацаном, – дед? А сам Головин – прадед? Боже мой, боже мой, вся жизнь позади, все прошло, и ничего не осталось, все стареют, болеют, слабеют, и только сейчас начинаешь понимать, что было главным, но так и не увиденным и не понятым, а что – глупым, мелким, второстепенным, которое казалось таким важным, что во имя этого мелкого и второстепенного делались огромные и непоправимые глупости. И нет этим глупостям прощения.

Гражданская панихида все не заканчивалась, народу пришло очень много, и много было желающих сказать добрые прощальные слова в адрес Григория Аркадьевича Виноградова. Организацию похорон взяло на себя руководство города – муж Тамары был действительно широко известным человеком, которому многие были благодарны. Николай Дмитриевич, имевший богатый опыт присутствия на панихидах и похоронах, не мог не отметить, несмотря на горе, что выступления были неформальными и проникнутыми искренней печалью и болью. Видно, Григорий был не только превосходным мастером своего дела, но и очень хорошим человеком, коль о нем так горюют. А он, генерал-лейтенант Головин, так и не узнал по-настоящему этого человека, он сам, своими руками, своей глупостью и неуступчивостью лишил себя радости общения с умным, добрым и веселым мужем своей старшей дочери. И ничего уже нельзя исправить. И ничего невозможно переделать. Жизнь уходит, уходит, с каждой минутой ее становится все меньше, а совершенные ошибки остаются, страшные в своей постоянности и неизменности.

На следующий день после похорон Николай Дмитриевич вместе с Родиславом и Андреем Бегорским уезжал в Москву.

– Тамара, – сказал Головин, обнимая осунувшуюся и как будто ставшую еще меньше ростом старшую дочь, – если тебе будет трудно здесь – возвращайся ко мне, будем жить с тобой вдвоем. Мы теперь с тобой оба вдовы и всегда друг друга пойдем. Я понимаю, у тебя здесь работа, свое дело, друзья, но если тебе покажется, что рядом со мной тебе станет легче, – знай: я всегда тебе рад.

– Спасибо, папа. Я вряд ли вернусь, но все равно спасибо, – ответила Тамара, глядя на отца сухими тусклыми глазами.

Люба осталась с сестрой еще на пару дней. Тамара держалась стойко, совсем не плакала, постоянно делала что-то по дому, но Люба видела, что мысли ее по-прежнему с мужем. Сестра то сыпала муку в кастрюлю с бульоном, то включала воду в ванной и не могла вспомнить, что собиралась делать, не то принять душ, не то постирать, не то просто умыться.

– Тома, как же ты будешь работать? – озабоченно спрашивала Люба. – Тебе нужно взять отпуск хотя бы на месяц, а лучше – на два, прийти в себя, хоть как-то восстановиться. Сейчас ты ни на что не годишься.

– Ничего, – отмахивалась Тамара, – я справлюсь. Это я такая расслабленная, потому что ты рядом. Как только ты уедешь, я соберусь, возьму себя в руки и начну работать. Работа – хорошее лекарство, наверное, самое лучшее. Не волнуйся за меня, я справлюсь, я же Стойкий Оловянный Солдатык, – она вымученно улыбнулась.

– Тома, – осторожно начала Люба, – тебе, наверное, теперь сложно будет высылать мне каждый месяц двести рублей. Гриши больше нет, тебе твои собственные доходы не позволяют...

– Глупости, – оборвала ее Тамара. – Мои доходы мне позволяют.

– Но...

– Любаня, ты пойми, – Тамара заговорила мягко и будто даже просительно, – мне сейчас очень трудно. И еще долго будет трудно. Мне нужно искать любые способы уцепиться за жизнь, будь то работа или просто помощь кому-то. А ты – не кто-то, ты моя сестра, единственная, младшая, любимая, и твои проблемы – это и мои проблемы тоже. Позволь мне поучаствовать в их решении. Если я буду знать, что должна кровь из носу заработать столько, чтобы прожить самой и отослать двести рублей тебе, я буду работать как проклятая, без сна и отдыха, я буду думать только о работе, о своем салоне, о своем деле, и это меня сейчас спасет. Понимаешь? Если ты отнимешь у меня эти злосчастные двести рублей, я начну думать, что моя работа никому не нужна и я сама никому не нужна, вот была нужна Грише, а теперь его нет – и я не нужна никому. У меня сейчас трудный период, как всегда бывает после потери близкого: пропадает мотивация. Зачем жить? Зачем работать? Зачем стремиться к успеху, к заработку? Зачем все это, если в жизни больше нет самого главного? Все теряет смысл, больше нет цели. Мне самой мало что нужно, и в принципе, все, что мне нужно, у меня уже есть. Есть квартира, есть машина, есть мебель и одежда, на кусок хлеба я заработаю, даже если буду трудиться спустя рукава, потому что ем я мало, а работа моя стоит очень дорого. Ну и что мне останется, если я буду знать, что эти двести рублей больше не нужны? Я скачусь в пропасть – даже глазом моргнуть не успею. Ты этого хочешь?

Этого Люба, конечно же, не хотела. И уезжала она из Нижнего Новгорода хотя и с тяжелым сердцем и с болью, но в то же время с уверенностью, что с сестрой все будет в порядке. Тамара справится.

* * *

Ворон рыдал, завернув шею и спрятав голову под крыло. Ветер лил горячие слезы, орошая Камня потоками холодного декабрьского дождя, который замерзал на лету и, превращаясь в колючие снежинки, сыпался и забивался Камню в ноздри и уши. Сам Камень хранил суровое молчание, изображал мужественность и судорожно глотал слезы, стараясь, чтобы друзья не заметили его слабость. Не пристало рассудительному философу проявлять эмоции и всяческую мягкотелость.

– Бедный Григорий! – отчаянно всхлипывал Ветер, который, напротив, эмоций своих не стеснялся и проявлял их всегда весьма бурно. – Такой хороший был человек! И Тамару сделал счастливой, и людей делал красивыми, и вообще... У кого только рука на него поднялась? И Тамару жалко ужасно, я по вашим рассказам представлял себе, какая она красивая, интересно одетая, модно причесанная, со сверкающими глазами, с улыбкой, а теперь она стоит как маленькая сгорбленная старушка! Просто сердце разрывается.

Ворон извлек голову из-под крыла и смахнул слезы, капающие с клюва.

– Тамару ему жалко! – сиплым от рыданий голосом огрызнулся он. – Посмотрите на него, на этого жалельщика! А Любу тебе не жалко? Моя Любочка, по-твоему, что, с боку припека к этой трагедии? Мало ей своих проблем с Родиславом и его детьми, с Николашей, с соседом Геннадием и его семейством, так еще на нее сваливаются овдовевшая и убитая горем сестра и внезапно сломленный папая. Ну куда ей еще и это? Откуда силы взять?

– Нашел кого жалеть, – простонал Ветер. – У Любочки твоей ненаглядной, между прочим, муж есть и двое детей, а у Тамары никого. Никого! Ты хоть это понимаешь, чернокрылая твоя душонка? Она совсем одна остается, одна как перст, никому не нужная, одинокая и всеми брошенная. Скажи, Камешек! Чего ты молчишь? Скажи этому моральному уроду, кого тут надо жалеть. Ты у нас в авторитете, как скажешь – так и сделаем.

Камень откашлялся, пытаясь настроить голосовые связки таким манером, чтобы друзья не услышали старательно подавляемых слез.

– Я не имею никакого морального права указывать вам, кого надо жалеть больше, а кого меньше, – неторопливо начал он. – Императивы в таком деле неуместны. Внесу лишь некоторые коррективы.

– Ну, запел, – недовольно протянул Ворон. – Ты будто лекцию в университете читаешь. Мы про человеческие чувства говорим, и будь любезен использовать нормальную лексику, чтобы не создавалось ощущения, что мы участвуем в научной дискуссии.

– Ага, – тут же подхватил Ветер, – ты уж попонятней говори, Камешек, образованность нам свою не показывай, а то у меня лично может развиваться комплекс неполноценности.

– Уроды, – проворчал Камень. – Вот ведь уроды, право слово. Мы о серьезном говорим, даже о грустном, а вам все хиханьки. Но если вам интересно мое мнение по обсуждаемой проблеме, то скажу, что насчет Тамары ты, Ветер, не прав категорически. Да, у нее нет детей, а теперь нет и мужа. Но у нее есть отец, с которым она, слава богу, помирилась, у нее есть сестра и племянники, у нее есть любимая работа и свой бизнес, и, в конце концов, у нее есть друзья. И пассаж насчет того, что у Тамары никого нет, я не принимаю. Почему это она одинокая, никому не нужная и всеми брошенная? С чего ты это взял? Из рассказа Ворона это никоим образом не следует. Да, она горюет, да, ей больно, она потеряла близкого и любимого человека, но насчет брошенности, ненужности и одиночества – я не согласен. А вот кого на самом деле ужасно жалко, так это старика Головина.

– Чего его жалеть-то? – удивился Ветер. – Он Григория никогда особо не любил, сперва вообще за человека не считал, потом вроде примирился, но искреннего расположения к нему все равно не испытывал, так только, терпел. Так что для Головина смерть зятя – это и не утрата вовсе.

– Ну да, не утрата! – тут же возмутился Ворон. – А чего же тогда старик заплакал, когда Люба ему про смерть Григория сказала? Ведь он же плакал, я точно знаю, я хоть и не видел, потому что с Любиной стороны смотрел, но я на него настроился.

– В самом деле? – скептически осведомился Камень.

– Ей-крест, не вру. Думаешь, откуда я его мысли на похоронах знаю?

– Я думаю, что ты ведь и наврать мог, ты у нас такой.

– Не смей меня подозревать! – закричал Ворон. – Подумаешь, один раз всего тебя обманул, но я же раскаялся и во всем признался, а ты теперь будешь во веки вечные меня этим попрекать. Это неблагородно с твоей стороны и невеликодушно.

– Как же тебе удалось? – продолжал допрос Камень. – Головин у нас вроде не главный герой, а ты сам говорил, что можешь настроиться только на главных, на тех, про кого давно смотришь и кого хорошо изучил.

– Ну ты скажешь! – фыркнул Ворон. – Мы с тобой что, мало про Головина смотрели? Мы про него мало знаем? Да слава богу, с пятьдесят седьмого года этот персонаж наблюдаем, тридцать четыре года как одна копеечка! Я про него много чего видел, просто тебе не рассказывал, чтобы эфир не засорять, потому что к основному действию это отношения не имело, а ты всегда ругаешься, если я отклоняюсь от основной линии. Ну вот, количество увиденного перешло в качество, тебе, как ты есть философ, данная категория должна быть понятна. Я и настроился. Теперь я у Головина в голове как у себя дома. И ответственно заявляю, что плакал он совершенно искренне. И Любочка моя, между прочим, тоже рыдала, когда в поезде в Москву из Нижнего ехала. Бегорский-то с Родиславом и с Головиным самолетом улетели, а Любе они взяли билет на поезд, причем было куплено два билета в одно двухместное купе спального вагона, чтобы у нее соседей не было...

– Умно, – заметил с высоты Ветер. – Очень дальновидно. Человек, когда с такого горестного мероприятия едет, к пустой дорожной болтовне не расположен, ему надо одному побыть. Да и выспаться не мешает как следует, если утром на работу надо. Это кто ж таким предусмотрительным оказался? Неужели Родислав?

– Ну да, щас! – отвечивал Ворон. – Будет он себе голову такими пустяками забивать. Бегорский, конечно. Сам сообразил, сам и билеты купил, Родислава даже в известность не поставил, только Любе сказал. Ну и заплатил, соответственно, из своего кармана. Любочка моя попыталась ему деньги отдать, но он, само собой, не взял. Ну так вот, села она в поезд и как начала плакать – ужас! Так до самого утра и проплакала. И не вздумайте мне говорить, что ее не за что жалеть. Раз она так плачет, значит, у нее горе, самое настоящее горе.

– Ну, значит, и у Головина горе, потому что он тоже плакал, – не сдавался Камень. – Как хотите, а я буду его жалеть, потому что он из них всех самый горький был на этих похоронах.

– Откуда ты знаешь? – упорствовал Ворон. – Ты не видел!

– А ты...

– Пацаны, кончай разборки, – вмешался Ветер, не терпевший ссор и вообще каких бы то ни было конфликтов. – У всех горе, и всех жалко. Договорились? Давайте лучше насчет Нового года подумаем.

– А чего о нем думать? – недовольно проворчал Камень. – Подумаешь, праздник придумали. Да этих праздников на нашем веку – не перечесть, не первый и не последний будет.

Он, конечно, лукавил, потому что помнил об обещании Змея встретить Новый год вместе, если только Ветра и Ворона не будет поблизости. У Камня был свой стратегический расчет.

– Но все равно это праздник, – возразил Ветер. – Я, например, планировал слетать в Канаду, там есть одно хитрое место, где очень классно Новый год встречать, но если вы тут решили устроить траур и будете сидеть и грустить, я никуда не полечу, останусь с вами и буду вас развлекать и настроение вам поднимать.

«Этого только не хватало», – подумал Камень, а вслух произнес:

– Мы не собираемся грустить и траур разводить, так что лети, куда запланировал. И вообще, поскольку для меня это не такое уж событие, лично я собираюсь в Новый год крепко спать. Не надо мне никаких праздников.

– Как это не надо? – встрепнулся Ворон. – Праздник должен быть обязательно! В жизни всегда должно быть место празднику, иначе можно заскучать и окончательно скиснуть. Нет, я не согласен, встречать Новый год непременно надо.

– Ну и встречай, только один, без меня, – пробурчал Камень, в глубине души радуясь, что стратегический план удавалось вполне успешно воплотить в жизнь. – Мне эти радости не нужны. Я философ, а не обыватель, я не нуждаюсь во внешних раздражителях, чтобы создать себе хорошее настроение. А вот выспаться мне не помешает. Если тебе так приспичило устраивать праздник, лети вместе с Ветром в Канаду и веселись там до упаду.

– И что, ты не обидишься? – прищурившись, спросил Ворон.

– Да ни в одном глазу! Я тебе серьезно говорю: лети и отмечай свой праздник, а я пока отдохну малость.

– Слушай, раз такой разговор пошел... – в голосе Ворона появились воркующие интонации, – только ты мне дай честное слово, что не обидишься. Дашь?

– Даю.

– Я чего хотел сказать-то. – Он помялся немного. – Короче, меня белочка приглашала вместе отмечать. Я ей, конечно, ничего не обещал, для меня ты – главное, а твоих планов я еще не знал, но если ты не возражаешь, то я бы...

– Да не возражаю я, не возражаю, наоборот, я только порадуюсь за тебя, если буду знать, что ты веселишься в хорошей компании. Ну честное слово, Ворон, вот чем хочешь поклянусь: все будет в порядке. Ты встретишь праздник, Ветер тоже порезвится, а я посплю, мне только в радость будет.

– Ну, тогда я полетел, что ли? – обрадовался Ветер.

– Стой! Куда?! – закаркал Ворон. – А елку украшать? Ты нам каждый год игрушки откуда-то притаскиваешь.

– Так Камень же сказал, что ему не надо... – растерялся Ветер.

– Ему не надо, а я что, не личность? – обиделся Ворон. – Мне надо. Я же только на одну новогоднюю ночь к белочке уйду, а остальное-то время я здесь провожу, рядом с Камешком, и мне красота нужна, ощущение праздника. Так что уж будь любезен, тащи сюда игрушки.

– Да ладно, не вопрос, – согласился Ветер. – Чего ты сразу орешь-то? Сказал бы спокойно, я бы понял.

Через час рядом с Камнем лежала внушительная гора елочных украшений. Ветер попрощался и улетел в Канаду, а Ворон принялся украшать высоченную старую ель, стоящую прямо рядом с Камнем. Закончив работу, он с удовлетворением оглядел результаты собственных усилий, кое-что подправил, перевесил самую красивую игрушку так, чтобы она была хорошо видна Камню, и начал протягивать между ветками всех стоящих вблизи деревьев длинные красные с золотом и синие с серебром нитки «дождя».

– Смотри, как нарядно, – радовался Ворон. – Кругом все сверкает и переливается, а ты в центре этой красоты, как попугайчик в золоченой клетке. Нравится?

– Нравится, – признался Камень, который, несмотря на всю свою философичность и рассудительность и невзирая на заявления о том, что Новый год – это сущая безделица и вообще полная ерунда, на самом деле очень любил праздники, скрашивавшие его однообразное неподвижное существование. Однако следовало делать вид, что он все равно собирается в новогоднюю ночь крепко спать, дабы Ворон ни о чем не догадался и спокойно улетел к своей новой пассии. – Только мне жалко, что ты столько сил на эту красоту потратил, а я же все равно буду спать, некогда мне будет порадоваться.

– Ничего, мы с тобой еще вместе порадуемся, это только кажется, что Новый год – одна секунда, на самом деле это длинный-предлинный праздник, его можно уже сейчас начинать отмечать, а закончить недели через две, как люди делают. А некоторые и дольше празднуют, аж до самого Крещения, если они православные, до девятнадцатого января. Я тебе от белочки какой-нибудь вкуснятины приволоку, и мы с тобой вместе поотмечаем, ладно?

– Договорились, – покладисто согласился Камень. – А сколько до Нового года осталось?

– Да один день всего. Сегодня тридцатое декабря. Слышь, Камешек... – Ворон снова засмутился и виновато запрыгал вокруг старого товарища.

– Говори уж, не тяни, – проворчал Камень.

– А ничего, если мы с тобой сегодня сериал смотреть не будем, а? Ну, ты понимаешь, я все-таки к даме в гости иду, в смысле – лечу, она, конечно, жуть какая хозяйственная, прямо как моя Любочка, но все-таки мать-одиночка с кучей ребятишек, негоже мне с пустыми руками к ней являться. Надо бы и к общему столу кой-чего раздобыть, и гостинцев деткам найти, и подарки всем припасти, чтобы было что под елку положить, а то как-то некрасиво выйдет.

– Конечно, конечно, – снова согласился Камень, стараясь по мере возможности не выказывать удовольствия от такого удачного расклада. – Лети, добывай все, что нужно, чтобы белочка на тебя не обижалась, она хорошая, добрая и помогает всегда, стоит только попросить, никому не отказывает. Даже если у вас на любовном фронте ничего не выйдет, все равно не стоит портить с ней отношения.

– Ты старый циник! – возмутился Ворон. – Добро надо делать просто так, от души, а не с дальним прицелом. И не стыдно тебе, философу, знатоку этики, такие вещи говорить?

– Стыдно, – признался Камень. – Я и сам чувю, что сказал что-то не то, но при этом понимаю, что какая-то правда в моих словах есть, только никак не могу догадаться, какая именно. Что-то скребет у меня внутри, то ли мысль какая, то ли ощущение, а уловить не могу. Пока не могу, – уточнил он. – Но я еще подумаю над этим. Так ты сейчас насовсем улетишь или еще до Нового года вернешься?

– Наверное, насовсем. Ты же понимаешь, пока гостинцы найду, пока подарки подберу, потом сразу полечу к белочке, может, ей там помочь чего-нибудь надо, елку украсить или еще

что, у меня-то быстрее получится. Ну и останусь уж с ней до самого праздника. Ничего? Ты не обижаешься?

– Птичка моя, ну сколько ж можно об одном и том же? Я ничуть не обижаюсь, наоборот, я радуюсь за тебя, радуюсь, что у тебя протекает активная личная жизнь, что ты общаешься с другими особями, а не только со мной. Ты же мне потом все рассказываешь, ну, почти все, – деликатно уточнил Камень, – и меня это развлекает, и я вроде как вместе с тобой тоже общаюсь и живу полноценной жизнью. Что толку, если ты будешь просиживать рядом со мной целыми днями? Мы эдак с тобой со скуки протухнем. Ты – мои глаза и уши, вот и будь любезен летать, смотреть, слушать, чтобы было потом, что мне рассказать.

Камень очень напрягался в попытках не перестараться побыстрее спровадить Ворона, чтобы тот не почуял подвох, поэтому аргументы выбирал не самые убойные, а так, помягче. Ворон натуру своего друга знал отлично, и, если выдвинуть совсем уж неопровержимые аргументы, он может и забеспокоиться, ибо Камень радикализмом никогда не отличался и всегда в дискуссиях демонстрировал мягкость и умеренность.

Оставшись один, Камень набрался терпения и начал ждать. Он очень надеялся, что ждать слишком долго не придется, ведь сказал же Ворон, что Новый год уже завтра, времени-то практически не осталось, значит, Змей должен появиться если не с минуты на минуту, то по крайней мере с часу на час.

– Что-то под праздник тебя любопытные мысли начали посещать, – послышался свистящий шепоток.

– Ну слава богу! – Камень не скрывал своей радости. – Я уж стал бояться, что ты передумал и уполз в какую-нибудь веселую компанию.

– Да нет уж, я тут неподалеку отлеживался и от души веселился, глядя, как ты разгоняешь в разные стороны своих коллег по просмотру. Насчет Ветра я не беспокоился, ему трудно долго на одном месте сидеть, а вот наш летучий вещун вполне мог проявить свойственную ему жалостливость и добросердечие и остаться с тобой. Но ты молодец, чисто его спровадил, – похвалил Змей.

– А что ты насчет любопытных мыслей сказал? Ты что, собственно, имел в виду?

– Да то, что ты пытался, но так и не смог объяснить нашему крылатому телевизору. По поводу добра с дальним прицелом. Ты верно почуял, там есть разумное зерно, только с твоей этикой оно никак не согласуется.

– Вот я и понимаю, что не согласуется, – вздохнул Камень. – Я даже сформулировать толком свою мысль не могу. И не представляю, откуда она у меня в голове-то появилась.

– Зато я представляю, – прошипел Змей. – Это все от вашего сериала идет, а точнее – от Любы. Теперь слушай меня внимательно и не перебивай, даже если очень захочешь. Просто слушай и старайся вникнуть, потому что мысль сложная, с наскока ее не ухватишь. Никто никогда не делает добро просто так, от души. Это очередной миф, один из тех, которыми напичкана человеческая культура. Вы с Вороном, конечно, не человеки, но отношения строите по людским меркам, а ты вообще поклонник философии, которую, между прочим, люди придумали. Так что у вас с птичкой в головах те же самые ошибки живут, что и у людей. Но я отвлекся. Значит, возвращаемся к тому, что никто никогда не делает добро просто так. Более того, люди совсем ничего и никогда не делают просто так – ни добро, ни зло. У всего есть причина, и, самое главное, для всего есть цель. Вот о целях-то я и собираюсь вести речь. У каждого доброго поступка есть цель, каким бы бескорыстным он ни казался. Запомнил?

– Запомнил, – шевельнул бровями Камень. – Но не понял.

– Сейчас поймешь. Для начала запомни еще одну непреложную истину: ни одно существо, у которого есть мозг, не станет платить за то, что ему не нужно.

– Ну, это ты хватил! – не согласился Камень. – Мне Ворон сто раз рассказывал, когда мы сериалы смотрели, как люди, особенно женщины, мотаются по магазинам и делают дурацкие

покупки, совершенно им не нужные. Приобретают вещи, которые потом годами валяются на полках, пылятся и только место занимают. У людей даже слово специальное для этого придумано, шопингомания или что-то вроде того.

– Прямолинейно мыслишь, – Змей сморщил лоб, выражая тем самым неудовольствие. – Да, человек купил ненужную ему вещь и заплатил за нее деньги. Но зачем он это сделал?

– И зачем? – повторил вслед за ним Камень.

– В момент покупки он испытывал удовлетворение или даже удовольствие. Ему необходимо было сделать покупку, чтобы достичь какой-то своей цели, например самому себе казаться не хуже других, тех, которые эту вещь уже имеют. Или даже бери выше – ему хотелось казаться лучше тех, кто такую покупку себе позволить не может. Ему или ей хотелось чувствовать, что он или она тоже не лыком шиты и могут купить брендовую шмотку.

– Какую-какую? – переспросил Камень, услышавший незнакомое слово.

– Брендовую. Это у людей такое слово для обозначения продукции известной фирмы. Среди человеков очень часто попадаются такие, кто вообще покупает только брендовые вещи, потому что это якобы свидетельствует о его успешности, богатстве, о его высоком статусе. В общем, у людей в головах полно мифов по поводу этих брендов и фирм, и вот, совершая покупки, они зачастую просто тешат собственное самолюбие и мелкое тщеславие. А эта потеха – дорогая, она денег стоит. Ты что же думаешь, какая-нибудь фифочка покупает пятую или десятую шубу, потому что ей зимой на улицу не в чем выйти? Нет, она платит деньги исключительно за то, чтобы чувствовать себя не хуже прочих фифочек из своего окружения. И тот факт, что она эту шубку наденет, может быть, всего два-три раза, а потом повесит в шкаф, вовсе не свидетельствует о том, что она заплатила деньги за то, что ей не нужно. Шуба как таковая ей не нужна, это правда, а вот приобретение шубы – очень даже нужно, и за это она готова платить. И платит.

– Ладно, это я понял. Но ведь покупка десятой шубы – это не доброе дело, а мы начали именно с добрых дел. Я пока связи не улавливаю.

– Да связь-то самая прямая. Механизм один и тот же. Совершая любое доброе дело, человек делает его зачем-то, а не просто так. Например, ему хочется почувствовать себя великодушным, широким, щедрым. Или ему необходимо ощущать собственную нужность, ему хочется думать, что без него не обойтись, что в нем есть потребность. Или ему, как нашей дорогой Аэлле, хочется позиционировать себя покровителем и благодетелем сырых и убогих, обделенных и несчастных, тем самым создавая у себя иллюзию собственной успешности и состоятельности. Все, что человек делает, он делает зачем-то, запомни это, мил-друг, раз и навсегда. А если кто-то станет тебя убеждать в том, что это цинизм и мизантропия, – не верь. Просто люди пока не научились сами себе говорить правду и прикрываются мифами.

– Не уверен, что ты прав, – задумчиво произнес Камень. – Ведь есть же на свете чистые души, совершенно бескорыстные люди...

– Ой, опять ты за свое! – недовольно перебил его Змей. – Да ты вообще слышишь, о чем я тебе толкую? Чистый душой человек потому и совершает свои добрые поступки, что хочет сохранить свою душу в чистоте. В этом и состоит его личный интерес. Почему ты думаешь, что в слове «интерес» есть некая грязная подоплека? Интерес может быть очень даже благородным и морально поощряемым. Но все равно он есть, и именно он диктует людям потребность в совершении тех или иных поступков. Интерес – это и есть истинная мотивация, а удовлетворение этого интереса – истинная цель.

– Все равно это как-то... – начал было Камень, но Змей снова перебил его:

– Хорошо, давай возьмем грубую и понятную ситуацию: уход за тяжелобольным. Он лежащий, из-под него надо выносить судно, переворачивать его, смазывать пролежни, по несколько раз в день менять постельное белье, потому что у него недержание мочи и кала и он не всегда успевает вовремя попросить «утку». В комнате стоит вонь. Кроме того, этот чело-

век уже в маразме, неадекватен, кричит, плачет, ничего не помнит и ничего не понимает. Кормить его нужно с ложечки, и, как у маленького ребенка, половина еды оказывается на пижаме и постели. Ты можешь представить себе человека, которому было бы в радость ухаживать за таким больным?

– Ну, за деньги-то...

– Правильно. За деньги. А если без денег? Ну, включи фантазию.

– Тогда, может быть, за наследство? – предположил Камень.

– Может быть. А если и не за наследство?

– Так если этот больной твой близкий родственник, приходится ухаживать, куда ж деваться.

– Никуда не деваться, просто не ухаживать – и все. Бросить на произвол судьбы или сдать в приют. Но ведь не сдают и не бросают, а терпят и ухаживают, хотя никаких денег им за это не перепадает. Почему?

– Ну как это так? – сердито удивился Камень. – Как это можно: бросить старого больного человека на произвол судьбы. Представить себе не могу.

– А ты представь, потому что находятся такие, которые именно так и поступают. Не скажу, что они встречаются на каждом шагу, но все-таки встречаются. То есть такое поведение вполне реально. Но большинство все-таки терпит и не бросает больных стариков. Вот ты мне объясни, почему одни поступают так, а другие – эдак.

– Наверное, тем, которые больных бросают, наплевать на мнение окружающих. Все, что я знаю о людях, свидетельствует о том, что они к такому поведению относятся неодобрительно. Но, видимо, находятся человеки, которым неодобрение общества не мешает чувствовать себя вполне комфортно.

– Верно говоришь, – снова кивнул Змей. – И если следовать твоей логике, то получается, что те, кто терпеливо, сцепив зубы, ухаживает за больным, это люди, которым мнение общества не безразлично. Они не хотят, чтобы о них думали плохо, они не хотят быть изгоями в своем обществе, вот за это они и платят.

– Ишь ты! – хмыкнул Камень. – Ловко у тебя все вышло. Но ты меня все равно не убедил. Наверняка есть еще причины, по которым люди бескорыстно ухаживают за тяжелобольными.

– Назови, – предложил Змей.

– Из милосердия, из жалости. Из доброты, – твердо произнес Камень.

– А из милосердия – это как? – в голосе Змея послышались некие коварные нотки. – Из жалости – это как? Попробуй переведи эти эмоции в вербальную форму.

– В вербальную? – Камень задумался. – Я, конечно, не человек, но из всего, что я знаю о людях, можно предположить, что это будет звучать примерно так: «Мое сердце разрывается, глядя на то, какие страдания приходится переживать этому больному, и с моей стороны будет просто бесчеловечным не помочь ему». Вот так как-то.

– Умница! Теперь развежь, пожалуйста, эту мысль, особенно вторую часть фразы.

– Да куда ж ее еще развивать? – удивился Камень. – Я и так вроде бы все сказал.

– А ты напрягись, попробуй.

– Ладно. Мое сердце разрывается, мне от этого больно, а я не хочу, чтобы мне было больно и чтобы сердце разорвалось. Я вижу страдания этого больного, мне кажется бесчеловечным иметь возможность помочь ему и при этом не помочь, а я – человек и не могу вести себя бесчеловечно. Я просто не буду сам себя уважать, если не окажу ему помощь. Я не могу быть бессердечным. Всё, – выдохнул Камень. – Я иссяк. Я не знаю, как еще можно развить эту мысль.

– А больше и не надо ничего, – Змей одобрительно покачал овальной головой. – Ты все сказал. Все, что нужно. Твоя милосердная личность не хочет, чтобы ей было больно и чтобы ее сердце разорвалось, она хочет сама себя уважать и не хочет быть в собственных глазах

бессердечной. То есть у нее целых три интереса, а стало быть – три цели. Вот тебе и ответ на твой вопрос. Эта милосердная личность будет терпеливо ухаживать за тяжелобольным, тратить силы, нервы, здоровье, время, то есть она будет всем этим платить за достижение своих целей. И никогда в жизни эта личность не стала бы платить, если бы этих целей у нее не было. Никто не платит за то, что ему не нужно.

– Ну надо же, – восхищенно протянул Камень. – А мне и в голову не приходило. Неужели все так просто?

– Конечно, теперь тебе кажется, что просто, – рассмеялся Змей. – А ведь вначале ты даже приблизительно уловить не мог, о чем я толкую. Теперь вернемся к Любе. Тебя, как я понимаю, волнует мысль о том, ради чего она все это терпит? Да мало что просто терпит, еще и активно участвует в разгребании дерьма за своим муженьком. Верно?

– Не совсем. Для меня очевидно, что все это она делает для того, чтобы удержать Родислава, а удержать его можно только одним способом: избавлять от всяческого напряжения, делать так, чтобы с ней рядом ему было удобнее и легче, чем рядом с кем бы то ни было. Тут вроде все понятно. У Любы есть цель: сохранить брак, и за достижение этой цели она и платит такую высокую цену, а вовсе не по доброте душевной и не потому, что ей кого-то там жалко. Но все равно я чувствую, что до конца чего-то не додумываю. Там что-то еще есть, какое-то второе дно, какие-то скрытые мотивы.

– Верно говоришь. Есть такие мотивы. И между прочим, эти скрытые мотивы – вовсе даже и не скрытые, просто они глубинные, то есть они лежат на самом доньшке, под всеми остальными. И для всех людей они одинаковые.

– Да ну? – не поверил Камень. – Не может быть! Все люди разные, не может у них быть одинаковых мотивов.

– А вот и может. Тот мотив, который на самом доньшке, – он у всех один. И называется он «душевный комфорт». Другое дело – способы, которыми этот душевный комфорт достигается. Вот способы у всех людей действительно разные. Одним для того, чтобы его получить, нужно быть таким же, как все, не отличаться от большинства, другим, наоборот, нужно выделяться и быть ни на кого не похожим. Одним необходимо чувствовать себя независимым от чужой воли, другим – зависимым и подчиненным, одним хочется, чтобы их любили, другим – чтобы их боялись. Короче, всем нужно разное, но нужно для одной-единственной цели: для достижения душевного комфорта. И запомни: душевный комфорт – это единственная истинная цель любого человека, все, что люди делают, они делают только ради него и во имя него.

– Ну и что насчет Любы? – нетерпеливо спросил Камень. – Ты опять отвлекаешься.

– Для Любы душевный комфорт – это осознание себя идеальной женой. А идеальная жена – это женщина, рядом с которой нет конфликтов, которую все любят, которая никогда не скандалит и не закатывает истерики и рядом с которой всем хорошо и спокойно. Бабушка Анна Серафимовна, царствие ей небесное, воспитала младшую внучку в твердом убеждении, что быть идеальной женой – это единственное предназначение женщины, которое она должна выполнить кровью из носу, чего бы ей это ни стоило. Вот Люба и выполняет. Конечно, она продолжает любить Родислава, но во имя этой любви она могла бы и отпустить его в свое время, а не предлагать ему договор. Договор-то зачем был нужен? Чтобы оставаться идеальной женой, в противном случае ей пришлось бы признать, что ее миссия не выполнена. Ты вот, поди, думаешь, что она за просто так убивается на своем хозяйстве, спать ложится позже всех, ног под собой не чувствует от усталости, руки все растрескались от бытовой химии и жесткой воды. Думаешь, проклинает она свою женскую долюшку, но все равно делает, потому что в ней развито чувство долга. И если ты так думаешь, то очень сильно ошибаешься. Да, она страшно устает, но спать ложится с чувством глубокого удовлетворения: у нее все начищено, намыто, настирано и наглажено, все сверкает и скрипит, все зашито-заштопано, а завтра утром она встанет

раньше всех, и к завтраку у нее все будет готово, с пылу с жару, вкусненькое и свеженькое. Она – идеальная жена. Да ей в кайф это все!

– Не может быть, – с ужасом протянул Камень. – Ты точно знаешь?

– Абсолютно. И помогать Родиславу разбираться с Лизиним проблемами ей тоже в кайф, хотя она этого, конечно, не осознает. На поверхности сознания ей это все, безусловно, очень тяжело, она страшно переживает, чувствует себя униженной и даже где-то, по большому счету, оскорбленной, но поверь мне, мил-друг, Люба ни за что не стала бы платить такую высокую цену за то, что ей на самом деле не нужно. Она хочет быть женой, причем женой именно Родислава, поскольку любит его с детства и не может публично признаться в том, что ее выбор был ошибочным. Она хочет, чтобы дети видели в ней идеальную жену и мать. И чтобы отец был спокоен, видя, какая идеальная семья у его дочери. Только при этих условиях наступает душевный комфорт. Вот за это она и платит.

– Я тебе не верю, – сердито проговорил Камень. – Это не может быть правдой.

– Возможно, – согласился Змей. – Я часто ошибаюсь. Но в моих словах есть то, над чем стоит подумать. Однако вернемся к насущным проблемам.

– Это к каким же?

– К Новому году, естественно! У меня для тебя есть подарок.

– Ой, а у меня для тебя ничего нет, – расстроился Камень. – Ты же понимаешь, дружище, у меня нет возможностей...

– Да я не в претензии, – Змей тонко улыбнулся. – Ты мне уже сделал подарок тем, что разогнал свою банду любителей сериалов и дал нам с тобой возможность побыть вдвоем. А я тебе за это кое-что расскажу, дополню, так сказать, повествование. Ворон тебе небось не сказал, что врачи вынесли маленькому Денису окончательный приговор: ходить он никогда не будет. Ведь не сказал?

– Нет, – признался Камень.

– Ну, это и понятно, наш добросовестный информатор страсть как не любит про грустное рассказывать, тебя бережет, не хочет расстраивать. Ты сам не спрашиваешь – он и молчит. Так вот, Денис, несмотря на все усилия медсестры Раисы, самостоятельно передвигаться сможет только на костылях, и то чуть-чуть, по квартире. На улице придется пользоваться инвалидной коляской. В школу ходить он не будет, придется заниматься дома, учителя будут приходить, ну, там механизм обучения детей-инвалидов отработан. Плохо, конечно, что Лиза ему в учебе не поможет, у нее на уме только мужики и пьянки, но Раиса всегда рядом, а она тетка толковая. Так что до тех пор, пока у Романовых есть возможность платить ей, Денис будет обихожен. А вот с Дашей проблемы.

– Что случилось? – забеспокоился Камень.

– Ничего не случилось, просто противная она девчонка. Ей уже двенадцать лет, характер хорошо виден. Злая, завистливая, брата ненавидит, считает, что он забирает все внимание и материальные ресурсы, что из-за его болезни она растет обездоленной и несчастной. Отца ни в грош не ставит, разговаривает с ним грубо, дерзит. Впрочем, с Лизой она обходится не лучше. Единственный человек, которого Даша еще как-то побаивается, это медсестра Раиса.

– Значит, Лиза так и пьет? – грустно осведомился Камень.

– Еще как! Там уже алкоголизм в полный рост. Но поскольку Лиза, как и все сильно пьющие, не признается в том, что у нее есть проблема, то и лечиться отказывается категорически, хотя Раиса неоднократно заводила об этом разговор и с Родиславом, и с ней самой. У Лизы на все один ответ: я пью потому, что хочу, и пью столько, сколько сама считаю нужным, а захочу – и в один момент брошу, и вы все мне не указ, сначала всю мою молодую жизнь сломали и испортили, а теперь учить пытаетесь. Ну, с этими словами она к Родиславу обращается, поскольку Раиса-то к ее несчастьям отношения не имеет, а с Раисой у нее разговор другой, дескать, вы мне никто и звать вас никак, вы мне не мать и не тетка, и никакого права

голоса у вас тут нету, вас наняли с мальчиком сидеть – вот и сидите. Родислав даже матери Лизиной звонил, просил воздействовать на дочь, так Лиза мать свою тоже отфутболила, ты, говорит, бросила меня в трудный момент моей жизни, помочь не захотела, оставила одну с двумя детьми, а теперь с воспитанием лезешь. У нее же все кругом виноваты в ее несчастьях, одна она – невинная страдалница. Одним словом, неумная она и грубая, и дочка в нее пошла.

– А сыночек? – поинтересовался Камень. – Ему ведь сейчас сколько?

– Шесть лет.

– И какой он? Тоже на Лизу похож?

– Что касается внешности, то тут однозначно сказать трудно, и Лиза, и Родислав – оба темноволосые и темноглазые, так что на кого из них мальчик больше похож – судить не берусь. Но вот характером он пошел в обоих. Лиза-то в юности была веселая, жизнерадостная, вот и мальчик такой же, несмотря на болезнь. А от Родислава ему достался флегматичный темперамент, то есть мальчик спокойный, не раздражительный, не капризный, всегда улыбается и хочет, чтобы всем было хорошо. Чудесный ребенок! Жаль, что такой больной. И знаешь, эта медсестра Раиса научила его во всем видеть положительные стороны, так что у Дениски самое любимое словечко теперь – «зато». День пасмурный? Зато не жарко и в комнате не душно. День жаркий и душный? Зато солнышко и вся природа ему радуется. Головка болит? Зато можно лечь поспать, и вообще, если бы болел животик, было бы куда неприятнее. Он не может ходить? Зато он может сидеть и читать, сколько вздумается. Он не может один гулять по улице? Зато он никогда не попадет под машину и его не обидят взрослые злые дядьки. И в школу можно не ходить, и не нужно вставать в семь утра, можно поспать подольше и в постели поваляться. У Дениски улыбка с лица не сходит.

– Замечательно! – обрадовался Камень. – Хоть что-то радостное ты мне сообщил, а то кругом одна сплошная мрачность: и Григория убили, и дед ослабел, и Лиза допилась до алкоголизма, и Даша грубит и дерзит, и Геннадий свою семью третирует. Никакого просвета! А как Родислав к мальчику относится?

– Любит. Я бы даже сказал – обожает. А его невозможно не любить, он весь как солнышко, просто излучает радость и позитивные эмоции. И потом, он очень умный, этим Дениска уж точно в отца пошел. Как Раиса стала к нему ходить, так он моментально читать научился, сперва Раиса ему детские книжки приносила, потом до приключений дело дошло, Майн Рид, Фенимор Купер и все такое. Сейчас он уже Жюль Верна читает, развит парень не по годам. У Раисы-то собственные книжки скоро закончились, у Лизы в доме вообще литературы отродясь не водилось, так что теперь Родислав из дому книги приносит или покупает. А парень читает быстро, у него времени-то навалом, так что книжки только успевай подноси. Раиса с ним и арифметикой занимается, только там, по-моему, дело вот-вот до алгебры дойдет, Денис все на лету схватывает и хорошо усваивает. А Родислав с Раисой договорился, что будет приходить к сыну, когда Лизы дома нет, совсем он ее видеть не хочет, так вот он с медсестрой предварительно созванивается, и та ему о Лизиних планах сообщает.

– И часто он сына навещает?

– Да мог бы и почаще, – недовольно буркнул Змей. – Днем-то он на работе, ему вырваться сложно, а вечером Лиза дома, да и сам Родислав то в командировке, то на службе допоздна, так что приходится ловить выходной день, когда Лиза усвистает на очередную попойку и Раису с мальчиком оставит. Где-то раз в месяц выходит, а бывает и реже.

– Ну как же так? – огорчился Камень. – Ты говоришь – Родислав сына обожает, а навещает так редко. Ты меня, наверное, обманываешь. Если бы он действительно любил мальчика, он бы чаще к нему приходил.

– Ох, не доведет тебя до добра твоя прямолинейность, – со вздохом произнес Змей. – Всегда у тебя все просто и понятно: раз любит – значит, хочет видеть каждый день, а если не стремится видеть каждый день, значит, не любит.

– А что, разве не так? – с вызовом спросил Камень. – Мне Ворон рассказывал...

– А ты слушай больше, он тебе еще не такое расскажет. Родислав сына, конечно, любит, но не больше всего на свете, потому что больше всего на свете он любит себя самого и собственный покой и комфорт. А Лиза и вся обстановка в ее доме этому покою и комфорту мешают. Лиза поддатая, если не пьяная в дым, к тому же сильно постаревшая и утратившая привлекательность, Даша дерзит и не слушается, Денис прикован к постели или к коляске. Много ли радости от созерцания всего этого? Дома-то у себя куда как лучше, и места больше, и чисто, и еда вкусная, и жена любящая да заботливая, и дочка вежливая и послушная. Ну, старший сынок, конечно, подкачал, но зато все остальное в полном ажуре. Ну, как тебе мой подарочек к празднику? Угодил я тебе?

– Угодил, спасибо. А больше ты ничего интересного не видел?

– У-у-у, хитрый какой, – Змей от смеха весь пошел волнами. – Все тебе сразу и выложи. Я много чего видел, о чем тебе наш летун-хлопотун не говорил, потому как сам не знает. Но первым делом все-таки праздник.

Он высоко поднял голову и прислушался, потом удовлетворенно улыбнулся.

– А вот и угощение подоспело. Ребята, заноси харчи!

Из-под раскидистых еловых лап показались три зайца, за ними потянулись лиса и молодой волк, и последним появился совсем маленький, ужасно смешной медвежонок. Они быстро сложили гостинцы и тут же исчезли, а рядом с Камнем выросла внушительная гора из орехов, моркови, капусты, конфет, кусков мясного пирога и кулебяки с капустой. Рядом на большом листе лопуха лежала жареная курица и внушительного вида копченый окорок, а чуть поодаль – бочонок с медом и две банки варенья.

– Ну как? – с гордостью спросил Змей. – Достоин праздник встретим?

– Здорово! – восхитился Камень. – Откуда такое богатство?

– Сам понимаешь, – Змей лукаво потупился. – Кто что умеет, тот то и ворует. Зайцы по огородам шастают, овощи тебе припасли, лиса курицу из сарая у кого-то стащила и сама пожарила, волк к кому-то в дом залез и порылся среди того, что к праздничному столу приготовили. Ну а медведь, сам понимаешь, больше по части сладкого. Ты не думай, малец сам-то не воровал, это его батяня расстарался, а мальчика в качестве посыльного отрядил.

Камень с ужасом смотрел на товарища, не понимая, как можно вот так спокойно произносить столь чудовищные слова.

– Ты хочешь сказать, что это все краденое?

– Естественно. А ты чего ожидал? Не краденые здесь только орехи, они сами по себе в лесу растут, их зайчики собрали, а все остальное пришлось у людей позаимствовать.

– Но это ни в какие ворота не лезет! Это противно моему правосознанию! – возмутился Камень. – Как ты мог даже подумать, что я прикоснусь к ворованному?! Не ожидал я от тебя.

– Знаешь, мил-друг, ты мне тут со своей философией мозги не парь, – спокойно ответил Змей. – Природа так устроена от века, что дикие животные отбирают у людей пищу. И никто это воровством не считает, хотя и принято говорить, что, к примеру, лисы и хори воруют кур, но на самом деле они не воруют, а просто добывают себе пропитание. Так природой предусмотрено. Люди сами виноваты, что так получилось, потому что куры изначально были пищей лис и хорей, а люди пришли, одомашнили их, позапирали в сараи и стали разводить для себя. А лисе что, подыхать теперь? Она ж не виновата, что у нее нету рук и ног, только лапы одни, и она не может тоже завести себе ферму и построить сарай. Ее господь другой создал. Что ей делать, если люди пищу отняли? Пойти и забрать. То же самое с зайцами: раньше росла себе дикая капуста повсюду, ешь – не хочу, но пришли люди, все распахали и засеяли, оградой обнесли, огородом назвали и давай с этого огорода себе на стол таскать, а куда бедному зайцу податься? Чем питаться? И медведь испокон веку сам за диким медом лазил, а теперь вот приходится ему, бедолаге, с пасеки воровать. Так что еще большой вопрос, кто у кого украл.

– Смутил ты меня, – удрученно пробормотал Камень. – Я такими глазами на этот вопрос не смотрел. Значит, ты считаешь, что нет ничего позорного, если мы с тобой это съедим?

– Ничегошеньки, – авторитетно заверил его Змей. – Ешь на здоровье. А пока ты питаешься, я тебе еще один подарочек преподнесу, опишу одну сценку из жизни Романовых, которая имела место аккурат после возвращения Любы из Нижнего.

* * *

Лифт не работал, и Люба шла наверх пешком, неся тяжелые сумки с продуктами и глядя себе под ноги, чтобы не оступиться на полутемной лестнице – с лампочками во всех подъездах их дома настоящая беда, кто-то с маниакальной настойчивостью выкручивал их буквально через день-два после того, как электрик ставил новые.

Она очень устала, на работе за время ее отсутствия скопилась масса документов, требующих тщательной проработки, а квартира за неделю приобрела, как показалось Любе, вид совершенно непригодный для жилья: на ванне и унитазе образовались желтые потеки, плита на кухне не сверкала, оконные стекла помутнели, посуда не блестела, как обычно, как будто ее не мыли как положено, а только слегка споласкивали под струей воды. Одним словом, дом напоминал Любе разоренное гнездо, и всю минувшую ночь она, вместо того чтобы спать, приводила его в порядок, заодно стирая накопившиеся грязные сорочки и футболки мужа и сына и Лелино белье, несмотря на то что предыдущую ночь она провела в поезде и проплакала до самого утра, не сомкнув глаз, благо ехала в купе одна. После работы она, нагруженная продуктами, купленными во время обеденного перерыва в ближайшем к заводу магазине, еще поехала к Аэлле, чтобы отдать ей деньги, заплаченные подругой медсестре Раисе, – Люба не любила иметь долги. И сейчас, возвращаясь домой и идя пешком вверх по лестнице, она чувствовала, что смертельно устала и буквально валится с ног, а ведь нужно еще готовить еду и всех кормить, а потом снова убирать, мыть и скрести.

– Тетя Люба, – донеслось до нее.

Люба оглянулась. На подоконнике, подтянув колени к груди и упершись в них лбом, сидела Лариса.

– Лариса! Что случилось? Почему ты сидишь здесь?

Девушка подняла голову, и Люба увидела, что лицо ее опухло от слез.

– Тетя Люба, простите меня, вы только не сердитесь, но я ничего не могла поделать, – заговорила Лариса. – Он опять нажрался, начал орать, я к вам убежала, а он за мной поперся, ворвался, ничего слушать не хочет, денег требует. Я не смогла его выставить. Он теперь там сидит.

– Где – там? – не поняла Люба.

– У вас, – сдавленным голосом проговорила девушка. – Это я во всем виновата, мне не нужно было ему дверь открывать.

Люба опустила сумки на пол и тяжело вздохнула.

– Зачем же ты его впустила?

– Но я не знала, что это папа, я думала, это Леля пришла...

– А в глазок посмотреть? Я ведь сколько раз тебя предупреждала: смотри в глазок, прежде чем открывать дверь.

– Я забыла, – едва слышно прошептала Лариса. – Простите меня, тетя Люба, я совсем забыла про глазок, я не думала, что у него хватит наглости к вам припереться. Что мне теперь делать?

– Ничего, – снова вздохнула Люба. – Возьми сумки, я уже замаялась их таскать, и пойдем, будем разбираться с твоим отцом.

– Мне так стыдно... – пробормотала Лариса. – Хорошо, что вы первая пришли, если бы дядя Родик пришел раньше вас, я бы умерла от стыда.

«Ну конечно, – с неожиданной для себя горечью подумала Люба, – перед Родиком ей стыдно, а передо мной – нет. Передо мной никому не стыдно. Меня никто не стесняется, ни муж, ни сын, ни даже соседская девочка. Наверное, я сама виновата, не так себя поставила».

– А что, Лели до сих пор нет дома? – спросила она.

– Никого нет, он там один. Я тут сижу, караюлю, чтобы он не вынес чего-нибудь из квартиры. Мне так в туалет хочется – ужас просто, а я отойти боюсь, вдруг папа у вас что-нибудь украдет. И в квартиру вашу возвращаться страшно, он пьяный совсем, а вы сами говорили, чтобы я его не провоцировала и с ним наедине не оставалась, когда он не в себе.

– Правильно, Лариса, правильно, – устало проговорила Люба, думая только о том, как бы разрулить ситуацию с Геннадием до возвращения мужа и детей. Незачем их нервировать и лишний раз вызывать неприязнь к соседям.

Геннадий Ревенко валялся посреди кухни на полу и оглушительно храпел. Роста он был не очень высокого, ниже Любы, но плечистый, коренастый и весил отнюдь не мало. Судя по грязной посуде и объедкам на кухонном столе, он, оставшись один в квартире, успел до того, как уснуть, основательно подкрепиться как едой, так и спиртным, обнаруженным в навесном шкафчике.

– Тетя Люба! – тихо ахнула Лариса, увидев сей незатейливый натюрморт с бесчувственным телом в центре композиции. – Какой кошмар! Да если б я знала, что он такое сделает, я бы его одного не оставила. Он, наверное, всю вашу еду съел, да? Вы мне скажите, чего не хватает, я сейчас в магазин сбегаю и все куплю, вы только...

– Успокойся, Лариса, – твердо сказала Люба. – Пойдем организуем место, куда его можно перетащить.

Она повела соседку в комнату Николаши, достала из шкафа надувной резиновый матрас и велела Ларисе привести его в надлежащий вид, превратив в спальное место. Когда матрас был надут, они принесли его на кухню и стали перекладывать на него крепко спящего мужчину, оказавшегося непомерно тяжелым даже для двух отнюдь не хрупких женщин. Люба почувствовала, как что-то хрустнуло у нее в позвоночнике и спину пронзила резкая боль, но она стиснула зубы и промолчала, тем более что боль почти сразу утихла. Наконец Геннадий оказался на матрасе, и Люба с Ларисой, согнувшись в три погибели и ухватившись за резиновые края, потащили свою тяжкую ношу в комнату Николаши.

– А вдруг Коля рассердится, что мой папа у него в комнате валяется? – испуганно спросила Лариса.

– У тебя есть другие варианты? Леля придет с минуты на минуту, к ней в комнату его точно нельзя положить. Родислав Евгеньевич тоже скоро придет, так что и в большую комнату твоего папу определить нельзя. И на кухне оставить нельзя, мне нужно ужин готовить и всех кормить. Так куда же его девать?

– На лестницу! – осенило Ларису. – Давайте вытащим его на лестничную площадку, пусть там лежит, пока не проспит. Там он никому не мешает. Если бы мы могли его до нашей квартиры дотащить, было бы здорово, но ведь мы с вами его не допрем, больно тяжелый.

– Это верно, – согласилась Люба, пряча невольную улыбку, – не допрем. Тем более что лифт не работает. А насчет лестничной площадки – это плохая идея. Люди будут ходить мимо, он им будет мешать, и кто-нибудь обязательно вызовет милицию. Тебе это надо? А твоему папе? Хочешь, чтобы у него опять были неприятности? Пусть лучше здесь лежит, у Коли в комнате, Коля обычно приходит поздно, может, нам с тобой повезет и твой папа проснется раньше.

– А если не повезет?

– Ну, значит, не повезет, – развела руками Люба. – Пойдем на кухню, помоги мне с ужином.

Храпел Геннадий оглушительно, и ни от Лели, ни от Родислава скрыть его присутствие не удалось. Муж и дочь поморщились недовольно, но в присутствии Ларисы промолчали, и в целом семейный ужин прошел довольно мирно. Леля в черной водолазке и длинной черной юбке, с волосами, перехваченными черной лентой, – в знак траура по погибшему Григорию, – была за столом тихой и печальной, от чая отказалась и ушла к себе. Встревоженная Люба через несколько минут зашла к ней в комнату и увидела дочь возле окна в знакомой позе: Леля стояла, закутавшись в черную шаль и обхватив себя руками. Довольно высокая, она по-прежнему оставалась очень тоненькой, и то, что в детстве воспринималось как трогательная хрупкость, с годами стало больше походить на болезненную худобу. Верхний свет был выключен, горела только настольная лампа.

– Что ты, деточка? – негромко спросила Люба. – Опять грустишь? Из-за Григория?

– Это невыносимо! – буквально простонала Леля, резко оборачиваясь к матери. – У нас такое горе, такое невыразимое, невозможное горе, а за стенкой храпит пьяный мужик. Это какой-то чудовищный диссонанс, нарушение мировой гармонии! Так не может быть, не должно быть. Это оскорбление памяти дяди Гриши, это неуважение к трагедии тети Тамары. Почему он здесь? Кто позволил ему сюда прийти? Ты? Или Лариса? Неужели вы не понимаете, что у нас траур, что в доме должна быть печальная тишина, мы все перед лицом нашей общей трагедии должны побыть наедине с собой, а вы приводите в дом пьяного, грязного и, в сущности, совершенно чужого человека, уголовника, убийцу, укладываете спать рядом с нами и вынуждаете слушать его отвратительный храп. Я не понимаю, мама, как так можно. У меня душа болит от всего этого.

– Лелечка, детка, я понимаю твои чувства, – мягко заговорила Люба. – Но даже перед лицом нашего общего горя мы не можем заставить жизнь остановиться и замереть. Мы бы и хотели, но это не в наших силах. Геннадий – тяжелый алкоголик, его постоянно увольняют с работы за пьянство и прогулы, он болен, и справиться со своей болезнью сам он не может, как не может ни один алкоголик. Он сегодня напился и начал дома буяннить, и Лариса ушла к нам, у нее есть ключи. Геннадий через некоторое время поднялся к нам на этаж, позвонил в дверь, и Лариса ему открыла. Она сделала это без злого умысла, она даже не предполагала, что это может быть ее отец, она была уверена, что это ты пришла или папа. Геннадий ворвался сюда, и выгнать его Лариса не сумела, у нее просто не хватило на это сил. Она очень переживает, что так вышло, она сидела на лестнице и караулила отца, боялась, что он что-нибудь возьмет у нас, ценности или деньги. Она хорошая девочка, и уж чего она меньше всего хотела, так это оскорбить память Григория. Я прошу тебя, Лелечка, будь снисходительней.

– Хорошо, мама. Но только ради тебя. И имей в виду, я туда больше не выйду. В моей комнате хотя бы этот жуткий храп не так слышен. А что будет, когда придет Коля?

– Не знаю, – призналась Люба. – Надеюсь, что Геннадия удастся разбудить и увести раньше, чем это случится. Ты же знаешь, Коля рано не возвращается.

После ужина Лариса осталась, чтобы помочь с уборкой, и к одиннадцати часам все запланированные Любой домашние работы оказались переделанными. Вполне можно было бы лечь спать. А спать так хотелось! До головокружения и тошноты. И спина продолжала ныть при каждом движении. Но разве можно ложиться, если сына до сих пор нет дома, а в его комнате валяется пьяный сосед?

– Тетя Люба, можно, я посижу на кухне, подожду, пока папа проснется? – робко спросила Лариса. – Когда он проспится, я его сразу же вытолкаю. Вы идите, ложитесь, вы же, наверное, устали как собака, а я посижу, покараулю папашку.

– Ты одна с ним не справишься, – обреченно вздохнула Люба. – И потом, что ты будешь делать, если Коля вернется? Сама станешь с ним объясняться? Коле надо где-то спать, а спать

рядом с твоим храпящим отцом никто не сможет и не захочет. Давай вместе на кухне время коротать, Родислав Евгеньевич пусть в комнате отдыхает, а мы с тобой здесь посидим.

– Ой, мне так неудобно, что вы теперь из-за меня не спите... Давайте я что-нибудь нужное поделаю.

– Что, например? – улыбнулась Люба. – Мы с тобой все уже сделали.

– Ну, хотите, я вам гречку переберу, побольше, чтобы надолго хватило? Захотите сварить, а у вас уже вся крупа чистенькая. Давайте? – предложила Лариса.

– Ларочка, у нас нет гречки. Это нынче большой дефицит.

– Ну тогда давайте я соду в воде разведу и весь ваш хрусталь перемою.

– Не нужно, детка, он чистый, я недавно его мыла.

Любу до глубины души трогало желание девушки оказаться полезной и хоть как-то компенсировать причиненные ею самой и ее отцом неудобства, и в принципе в доме было чем заняться, но у Любы уже ни на что не хватало сил. Спина ныла все сильнее, и все сильнее кружилась голова. Не может же Люба дать Ларисе задание и сидеть рядом, как надсмотрщик, ей совесть не позволит, придется тоже включаться в работу. Нет, невозможно! Лучше просто посидеть и попить чаю.

Около полуночи за стенкой умолк звук работающего телевизора и под дверью большой комнаты погасла полоска света – Родислав лег спать. Лариса живо обсуждала с Любой заводские сплетни, правда, в основном говорила сама, Люба только слушала, а точнее, делала вид, что слушает, потому что слова девушки доходили до нее через два на третье, все ее мысли крутились сейчас вокруг сына, которого опять нет дома, который явится неизвестно когда и неизвестно в каком виде, а тут еще пьяный Геннадий...

– Лариса, пойдем посмотрим, как там твой папа, – предложила она. – Может быть, его удасть разбудить и увести.

Геннадий сполз с матраса и лежал на полу, раскинув руки и широко открыв рот. В комнате стоял душлистый запах перегара. Лариса присела на корточки рядом с отцом и принялась его тормошить.

– Папа, просыпайся! Давай, вставай! – громким шепотом шипела она, боясь говорить в голос, чтобы не разбудить Лелю и Родислава. – Да открывай же ты глаза, черт бы тебя взял, урод, алкаш несчастный!

Она тянула отца за руки, пыталась приподнять его плечи, дергала за ноги, но все оказывалось бесполезным. Максимум, чего удавалось достичь, это заставить Геннадия приоткрыть глаза, после чего он, с трудом сфокусировав взгляд на дочери, неразборчиво произносил:

– Ларка, сука, я тебе родной отец... – и снова проваливался в сон.

– Что здесь происходит? – послышался сзади голос Коли. – Это что такое?

За своей возней они и не услышали, как он вернулся. Николаша стоял бледный, злой и трезвый.

– Коля, помоги, пожалуйста, разбудить Геннадия и отвести его домой, – обратилась к сыну Люба, стараясь говорить так, словно ничего необычного не происходит и все в порядке вещей. – Он выпил лишнего и уснул.

– Выпил лишнего? – Коля слегка повысил голос. – Да он нажрался, как свинья, и при этом еще имел наглость явиться сюда. Или он уже здесь так набрался? А? Мы же такие хорошие соседи, мы прямо добрые самаритяне, и сироту приютим, и алкашу стакан поднесем, так, мамуля?

– Коля, перестань.

– Да я-то перестану, мне недолго, а вон он не перестанет, он так и будет сюда таскаться за милостыней, а вы так и будете его облизывать и жалеть, несчастенького и судьбой обиженного. Нас бы кто пожалел!

– Прекрати! Помоги нам его поднять.

– Может, прикажешь ему еще и задницу подтереть, когда он спяну обгадится? – с ненавистью произнес Николай. – Да мне к нему даже прикоснуться противно.

– Тебе придется, – холодно сказала Люба. – Иначе он будет спать здесь, рядом с твоим диваном, до самого утра. Выбирай, решение за тобой.

– Не надо, тетя Люба, – испуганно заговорила Лариса, – не заставляйте Колю, я понимаю, как ему противно. Я сама справлюсь. Пусть Коля пока на кухне поужинает, а я добужусь, я его растолкаю, вот увидите.

– Я не голоден, – сухо бросил Коля.

Он сделал шаг по направлению к расprostертому на полу телу и несильно пнул Геннадия ногой в бок. Потом пнул еще раз, уже посильнее.

– Коля, ты с ума сошел! – всплеснула руками Люба. – Что ты делаешь? Ты же его избиваешь.

– Ты, мамуля, не видела, как это бывает, когда действительно избивают, – ухмыльнулся Николай. – А я просто провожу легкую воспитательную работу.

И с этими словами он ударил Геннадия ногой в живот уже в полную силу. Лариса вскрикнула и зажала рот рукой, потом схватила Николая за руку и стала оттаскивать от отца.

Люба, бессильно опустив плечи, молча смотрела на эту сцену. Ее сын способен только на то, чтобы бить лежащего – спящего беспомощного человека. И то обстоятельство, что сам «лежачий» – отвратительный пьяный сосед, терроризирующий дочь и тещу и не дающий никому покоя своими выходками, Колю не оправдывает. Боже мой, кого она вырастила! И как же она любит это очаровательное чудовище, как волнуется за него, как беспокоится, как хочет, чтобы у него все было, как у нормальных людей: работа, постоянная, хорошо оплачиваемая работа, любимая и любящая жена, здоровые и веселые дети. Неужели ей, Любе, суждено когда-нибудь дожить до этого праздника? Не верится. Но если бы это когда-нибудь случилось, она бы стала самой счастливой на свете.

– Прекрати, – твердо сказала она. – Это свинство.

Геннадий между тем зашевелился, открыл глаза и попытался сесть. Лариса тут же выпустила Николашину руку, кинулась к отцу и, поддерживая его за плечи, стала пытаться приподнять и поставить на ноги.

– Папа, вставай, пойдем домой, – приговаривала она.

– А я где? – осведомился Геннадий.

– Мы с тобой у Романовых. Вставай, уже ночь, людям надо спать, пойдем домой.

– У Романовых? – глаза Геннадия приоткрылись чуть пошире. – А какого хрена мы тут делаем? Чего нас сюда занесло? Это какие такие Романовы? С первого этажа, что ли?

– С четвертого, – терпеливо объяснила Лариса. – Тетя Люба и Родислав Евгеньевич. Они нам все эти годы, что ты сидел, помогали. Ну папа же! Ну поднимайся.

Геннадий попытался подтянуть под себя ноги и опереться на них, но не удержал равновесия и рухнул, после чего сфокусировал взгляд на Николаше.

– А это кто? Хахаль твой?

– Да заткнись ты! – грубо одернула его дочь. – Это Коля, сын тети Любы. Ты в его комнате валяешься, спать ему не даешь. Давай вставай уже!

– Колька?! – обрадовался почему-то Геннадий. – Так это же совсем другое дело! Колян, братуха, пойдем выпьем! Слышь, хозяйка, налей-ка нам по рюмочке и закуски какой-никакой навалай на газетку, не жмись, мужикам выпить надо.

Коля хладнокровно смотрел на бесплодные попытки невысокой девушки справиться с широкоплечим и довольно-таки массивным отцом.

– Не ори, – прошипела Лариса, подталкивая отца под поясницу и забрасывая его руку себе на плечо, – всю семью разбудишь. И что ж ты за урод такой, а? Почему я должна с тобой

мучиться? Пока ты сидел, всем было лучше, честное слово. Вот вызову сейчас милицию, пусть тебя заберут и снова посадят, хоть отдохнем от тебя, ведь все нервы вымотал за полгода.

Геннадий внезапно совершил резкий рывок, поднялся на ноги, покачался, но устоял, сделал шаг по направлению к Николаше и схватил его за грудки.

– Да! – во весь голос заявил он. – Пусть меня снова посадят, пусть я снова безвинно сяду, вот она, ваша справедливость, вот оно, ваше государство, оно способно только невиновных сажать, а настоящие преступники пусть на свободе гуляют. И вы будете только рады!

Коля с брезгливой миной оторвал от своей футболки грязноватые, покрытые светлыми жимками волосами руки и оттолкнул соседа. Тот снова чуть не упал, но Лариса и Люба вовремя подхватили Геннадия.

– Наказания без вины не бывает, как говорил незабвенный Глеб Жеглов, – процедил Коля сквозь зубы.

– А ты знаешь? – заголосил Геннадий. – Ты знаешь, да? Ты там был? Бланду хлебал? На нарах парился? Я одиннадцать лет своей жизни ни за что отдал, за чужую вину, я все здоровье на зоне оставил, все зубы потерял, а ты чистенький, сытенький, у мамки с папкой за пазухой прожил и горя не знал, тебя небось, ежели чего, папка отмажет, а мы, простые люди, за чужие грехи должны срока мотать, конечно, за нас заступиться-то некому, никому мы не нужны, обыкновенные работяги, у нас ни денег нет, чтобы сунуть кому надо, ни блата, на нас можно всех собак повесить и галочку в отчетность поставить, дескать, раскрыли зверское убийство, душегуба с поличным взяли и под суд отдали. А я и тогда говорил, и сейчас повторю: я никого не убивал, я Надюшку мою любимую и пальцем не тронул. Только разве меня кто послушает? Всю жизнь загубили, молодые годы отняли, здоровье порушили, а теперь лишней рюмкой попрекаете? Такая, значит, ваша справедливость?

Слышать это было Любе невыносимо, чувство вины перед Геннадием, несколько притупившееся с годами, после его возвращения стало еще острее, чем много лет назад. Одно дело – просто знать, что невиновный человек сидит в тюрьме и ты ничем этому не помешал, хотя мог бы, и совсем другое – постоянно видеть его перед собой и слышать его полные горечи и ненависти слова. Тогда, одиннадцать лет назад, Люба даже предположить не могла, что это будет так трудно и так больно.

Она услышала шаги за стеной и поняла, что проснулся Родислав. Так и оказалось, муж спустя несколько мгновений, в халате, накинутом поверх пижамы, появился в комнате сына.

– Проснулся? – угрожающе произнес он. – Чего орешь? Колька, не стой, как истукан, видишь, Лариса не справляется. Давай, помогай.

Он первым подошел к Геннадию, отстранил Ларису и подхватил рвущегося в бой соседа. Высокому и сильному Родиславу не составило никакого труда удерживать пьяного мужчину в вертикальном положении, но вот заставить его идти ему одному было не под силу. Коля, скорчив презрительную мину, все-таки подключился к спасательной операции, и они вдвоем вытащили Геннадия из квартиры и поволокли на второй этаж: лифт пока так и не починили. Лариса, вполголоса ругаясь и причитая, шла впереди, подсвечивая темные лестничные пролеты при помощи спичек. Несколько раз группа чуть было не свалилась, но в конце концов все обошлось без травм. Соседа завели в квартиру и уложили на диван. Он еще порывался встать и найти выпивку, но Коля напоследок двинул его кулаком в грудь, чем заслужил неодобрительный взгляд отца.

– Спасибо вам, дядя Родик, – забормотала Лариса. – И тебе, Коля, спасибо. Вы меня простите, что так вышло, я не виновата, я не хотела, это все он, алкаш проклятый, сладу с ним нет никакого...

– Все нормально, детка, – ответил Родислав, – не переживай, не у тебя одной отец пьющий. Его можно понять, он столько лет отсидел, теперь никак не может адаптироваться к воль-

ной жизни, ему после зоны кажется, что самое большое счастье в жизни – это поесть, выпить и выспаться. Это пройдет со временем. Надо только набраться терпения.

– Спасибо вам, – повторила Лариса сквозь слезы.

– Чего ты ее утешаешь? – сердито спросил Николаша, когда они с Родиславом поднимались по лестнице к себе в квартиру. – Тебе что, жалко его?

– Представь себе, жалко, – сухо ответил Родислав. – Тебе этого, конечно, не понять.

– Да уж конечно! – фыркнул Коля. – Где уж нам уж! Алкаша-тунеядца, уголовника, убившего свою жену, пожалеть – это вы с матерью первые. А о том, что у вас, между прочим, дети есть, вы вообще как будто забыли. Меня вы так не жалеете, как его.

– Жалеют несчастных и убогих. Разве ты несчастный и убогий? Разве ты нуждаешься в том, чтобы тебя жалели?

– Да нет, – усмехнулся Николай, – тут ты прав, это я загнул малость, жалость ваша мне на фиг не нужна, а вот помощь и понимание – от этого я бы не отказался.

– Какая помощь тебе нужна? Какое понимание? Тебе мало того, что мы с матерью с пониманием относимся ко всем твоим похождениям, к тому, что ты являешься домой среди ночи, не предупредив заранее, где ты и когда придешь, мы с пониманием относимся к тому, что ты волен в выборе знакомств, и не запрещаем тебе общаться со всякими сомнительными личностями, мы не талдычим тебе с утра до вечера о том, что играть в карты на деньги – это плохо и опасно, это не доведет тебя до добра, мы не пропиливаем тебе мозги насчет того, чтобы ты занимался нормальным чистым бизнесом и честно платил налоги. Мы с мамой исходим из того, что ты взрослый человек, тебе двадцать шесть лет и все эти азбучные истины ты отлично понимаешь сам, а если поступаешь по-своему, то это твой личный выбор, который мы должны уважать. Разве тебе мало того понимания, которое мы проявляем? Что еще ты хочешь, чтобы мы понимали?

– Ладно, убедил, – покладисто согласился Николаша, – понимания мне достаточно. А вот помощь не помешала бы.

– Какая именно? Денежная?

Родислав шел вперед, не останавливаясь, и разговаривал с сыном через плечо.

– Ну да, само собой. Если бы вы могли подкинуть мне тысяч пять «зелени»...

– Коля, опомнись, – Родислав остановился посреди лестничного пролета и повернулся к сыну, нависая над ним. – У нас нет таких денег, и тебе это отлично известно. Откуда мы, по-твоему, должны их взять? Машину продать?

– Вы же можете одолжить.

– У кого, позволю спросить?

– У Аэллы, у нее точно есть, она в деньгах купается уже много лет. Или у Бегорского, у него тоже наверняка есть.

– Ну, допустим. И как ты собираешься эти деньги отдавать?

– Да как все отдают! Прокручусь, заработаю. Да выиграю, в конце концов!

– Или проиграешь. Колька, ты вот насчет понимания что-то там такое говорил, так вот имей в виду: я тебя очень хорошо понимаю. Потому что я тебя очень хорошо знаю. Ни в какое дело ты эти деньги непустишь, ты начнешь на них играть, и здесь результат никак не может быть гарантирован. Мы возьмем деньги в долг под честное слово и с конкретным сроком возврата, и если ты вовремя их не вернешь, нам с матерью придется отдавать долг самим. С каких денег? Где их взять? Ты об этом подумал?

– Пап, да не парься ты, Аэлла и Бегорский – свои люди, уж они-то точно с пониманием отнесутся к тому, что вы вовремя долг не отдадите, и не будут на вас наезжать, они же приличные люди, не бандиты какие-нибудь. Ты пойми, я могу одолжить деньги у серьезных людей, они дадут, но, во-первых, под проценты, а во-вторых, им нельзя будет вовремя не отдать – на счетчик поставят. Ты прав, гарантировать сроки возврата ссуды я не могу, поэтому у этих

людей и не беру в долг. Ну ты можешь мне помочь один раз, а? У меня миллионное дело наклеивается! Жалко будет, если такую возможность перехватят.

– Что за дело? – нахмурился Родислав.

– Масло. Мне предлагают несколько тонн сливочного масла по смешной цене. И уже есть покупатели, которые это масло возьмут у меня в расфасованном виде за нормальную цену. Моя задача – найти деньги на покупку, снять ангар с холодильником и организовать расфасовку. Я все посчитал, даже с учетом затрат на хранение и фасовку прибыль получается огромная! Я денег столько заработаю, что смогу начать собственный бизнес не с пустого места, и офис можно будет снять нормальный, в центре Москвы, и тачку взять, хорошую иномарку с минимальным пробегом. У меня есть знакомые с крепкими связями за границей, можно будет легко организовать совместное предприятие и качать валюту, – возбужденно говорил Коля. – Ты представляешь, какие перспективы открываются? И для всего этого нужна одна малость: чтобы вы с мамой мне немножко помогли, совсем чуть-чуть. Ну?

– Нет, – Родислав был непреклонен. – Я тебя люблю, ты мой сын, и я искренне хочу, чтобы у тебя все было в порядке. Но я слишком хорошо тебя знаю. Ни в какие басни о масле и прибылях я не верю. Ты будешь играть на эти деньги. Все, Николай, разговор окончен.

Он развернулся и продолжил путь наверх, в темноте осторожно нащупывая обутыми в домашние тапочки ногами ступени и крепко держась за перила. Коля, угрюмо надувшись, молча шел сзади, а дома сразу же ушел в свою комнату.

* * *

Камень напряженно слушал рассказ Змея, боясь упустить хоть слово.

– И что, так-таки и не дал денег? – спросил он.

– Не дал.

– Слава богу, – с облегчением выдохнул Камень.

– Это почему же «слава богу»? – заинтересовался Змей. – Ты считаешь, что Родислав поступил правильно?

– Абсолютно! Нельзя игроку давать ни копейки.

– А вдруг Коля просил действительно на дело, а не на игру? Тогда как?

– Все равно нельзя. Игрок – это характер, это состояние души, это судьба, если уж на то пошло. Даже если он собирается вложить деньги в дело, он это дело поведет так, как будто в карты играет, и все равно останется в проигрыше. У азартных игр свои законы, а у настоящего дела – свои, и как нельзя играть, опираясь на законы деловой этики, точно так же нельзя вести дела, опираясь на законы игры. Ни к чему хорошему это не приводит.

– Ну, в общем-то, верно, – согласился Змей. – Хотя мой многовековой опыт мне подсказывает, что не так все просто. То есть как философ ты, разумеется, прав, но...

– Что – «но»?

– Не знаю, – загадочно ответил Змей. – Там посмотрим.

– Так ты что же, дальше не смотрел еще? – с неудовольствием спросил Камень. – Что у тебя за манера останавливаться на самом интересном месте! Отвечай немедленно: смотрел или нет?

– Смотрел, – усмехнулся Змей.

– И что? Да не тани ты! – рассердился Камень. – Ты мне своими замашками уже все нервы истрепал.

– Николаша одолжил деньги у серьезных людей и купил пятьдесят тонн сливочного масла. Снял место под хранение, правда, холодильника там не оказалось, вернее, он был, но через два дня сломался, пришлось за свой счет починять. Однако Коле удалось приобрести

по дешевке установку для расфасовки, так что продукт можно было превратить в пачки очень быстро.

– Что значит – можно было? – не понял Камень. – Он расфасовал масло или нет? Ты можешь изъясняться более конкретно?

– Расфасовал, – вздохнул Змей. – А толку что? Пришел покупатель, проверил пару упаковок, а это оказалось не масло, а вовсе даже маргарин.

– А что, есть разница?

– И еще какая! Сливочное масло делают на молочных продуктах, а маргарин – на растительных. Вкус совсем другой, качество другое, и цена куда как ниже. Маргарин тому покупателю не был нужен, он приехал конкретно за маслом, ну, развернулся и уехал. А Коля остался с ангаром, набитым никому не нужным продуктом, да еще при сломанном холодильнике. Он, как ты понимаешь, кинулся сперва к продавцам псевдомасла, собирался права качать, дескать, как это так, обманули, не то подсунили, но их и след простыл. Он тогда побежал к людям, которые ему деньги в долг давали, так, мол, и так, обманули меня, подвели, вместо масла маргарин продали, а серьезные люди ему и отвечают: а чего ж ты, мил-человек, не проверил товар, когда деньги за него платил? Почему на веру взял? Думал, ты такой ловкий да удалый и тебя надуть никто не может? Вот как есть ты ловкий да удалый, так и возвращай долг в установленный срок вместе с процентами, в противном случае за каждый день просрочки тебе пеня будет накатывать, да немалая. Понурился наш Николаша, пригорюнился и отправился искать покупателей хотя бы на маргарин. Ясен пень, что прибыли с такого дела у него не будет, но хотя бы свое вернуть, чтобы долг отдать. А на маргарин охотников-то не находится, то есть они, конечно, есть, но цену готовы платить совсем не ту, какая Николаше нравится. У него же свой расчет, он заработать хочет. Про то, чтобы только свое вернуть, он как-то мгновенно забыл, как только на три километра от своих кредиторов отдалился. А тут еще арендодатель, владелец ангара, встал на дыбы, я, говорит, с тобой договор аренды заключил сроком на десять дней, ты обещал, что за десять дней все масло реализуешь и помещение освободишь, а ты его не освобождаешь, хотя уже месяц прошел. У меня другие люди в очереди на этот ангар стоят, я им твердо обещал, что они еще двадцать дней тому назад смогут его занять, договор подписал, аванс взял, а теперь что? Коля в ногах валяется, умоляет не выгонять, мол, товар лежит, куда его девать, а хозяин ангара уперся, мне, говорит, теперь тем людям неустойку придется выплачивать за невыполненные обязательства, так что с сегодняшнего дня цена аренды будет повышена, а нет – так выметайся со своим маслом куда хочешь. И деньги за то, что ты холодильник за свой счет починил, я тебе возвращать не собираюсь, тебе надо было – ты и починил, а мне без разницы. А время-то идет, проценты каплют, счетчик тикает, серьезные люди постоянно намекают на всякие неблагоприятные обстоятельства, которые могут очень скоро в Николашиной жизни наступить, ежели чего.

– Но это же ужасно! – воскликнул Камень. – Я, конечно, слышал от Ворона, что в девяностых годах в России был дикий капитализм, но не предполагал, что он до такой степени дикий. Неужели люди именно так вели дела?

– Именно так, – подтвердил Змей. – И то, что случилось с Колей Романовым, еще не самый худший вариант, бывали ситуации и покруче.

– Ну а дальше как было?

– Еще хуже. Коле же надо не только покупателей на маргарин искать, но и аренду платить, вот он, бедолага, крутится, как может, только-только покупателей на маленькую партию товара найдет – так сразу все на аренду и уходит, никак ему не удастся скопить денег, чтобы долг вернуть, и он начал активно играть, причем уже не только в карты, но и в рулетку, тогда как раз всякие подпольные казино появились. То выиграет, то проиграет, короче, сам понимаешь, игроцкая удача – дама капризная и ветреная, одному мужику верность долго не хранит. И

затянулась эта масляно-маргариновая затея аж до самого конца года. Колькин долг уже до сорока тысяч долларов дорос. А в начале девяносто второго года помнишь что случилось?

– Напомни, – попросил Камень.

– Ну как же, вместо коммерческого курса иностранной валюты ввели рыночный курс, и рубль моментально упал. А на следующий день ликвидировали государственное регулирование цен. Вспомнил?

– Ах да, – спохватился Камень. – Теперь вспомнил. У них тогда цены за один день подскочили буквально на все. Они еще как-то интересно это называли, только я запомнил, как именно.

– Шоковая терапия, – подсказал Змей.

– Точно! Там какой-то внук писателя всю эту канитель затеял. Да?

– Правильно, Камешек, именно что внук писателя, Гайдар его фамилия. Тебе Ворон книжку про Тимура и его команду пересказывал?

– Было. Но она же детская, кажется... Так что, эту книжку дед того самого шокового терапевта написал? Ну надо же! Слушай, цены подняли, а что с зарплатами? Тоже подняли?

– Как же, дожидайся, – усмехнулся Змей. – Зарплаты какими были, такими и остались, только на них теперь можно было купить в три раза меньше всего.

– И как же люди жили? Ворон говорил, что совсем плохо. А ты что скажешь?

– Да то же самое и скажу. Люди были в шоке, как внук писателя и запланировал. Но нас с тобой не все люди интересуют, а конкретная семья. Лиза, само собой, тут же подняла вопрос об увеличении дотации, поскольку деньги Родислав дает на детей, а на сто рублей теперь особенно не разживешься. Пришлось увеличить алименты. Раиса тоже попросила прибавку, и ее можно понять. Сперва Люба и Родислав впали в полное отчаяние, от их двух зарплат вообще ничего на жизнь не оставалось, спасибо еще Тамара к ситуации с Раисой отнеслась с пониманием и стала присылать больше денег. Но тут в конце января Ельцин подписал Указ «О свободе торговли», и у Бегорского дела пошли резко в гору, он же несколько совместных предприятий организовал и делал по западным технологиям всякое разное оборудование для предприятий общепита. Так что Любины доходы заметно увеличились, и Романовы вздохнули с облегчением и стали даже подумывать о том, чтобы отказаться от Тамариной помощи. Однако Тамара с этим не согласилась и заявила, что ей необходимо чувствовать себя нужной семье и, пока она не оправится от утраты, она будет присылать деньги на Раису и слышать ничего не хочет.

– Ельцин подписал указ? – задумчиво повторил Камень. – А почему Ельцин? Он что, стал министром торговли? Что-то я запутался.

– Ну ты скажешь! – расхохотался Змей. – Каким министром? Какой торговли? Ельцин у них теперь президент, самый главный. Горбачев ушел с поста, СССР распался, а Ельцин – Президент России.

– Вспомнил! – обрадовался Камень. – Беловежское соглашение. Ну все, теперь у меня в мозгах улеглось. А как же Николашин долг? Его серьезные люди индексировали или сколько было, столько и осталось?

– Ну прям-таки, осталось! Там еще и пеня выросла – будьте-нате. Пришлось Николаше прибегать к помощи еще более серьезных людей, своих партнеров по игре, чтобы они ситуацию хоть как-то разрулили. Там на высшем уровне провели несколько раундов переговоров и зафиксировали Николашин долг на уровне шестидесяти тысяч долларов, но с условием погашения в течение недели. Колька клялся и божился, что отдаст, и начал искать возможность сесть за серьезную игру с настоящими большими бабками.

– Вот идиот, а?! – буквально простонал Камень. – Ничему жизнь его не учит.

– А у него выхода нет, – спокойно заметил Змей. – Где деньги-то взять? Маргарин к тому времени он продал только наполовину, деньги, почитай, все на аренду уходят, а как цены выросли, так доходы от продажи маргарина, конечно, увеличились, но аренда возросла, цены

на месте не стоят, ползут, как тесто на дрожжах. И представь себе, ему повезло, он выиграл сорок три тысячи. А неделя-то уже на исходе. Кинулся он к своим кредиторам, возьмите, говорит, пока хотя бы эти сорок три, за мной еще семнадцать, но учитывая, что я львиную долю уже принес, продлите мне срок еще на неделю. Серьезные люди носом покрутили, лбы поморщили, вспомнили, на каком высоком уровне пришлось насчет Кольки договариваться, и решили, что имеет смысл перед тем высоким уровнем как-то прогнуться, лояльность продемонстрировать, и дали ему неделю. Но строго предупредили, что если через неделю семнадцать тысяч не вернет, то будет должен уже двадцать. И далее везде.

– И как? – спросил Камень, затаив дыхание.

– Хреново. Всю неделю играл как проклятый и в карты, и на рулетке – ничего. По нулям. Даже чуть-чуть в минусе, но так, по мелочи, за проигрыш он из своих джинсовых доходов расплатился. А потом Родислав уехал вместе с группой руководителей из министерства в заграничную командировку, в Испанию, опытом обмениваться...

* * *

Проводив мужа, Люба почувствовала внезапную тревогу. В первый раз за все годы супружества Родислав уезжает в такую командировку, откуда не сможет ей позвонить. И она ему позвонить не сможет. Ей было неуютно от непривычного чувства оторванности, невозможности вступить в контакт. А вдруг с ним что-нибудь случится? Вдруг он заболеет или просто плохо себя почувствует? Люба собрала ему с собой целую аптечку, но когда объясняла мужу, куда она кладет таблетки и капли, и в каких случаях их следует принимать, и в каких дозах, Родислав не слушал ее, как, впрочем, не слушал в таких ситуациях никогда. Каждый раз, когда он собирался в командировку, Люба, складывая его чемодан, проводила подробный инструктаж, показывала, в какие пакеты она кладет носки, белье, сорочки, галстуки, а также пресловутую аптечку, в которую напихивала средства «от всех болезней», но Родислав отмахивался и говорил, что если чего-то не найдет в своем чемодане или что-то забудет, то просто позвонит ей и спросит. Он действительно постоянно звонил и спрашивал, Люба, никогда ничего не забывавшая, терпеливо и подробно отвечала на его совершенно детские и беспомощные вопросы. А как он будет звонить из Испании? Из гостиничного номера он позвонить не сможет, всю группу заранее предупредили, что поездка оплачивается валютой, которой в бюджете министерства совсем мало, и никаких дополнительных расходов быть не должно. В том числе говорили про телефонные звонки и какой-то мини-бар, о котором почти никто из выезжающих представления не имел. Наверное, можно было бы позвонить с какого-нибудь специального телефона, наподобие переговорного пункта, но это тоже за деньги, а денег-то – кот наплакал, выдали по двадцать пять долларов на человека на целую неделю. И как быть, если Родиславу что-нибудь понадобится?

За день до отъезда Родислава Люба спросила Андрея Бегорского, который часто бывал за границей, как решается вопрос с телефонными звонками, и была совершенно потрясена тем, что, оказывается, в Москву можно позвонить из любого уличного автомата, надо только иметь телефонную карту. Но карта стоит денег, и вопрос сам собой отпал. Андрей, имевший солидный запас наличной валюты, предложил дать Родиславу с собой еще денег, но тут уж не согласился сам Родислав: вывозить валюту сверх выданной на командировочные расходы было нельзя. Можно рискнуть, конечно, но Родислав к риску был не склонен, и Люба его в этом полностью поддерживала.

После отъезда Родислава прошло два дня, и Коля не явился домой ночевать. Это было далеко не в первый раз, и Люба даже не особо беспокоилась, только ужасно злилась и, конечно же, не спала всю ночь, прислушиваясь к шуму лифта и к входной двери. Днем она позвонила Коле на работу, в контору, которая занималась джинсами, но ей сказали, что Романова нет, он

вообще сегодня на работу не вышел. «Опять играет, – с тоской подумала Люба. – Так увлекся, что про все забыл. Господи, неужели это никогда не кончится?»

Вечером он снова не появился, а около часа ночи раздался телефонный звонок. Люба моментально схватила трубку.

– Коля?! Когда ты придешь?

– А это от тебя зависит, мамаша, – послышался в трубке незнакомый и от этого страшный голос. – Когда заплатишь за своего сыночка, тогда и получишь его обратно.

– Кто это? – спросила Люба севшим голосом. – Где мой сын?

– Ой-ой-ой, как много вопросов, – с ехидцей ответил незнакомец. – Двадцать пять тысяч зеленых – и парень будет дома живой и здоровый. И не вздумай ментам звонить, иначе получишь не сына, а его голову. Сроку тебе – до девяти утра. В девять позвоню и скажу, куда принести деньги. И без глупостей.

В ухо ударили гудки отбоя. Люба помертвела. Что делать? К кому кидаться за помощью? Позвонить в милицию? Но Родик много раз ей рассказывал, что в последние год-два появились новые разновидности преступлений, в том числе и похищение людей, с которыми милиция пока бороться не умеет, и все действия правоохранительных органов оканчиваются полным провалом. Более того, он поведал ей о двух случаях, один из которых произошел в Иркутске, а другой – здесь, в Москве, когда непрофессионализм милиционеров привел к гибели похищенных. А вдруг, если она обратится сейчас в милицию, ей попадутся такие же непрофессионалы и она больше не увидит Колю живым? При мысли об этом у Любы оборвалось сердце и закружилась голова. Как плохо, что Родика нет рядом, он бы знал, что делать. Но позвонить ему невозможно. А даже если бы и было возможно, что он смог бы сделать оттуда, из Мадрида? Ни позвонить, кому следует, ни держать руку на пульсе. Нет, придется, видно, разбираться самой, без помощи мужа и милиции.

Она постаралась успокоиться, выпила сердечные капли, подождала, пока пульс хоть немного выровняется, и позвонила Андрею Бегорскому. Люба понимала, что звонить в час ночи в семейный дом, где растет маленькая дочка, неприлично, но у нее не было выбора. Андрей – единственный, кто может помочь хотя бы советом.

– Ты права, Любаня, – ответил Бегорский, выслушав не особенно связный рассказ Любы. – На милицию надежды нет. Надо платить. Я дам деньги.

– Ты с ума сошел! Мы не сможем отдать никогда! Это для нас непосильная сумма.

– Не сможете – значит, не сможете. Сейчас надо думать не об этом, а о том, чтобы спасти парня. Кто знает, в лапы к каким отморозкам он попал. А вдруг его там мучают? Вдруг, если ты не принесешь деньги утром, ему начнут пальцы или уши отрезать? Может быть, они сумасшедшие или садисты. Нет, Любаня, даже и не думай. Если бы Родька был здесь, он бы точно знал, кому из его коллег можно доверять, кто не напортачит и вытащит Колю, а поскольку Родьки нет, то самое умное, что мы с тобой можем сделать, это согласиться на их условия. Я сейчас возьму деньги и приеду к тебе, мы дождемся их звонка утром и поедем вместе.

– Ну что ты, Андрюша...

– Не спорь, – твердо сказал он. – Ты все равно не сделаешь так, как надо. Я должен быть рядом.

Через час Андрей был в квартире Романовых. Если, переступив порог, он едва узнал Любу, посеревшую и осунувшуюся от страха, то глядя на нее на рассвете, он понимал, что видит перед собой совершенно другого человека, в котором от прежней Любы не осталось вообще ничего. Перед ним сидела старуха с падающими на лоб седыми прядями, опущенными плечами и с потухшим взглядом.

– Может быть, Коли уже нет в живых, – едва шевеля губами, произнесла она. – В девять часов они позвонят, потребуют деньги, а он уже мертвый. Андрюша, я не знаю, как это пережить. А ты знаешь?

– И я не знаю, – признался Бегорский. – Но давай верить в то, что все обойдется. Мы заплатим эти чертовы деньги, и Кольку нам вернут. Когда они позвонят, обязательно потребуй, чтобы тебе дали с ним поговорить. Ни на что не соглашайся, пока не услышишь его голос.

– А если они не дадут с ним поговорить? Это будет означать, что...

– Любаша, это может означать что угодно, в том числе и то, что они просто дураки и не понимают: дать поговорить с заложником – это обязательное условие любых переговоров. Мы же с тобой не знаем, в руки к каким людям он попал. Может быть, это настоящие бандиты, которым не нужны осложнения с милицией и которые никогда не пойдут на крайние меры, а может быть, это просто молодые козлы, которые ничего этого не понимают и понимать не хотят. Они получили человека, за которого собираются взять выкуп, и так обрадовались, что у них все на мази, что упиваются собственной властью над тобой и над Колькой. Давай смотреть правде в глаза: не исключено, что его бьют, над ним издеваются, тебе не дадут с ним поговорить, но это еще ничего не значит. Надо верить в благополучный исход. Ты правильно сделала, что не стала связываться с милицией, они действительно пока не умеют справляться с такими ситуациями и могут только напортить.

Он налил себе остывшего чаю и положил руки Любе на плечи.

– Любаша, тебе бы надо поплакать.

– Зачем? – она подняла на него глаза, полные муки и отчаяния.

– Тебе станет легче. У тебя внутри все заледенело от ужаса, а лед – он ведь твердый, то есть негибкий, а значит, может треснуть от любого удара.

– От какого удара? – устало спросила Люба. – Зачем ты меня пугаешь?

– Да я не пугаю тебя, дорогая моя, я готовлю тебя к разговору с бандитами. Ты должна быть спокойной и собранной, чтобы точно слышать каждое их слово, улавливать интонацию и быстро и правильно реагировать на то, что они скажут. Если у тебя внутри будет лед, он разобьется и рассыплется от малейшего твоего напряжения, и толку от разговора не будет. Ты пойми, это очень ответственный момент, и к нему ты должна подойти в состоянии максимальной боевой готовности.

– Ты меня как будто на бой провожаешь, – Любины губы тронула слабая улыбка.

– А это и есть бой. Мы с тобой будем биться за жизнь твоего сына. Это самый главный бой в твоей жизни. Я мог бы сам поговорить с ними, когда они позвонят, но боюсь, что будет только хуже.

– Почему? Ты можешь сказать, что ты – отец, и с тобой они будут разговаривать точно так же, как со мной.

– Не могу, Любаша. А вдруг Колька им сказал, что отец в отъезде и дома только мать? Тогда они любой мужской голос будут расценивать как голос работника милиции. Это будет означать, что ты не выполнила их условия, и все моментально осложнится. Они разозлятся и злость свою начнут вымещать на Кольке. Нам с тобой это надо?

– Нет. Ты прав, у меня внутри все каменное и неподвижное. Но я не умею плакать от страха. От горя – умею, а от страха – нет. У меня даже слез нет. У меня есть только бесконечный ужас и отчаяние. Если с Колей что-нибудь случится, я этого не переживу.

– Если мы все сделаем правильно и спокойно, с ним ничего не должно случиться. Давай, Любаша, сделай что-нибудь, ну хоть ванну горячую прими. Скоро Лелька встанет, что ты ей скажешь? Правду?

– Боже сохрани! – испугалась Люба. – Леле нельзя говорить такие вещи, она очень чувствительная и тонкая девочка. Надо сделать вид, что все в порядке, накормить ее завтраком и отправить в институт.

– А как ты ей объяснишь мое присутствие? И почему ты думаешь, что она не заметит, как плохо ты выглядишь?

– А что, в самом деле плохо? – поинтересовалась Люба с полным безразличием в голосе.

– Ужасно. Как будто тебе на двадцать лет больше и ты долго и тяжело болела. Этого невозможно не заметить.

– Плохо... Я что-нибудь придумаю... – пробормотала Люба, судорожно оглядываясь в поисках зеркала.

Бегорский досадливо поморщился, схватил ее за руку и усадил на диван.

– Любаша, ты думаешь не в том направлении. Все интеллектуальные силы сейчас нужны тебе для разговора с похитителями, а ты собираешься тратить их на то, чтобы придумать какое-нибудь вранье для своей дочери. Это неправильно.

– А как правильно? – беспомощно спросила она.

– Сказать ей правду, это легче и проще.

– Но...

– Никаких «но», – строго сказал Андрей. – Леля – взрослый человек, ей двадцатый год пошел, а вы носитесь с ней, как с младенцем. Как она дальше-то жить будет?

– Андрюша, – простонала Люба, – давай не сейчас, а? У меня в голове только Коля.

– Нет, – жестко произнес Бегорский, – именно сейчас. Во сколько Леля встает?

– В семь.

Он посмотрел на часы.

– Значит, через двадцать минут. Иди в ванную, встань под горячий душ и прогрейся как следует, потом облейся ледяной водой. Когда Леля появится, я сам с ней поговорю.

– Не надо, Андрюша, – пыталась протестовать Люба. – Ну пожалей ты девочку, она не справится с такими известиями, она с ума сойдет от ужаса.

– Ничего, – усмехнулся Бегорский. – Как сойдет, так и вернется. Любка, как же ты не понимаешь, ее детство под крылом у мамы с папой закончилось, ей предстоит самостоятельная жизнь, а как она станет к ней адаптироваться, если ничего не умеет и не может ни с чем справляться самостоятельно? Ведь жизнь-то дальше будет только труднее, а не легче. Всё, не хочу ничего слушать, отправляйся в ванную и возвращайся другим человеком. Ты мне нужна собранная, сосредоточенная, спокойная и красивая. Причешись и сделай что-нибудь с лицом, ну, что вы, женщины, там обычно делаете. Краску какую-нибудь нанеси, не знаю, я в ваших тонкостях не разбираюсь.

Люба почувствовала, что сил сопротивляться у нее не осталось, и покорно поднялась. В ванной она внимательно рассмотрела себя в зеркале и ужаснулась. На голове появилось несколько новых седых прядей, которые в беспорядке спадали на лоб, глаза запали, под ними мрачно светились серо-голубые синяки, губы как будто стали тоньше и суше и покрылись беловатым налетом. Андрей прав, в таком виде нельзя показываться дочери и уверять ее, что все в порядке.

Она встала под горячие струи и закрыла глаза. Коля, сыночек... Что же ты натворил, почему допустил, чтобы твоя жизнь превратилась в кошмар? Ведь понятно, что выкрали тебя те люди, которым ты должен деньги, никому другому похищать тебя и в голову не пришло бы, мы с отцом – не бизнесмены, доходов у нас никаких особенных нет, что с нас взять? Ты запутался со своими долгами и сказал кредиторам, что у твоих родителей есть друзья, у которых можно одолжить деньги. Дальнейшее понятно без слов. Твои так называемые серьезные люди, у которых ты взял в долг, чтобы купить вагон масла, решили таким нехитрым способом заставить твоих родителей достать деньги, раз уж у тебя самого не получается уговорить нас обратиться к нашим друзьям. Хочу надеяться, что тебя там не бьют и не морят голодом, хотя как знать... Ах, Коля, Коленька! Твои кредиторы все правильно рассчитали, отца сейчас нет в стране, а я люблю тебя так сильно, что сломя голову кинусь в любую авантюру, пойду на все, чтобы тебя спасти. Деточка моя, мальчик мой, сыночек... Взрослый циничный наглый мужчина, которого я никак не могу перестать считать своим маленьким, своим родным, своим золотым сокровищем. И в который раз повторяю себе: будь проклято лукавое материнское сердце, которое не

может, просто не умеет перестать любить своего ребенка, каким бы ужасным, каким бы плохим человеком этот ребенок ни был. Ты можешь оказаться даже настолько плохим, что сам подал идею похитить тебя. И сейчас ты сидишь вместе со своими кредиторами в теплой комнате, закусываешь, пьешь водку и с гадкой ухмылкой на лице ждешь, когда я принесу деньги, чтобы отдать твои долги. Ты считаешь себя таким умным, таким ловким, ты так здорово придумал, как рассчитаться с долгом, как заставить меня обратиться с Андрюше или к Аэлле, ты уверен, что я никогда ни о чем не догадаюсь и отец тоже не догадается. Тебе даже в голову не приходит, как хорошо мы тебя знаем. Еще в раннем детстве ты поступал точно так же: когда тебе отказывали, ты не просил повторно, ты уходил и делал вид, что смирился с отказом, а потом лаской и лестью добивался того, что тебе все подносили на блюде с голубой каемочкой, все разрешали, все предлагали сами. Неужели и теперь ты поступил точно так же? Боже мой, какой стыд, какая гадость! Я-то ладно, я перетерплю, и не такое от тебя терпела, а вот как отец на это отреагирует, если догадается? А Андрей? Он добровольно и практически безвозмездно отдает такие огромные деньги, чтобы тебя спасти, он уверен, что делает благое дело, что в противном случае тебя могут покалечить или даже убить, и ему даже невдомек, что ничего такого страшного с тобой не происходит, что ты сыт, пьян и вполне доволен жизнью.

А если я все-таки ошибаюсь? Если все не так, и тебя действительно держат в руках настоящие похитители, отморозки, как их назвал Андрей, и они тебя мучают, пытаются, издеваются над тобой. Или уже сделали самое ужасное... Нет, невыносимо об этом думать. Конечно, хочется, чтобы ты не оказался мерзавцем, но еще больше хочется, чтобы ты оказался в безопасности. Пусть лучше ты будешь абсолютным подонком и лжецом, но останешься жив и невредим. Или не лучше? Ой, господи, какие страшные мысли приходят в голову... А если поверить в то, что ты сам в этом замешан, и не дать денег, то что будет дальше? Деньги-то кредиторам нужны, долг надо возвращать, и тогда они рассердятся и начнут удерживать тебя уже по-настоящему, будут бить, отрезать пальцы и запугивать нас, пока мы не заплатим. Нет, как ни крути – все равно выходит, что придется платить. Платить чужими деньгами и потом много лет жить в долговой кабале, потому что невозможно взять у Андрея деньги просто так, без возврата, хоть он и сам говорит, что, мол, отдадите, когда сможете и если сможете, но надо постараться смочь, и как можно быстрее. А откуда взять такую сумму? Машина уже совсем старая, ей тринадцать лет, она вся сыплется, требует бесконечных ремонтов, ее даже за двести долларов не продашь. Отдавать, выкраивая из зарплаты? Никакой жизни на это не хватит, ты ведь, сыночек, не знаешь, что мы еще и Лизу с детьми содержим и от наших с папой зарплат мало что остается после того, как мы всех накормим и сделаем все необходимые траты. Ах, Николаша, что же ты творишь!

Люба не заметила, что говорит шепотом, а вовсе не мысленно. Как ни странно, от этих тихих, наполненных отчаянием и болью, но произнесенных вслух слов ей стало легче и даже как-то спокойнее. Сидя в комнате наедине с Андреем, она испытывала только животный страх за своего детеныша и не в состоянии была даже про себя произнести эти ужасные слова, не говоря уж о том, чтобы озвучить свои подозрения Бегорскому. Ей было стыдно перед Андреем, стыдно за то, что у нее такой сын, и стыдно оттого, что она не может перестать его любить, жалеть и беспокоиться о нем. Зато сейчас она все проговорила, и в голове прояснилось. Она почувствовала, что сможет спокойно, ничего не напутав и не испортив, провести переговоры с похитителями. Андрей был прав, горячий душ и в самом деле помог.

Она переключила кран на холодную воду и вздрогнула от обжегших кожу струй. Постояла, сколько смогла вытерпеть, потом снова включила горячую воду и снова холодную. Всё, теперь можно выходить. Люба с силой растерлась белым махровым полотенцем, кожа покраснела и начала гореть. Бросила взгляд в зеркало и поразилась произошедшей в ней перемене: она стала почти такой же, какой была всегда. Почти... Седые пряди никуда не исчезли, и синяки под глазами остались, но сами глаза уже не были потухшими, в них светились сосредоточен-

ность и решимость. Даже овал лица словно подтянулся. Она разобрала руками волосы на пробор и внимательнее всмотрелась в свое отражение – давно пора начать краситься, седых волос уже много, а теперь и новая седина добавилась. Но цены в парикмахерских так взлетели! Была бы Тома рядом, она бы сделала Любе чудесную головку, но сестра далеко.

Люба расчесалась, собрала отросшие волосы в тугий хвост на затылке, перетянула аптечной резинкой, потом трянула головой, сняла резинку и отыскала в стоящей здесь же косметичке пластмассовую французскую заколку, которую Аэлла когда-то подарила Леле и которая уже года два, с тех пор как Леля стала носить короткие стрижки, валялась без дела. Вот и пригодилась. Накинув халат, Люба выскользнула из ванной, добралась до стоящего в прихожей гардероба и достала брюки и темный глухой свитер. Ей отчего-то казалось, что в привычной домашней одежде она будет расслабленной и не сможет поговорить по телефону с похитителями так, как нужно. Из комнаты до нее донеслись голоса Андрея и Лели. Значит, дочка проснулась и ждет своей очереди, чтобы занять ванную комнату. Интересно, что ей сказал Андрей? Правду? Или все-таки пощадил девочку?

Одевшись, Люба вышла в большую комнату. Андрей расхаживал взад и вперед, а Леля сидела на диване, сгорбившись и зябко кутаясь в шаль, накинутую поверх ночной сорочки.

– Лелечка, иди, ванная свободна, – сказала Люба. – Давай быстрее, уже двадцать минут восьмого, сейчас я сделаю завтрак.

– Не торопись, мама, – глухим голосом откликнулась дочь. – Я не пойду в университет. Я останусь дома.

– Почему? – всполошилась Люба. – Ты плохо себя чувствуешь? Ты заболела?

– Мама, как я, по-твоему, должна себя чувствовать, когда с моим братом произошло такое несчастье? – в голосе Лели послышался вызов. – Я останусь дома и буду ждать. Я все равно ни о чем не смогу думать, кроме Николаши, какие уж тут занятия. Университет не имеет значения, когда в семье горе.

Люба собралась было что-то возразить, но внезапно вспомнила смерть Евгения Христофоровича. Она тогда тоже прогуляла занятия в институте, потому что нужно было быть рядом с Родиком, и никакие наказания за прогул не казались важными и значимыми рядом с необходимостью помочь любимому и поддержать его.

– Хорошо, – она согласно кивнула головой, – оставайся. Но завтракать все равно надо. И умыться тоже надо. И одеться. Иди, Лелечка, иди.

И снова она поймала себя на том, что собственные боль и ужас как-то поблекли рядом с необходимостью утешить и поддержать дочь, защитить своего ненаглядного детеныша. Опять получается, что Андрей оказался прав, он сказал Леле правду, не стал ее щадить, и теперь Любе придется больше думать о дочери и меньше – о собственных переживаниях.

За завтраком Леля была молчаливой и печальной и почти ничего не ела, Любе тоже кусок в горло не лез, а Андрей поел с завидным аппетитом и не уставал нахваливать оладьи с яблоками.

– Девчонки, вы ведете себя совершенно неправильно, – говорил он. – У нас будет тяжелый день, пока непонятно, как он будет складываться, но силы нам всем точно понадобятся. Ешьте как следует.

Но Леля все равно вяло ковыряла в тарелке ножом и вилкой, а Люба послушно запикивала в себя оладьи, не ощущая ни вкуса, ни запаха.

Телефонный звонок раздался без четверти девять. Андрей взглянул на часы и усмехнулся:

– Не терпится им. Иди, Любаша, ответь.

Люба глубоко вздохнула, мысленно повторила про себя: «Не нервничать, ничего не перепутать. И обязательно потребовать, чтобы дали поговорить с Колей. Ни в чем не уступать, настаивать на своем».

– Ну и как наши дела? – осведомился звонивший. – Собрали денежки?

– Да.

– Ну тогда запоминай, мамаша...

– Нет, я ничего не буду запоминать, пока не поговорю с сыном.

– А больше ты ничего не хочешь?

– Больше ничего. Только разговор с сыном. Я должна быть уверена, что с ним все в порядке. Иначе денег не будет.

– Ты смотри, она еще условия нам ставит! – весело удивился похититель. – Или ты такая храбрая, потому что у тебя на хребте менты висят? Так ты имей в виду, если ментов наведешь – сына живым не увидишь. Я перезвоню.

Люба растерянно положила трубку и обернулась к стоящему рядом Бегорскому.

– Отключились... Он, наверное, рассердился... Я как-то не так с ним разговаривала... Я все испортила, да?

Андрей ласково обнял ее.

– Успокойся, Любаша, ты все сделала правильно. Но этот похититель же не полный идиот, он не станет долго с тобой разговаривать, потому что не может быть уверен, что рядом с тобой не стоит опер. Если твой телефон подключили к аппаратуре, то он не будет рисковать тем, что его звонок могут засечь. Он будет звонить несколько раз через короткие промежутки времени, но из разных автоматов. А если он звонит из автомата, то понятно, что Коли рядом с ним нет. Ему нужно его доставить к телефону, чтобы выполнить твоё требование. Вот посмотришь, минут через десять-пятнадцать будет следующий звонок.

И опять Андрей Бегорский оказался прав, звонок последовал очень скоро.

– На, поговори с сыночком, – буркнул похититель.

Сердце у Любы замерло. Что она сейчас услышит? Слабый голос избитого и истерзанного сына? Она этого не вынесет, умрет в тот же момент. Нет, надо держать себя в руках, надо во что бы то ни стало, чего бы это ни стоило.

– Мама? – послышалось в трубке.

Мама. Не «мать», как обычно, а «мама». Наверное, ему очень плохо и очень страшно, ее маленькому Николаше, ее солнышку, ее сокровищу. Плохо, страшно и, может быть, больно.

– Коля, как ты? Как с тобой обращаются? – срывающимся голосом спросила Люба.

– Я в порядке, мам. Только сделай так, чтобы меня побыстрее отпустили, ладно? – голос сына был необычно тихим и слабым, и Люба чуть не расплакалась, но постаралась сдержаться.

– Коленька, мы нашли деньги, мы заплатим, ты там держись и ничего не бойся, мы сделаем все, чтобы тебя отпустили как можно скорее. Ты...

Но в трубке уже раздавался насмешливый голос одного из похитителей.

– Хватит, мамаша, поговорили – и будет. Ждите, перезвоню. И чтобы без глупостей.

– Ну вот видишь, – сказал Андрей, когда Люба положила трубку, – я же говорил, они будут звонить в несколько приемов из разных автоматов, чтобы их не засекли. Как Коля?

– Не знаю, – вздохнула Люба, – кажется, он очень напуган. Голосок такой тихий и слабенький... Я никогда у него такого голоса не слышала. Ты же знаешь, Коля всегда такой самоуверенный, непробиваемый... Ой, Андрюша... – она покачала головой. – Слава богу, он жив. Даже если его там избили, это уже не так страшно, это не в первый раз, я его подниму на ноги, выхожу, я привыкла. Или в больницу положу, если надо, такой опыт тоже есть.

Андрей отстранился и внимательно посмотрел на нее.

– Ты никогда не рассказывала, – медленно произнес он. – Почему?

– А что рассказывать? – в отчаянии выдохнула Люба. – Чем гордиться? Мы с Родиком от всех скрываем Колькины похождения, нам стыдно, что мы вырастили такого сына. – Она понизила голос и почти шепотом произнесла: – Мы даже от Лельки стараемся это скрыть. Он играет на деньги, пьет, гуляет, ввязывается в сомнительные авантюры, он постоянно кому-то

должен, он постоянно кого-то обманывает, его подстерегают и бьют, он ворует дома деньги и ценности, чтобы расплатиться, он занят каким-то бизнесом, за который его могут в любой момент посадить, потому что там бесконечные финансовые и налоговые нарушения. Андрюша, мы с Родиком живем, как на пороховой бочке, мы не ложимся спать, пока Колька не вернется домой или хотя бы не позвонит и не скажет, что с ним все в порядке, мы каждый день ждем беды... О чем тут рассказывать? Не дай бог, папа узнает, у него и так высокое давление, и вообще он уже старенький, ему нельзя волноваться. Знаешь, папа очень ослабел после путча и смерти Григория, все это его совершенно подломило, он стал таким вялым, равнодушным, иногда плачет. Ты можешь себе представить моего папу плачущим?

– Нет, – очень серьезно ответил Бегорский. – Это невозможно представить. Я, конечно, мало его видел, всего несколько раз, но по твоим и Родькиным рассказам очень хорошо представляю Николая Дмитриевича. Он всегда был таким сильным, нестигаемым, мужественным.

– Вот именно, – кивнула Люба. – И у него остались эти самые нестигаемые представления о том, какой должна быть наша семья, какими должны быть мы с Родиком и наши дети. И если мы окажемся не такими, как он думает, он этого не перенесет. Так что от папы мы вынуждены скрывать не только Лизу и ее детей, но и проблемы с Колей.

Из своей комнаты появилась Леля и вопросительно посмотрела на мать.

– Ну что? Они же позвонили, я слышала. Почему ты ничего не говоришь?

Люба объяснила, что ей удалось поговорить с Николаем, но условия обмена похитители пока не оглашали, придется еще немного подождать. Леля отправилась на кухню варить кофе, а Люба с Андреем остались возле телефонного аппарата. Ожидание затягивалось и стало уже невыносимым, и Люба положила руку на трубку, ей казалось, что так она будет чувствовать себя ближе к сыну.

Наконец они позвонили и торопливо изложили процедуру обмена, которая оказалась довольно незамысловатой: деньги следовало положить в определенную ячейку на Павелецком вокзале и закрыть ее на определенный шифр, после чего ехать на другой конец Москвы, на Ясный проезд, и там ждать у дома номер десять.

– Я поеду с вами, – тут же заявила Леля.

– Ни в коем случае – отрезал Андрей. – Ты останешься дома.

– Но я хочу увидеть Колю! И вообще, я хочу знать, что происходит! Вы уедете, а я буду тут сидеть, как кукла, волноваться и не знать, как все проходит, где вы, что с вами и с Колей. Вдруг что-нибудь пойдет не так, а у вас даже не будет возможности позвонить мне, и я тут буду с ума сходить. Нет, нет и нет, я еду с вами.

– Нет, нет и нет, – повторил следом за ней Бегорский, – ты остаешься дома, и это не обсуждается.

– Но почему?

– Потому что я так сказал. Я знаю, как лучше для всех, в том числе и для Коли.

Леля плотнее закуталась в шаль, опустила голову и тихонько заплакала, но на Андрея это не произвело ни малейшего впечатления. Люба кинулась было утешать и успокаивать дочь, однако Бегорский решительно взял ее за плечо.

– Любаша, не отвлекайся от главного. Одевайся и поедem.

– Но Леля...

– Ничего с ней не случится. Поплачет и перестанет.

После третьего звонка похитителей Люба снова начала нервничать и плохо понимала, что происходит. Андрей вывел ее из дома, усадил в свою машину, повез на вокзал, но ничего этого она как будто и не заметила, очнулась только тогда, когда машина остановилась и Андрей сунул в ее сумочку толстую пачку долларов.

– Номер ячейки помнишь?

– Да, – рассеянно кивнула она.

– И шифр?

– Помню.

– Точно? Ничего не перепутаешь? Я же велел тебе сразу все записать. Ты записала?

– Нет, я так запомнила.

– Люба, ну куда это годится! – рассердился он. – Я тебе русским языком сказал: сразу все запиши и возьми бумажку с собой. Почему ты не сделала, как я велел?

– Андрюша, – к Любе понемногу стало возвращаться самообладание, – я никогда не путаю цифры и не забываю их. Для меня цифры – как для тебя слова. Или как запись ходов в шахматной партии. Не волнуйся, я все сделаю как надо. Ты со мной пойдешь?

– Нельзя, Любаша. Если они за тобой наблюдают, то могут подумать, что я из милиции. Не надо их провоцировать. Будем делать так, как они велют, чтобы все это поскорее закончилось и Кольку вернули.

Люба вышла из машины, сделала несколько шагов в сторону здания вокзала, но внезапно вернулась, открыла дверцу и заглянула внутрь.

– Андрюша...

– Да? Что-то забыла?

– Нет, я хотела сказать... А если Колю не вернут?

– Почему не вернут? – вздернул брови Андрей. – Мы делаем все, как они сказали, мы не обратились в милицию, мы собрали деньги и беспрекословно выполняем все их требования. Почему они не вернут Колю?

– Ну, я не знаю. Может быть, они захотят еще денег. Ведь говорят же, что шантажистам нельзя платить, иначе этому не будет конца.

– Насчет шантажистов – согласен, а насчет похитителей – нет. Это совсем другое. Им всегда платят, и не только обычные люди, но и целые государства. Иди, Любаша, и не думай ни о чем плохом.

Та зима была очень снежной, припарковаться рядом с вокзалом оказалось трудно: машин много, а половина парковочных мест занята снежными кучами. Люба шла к зданию, не глядя под ноги, несколько раз споткнулась и чуть не рухнула в снег, но удержалась на ногах. Она старалась идти быстро, ей казалось, что каждый сделанный шаг приближает ее к сыну, к тому моменту, когда он окажется рядом с ней, целый и невредимый, но ноги вязли в глубоком снегу, который напал за ночь и который снегоуборочные машины еще не успели сгрести. Мимо шли люди, озабоченно спешащие на поезда или выходящие из здания с радостными лицами и букетами цветов, и Люба подумала, что отдала бы все на свете, чтобы оказаться на их месте, чтобы ее встречали с цветами, чтобы ее главной заботой было не опоздать на поезд. «Они даже не понимают, какие они счастливые! – мелькнуло в голове. – Как это хорошо, когда у тебя не похищают ребенка и тебе не нужно его спасать».

Она долго искала вход в камеру хранения и нужную ячейку, потом ее обуял страх, что она все-таки перепутала и неправильно запомнила номер и шифр. Нужная ячейка оказалась запертой. Люба в первый момент растерялась, но потом сообразила, что именно так и должно было быть. Похитители должны были занять ячейку заранее и закрыть ее на тот самый шифр, так что если набранная Любой комбинация сработает и дверца откроется, значит, она все запомнила правильно.

Дверца открылась, и Люба сразу успокоилась. Положила деньги, оглянулась и снова набрала шифр. Всё, теперь можно уходить. Она двинулась к выходу, но внезапно, повинувшись непонятному побуждению, вернулась. Дверца была открыта, ячейка пуста. Значит, они стояли где-то рядом, совсем рядом, и наблюдали за ней, а как только она отошла, забрали выкуп. Ей стало не по себе. Они здесь, они дышат ей в затылок, смотрят на нее из-за угла. Или уже не смотрят, а бегут к машине, чтобы поскорее увезти деньги? Или все-таки стоят и смотрят, проверяют, что она будет делать?

Бежать отсюда, бежать не оглядываясь! Скорее к выходу, скорее к Андрею, рядом с ним спокойно и безопасно. Выскочив из здания вокзала, Люба нашла глазами знакомую машину и стала пробираться к ней, не отрывая взгляда от смутно виднеющегося за замерзшим стеклом силуэта Андрея. Она снова не смотрела под ноги и все-таки упала, больно ударилась и опять ощутила боль в спине, так долго не оставлявшую ее после эпизода с пьяным Геннадием и окончательно утихшую только месяц назад.

Она упала прямо в глубокий сугроб, и снег набился в короткие сапожки с широкими голенищами, в рукава и за воротник шубы. Той самой шубы, которую много лет назад ей подарила Аэлла. Люба неловко встала, принялась было отряхиваться, потом махнула рукой и побежала к машине. Ногам, рукам и шее было холодно и мокро, но она не обращала на это внимания. Главное – ехать туда, где ей вернут сына.

Почти всю дорогу до Ясного проезда Люба и Андрей молчали, и только в районе Алтуфьевского шоссе Любина нервозность прорвалась желанием поговорить.

– Андрюша, а что мы дальше будем делать? Вот мы приедем к дому десять – и что?

– Будем стоять и ждать.

– Сколько?

– Не знаю, Любаша. Может быть, недолго, а может быть, несколько часов. Кто знает, какие у них планы? Может быть, им нужно время, чтобы окончательно замести следы, ведь они не могут быть уверены на сто процентов, что мы не обратились в милицию. Может быть, они захотят проверить подлинность купюр. Может быть, им нужно привезти Колю откуда-нибудь издалека, мы же не знаем, где они его держат, в Москве, в Подмосковье или за пределами области. Мы сделали все, что они требовали, и теперь нам остается только ждать. Связи с ними у нас нет. Хорошо, что мне удалось настоять и Лелька осталась дома.

– Почему? – удивилась Люба.

– Ну как же, а вдруг у похитителей будут еще какие-нибудь заморочки, как они нам об этом сообщат? Они могут только позвонить тебе домой и что-то передать Леле. Если бы дома никого не было, мы бы ни о чем не узнали.

– Так ты что, заранее об этом подумал, когда не разрешал ей ехать с нами?

– Конечно.

– Теперь я понимаю, – задумчиво пробормотала Люба.

– Что ты понимаешь?

– Что означали твои слова о том, что так будет лучше не только для нас, но и для Коли.

– Ну конечно, – усмехнулся Андрей. – Странно, что ты не поняла сразу, мне казалось, что это очевидно.

– Да нет, мне не очевидно. Но удивительно, что тебе это пришло в голову. Можно подумать, что ты уже не один раз имел дело с похитителями.

– Просто я умею считать и просчитывать не только свои действия, но и действия противника. Шахматная школа, – улыбнулся Андрей. – Мы с тобой сейчас остановимся возле автомата и позвоним тебе домой. Вдруг у Лельки есть новости?

Но у Лели никаких новостей не оказалось. Они подъехали к дому десять по Ясному проезду и сразу увидели Колю, сидящего на лавочке возле подъезда.

– Сынок! – бросилась к нему Люба, даже не дожидаясь, пока машина полностью затормозит. – Как ты, мой золотой?

Коля резво вскочил, обнял мать и зашагал вместе к ней к машине. Никаких следов побоев Люба на первый взгляд не обнаружила, лицо сына было хотя и бледным, но чистым, без синяков и царапин.

– Ты цел? – она судорожно ощупывала через толстую зимнюю куртку его плечи, руки, спину и грудь. – Тебя не били? Тебе ничего не повредили?

– Нет, мать, – довольно улыбнулся Николаша, – со мной обходились вполне культурно. Даже поесть дали. Где ты достала деньги?

– Андрей одолжил.

Люба снова села впереди, рядом с Бегорским, а Коля устроился на заднем сиденье.

– Спасибо, дядя Андрей, – горячо поблагодарил он. – Я постараюсь отдать деньги, как смогу. Правда, не обещаю, что это будет скоро, но я буду очень стараться. И спасибо вам, что были с мамой, поддержали ее.

– Да не за что, – коротко ответил Андрей, не отрывая взгляда от дороги. Снова начался сильный снегопад, вокруг потемнело, и видимость была очень плохой.

– Нет, есть, – возразил Коля. – Я же понимаю: папы нет, связаться с ним невозможно, Лельке ничего нельзя ни сказать, ни объяснить, мама осталась наедине с этим кошмаром, и неизвестно, как бы она одна справилась. Хорошо, что у нее есть такие друзья, как вы, дядя Андрей, это дорогого стоит. Я вам очень благодарен за то, что вы маму не бросили в трудную минуту. Бедная моя мамуленька! – он наклонился вперед и положил руки на плечи Любе. – Сколько же тебе пришлось вынести из-за меня, дурака!

– Что верно – то верно, – хмыкнул Андрей. – Ты действительно дурак, каких поискать.

– Все правильно, – покаянно вздохнул Николаша, – ругайте меня, корите, обзывайте любыми словами, я это заслужил. Мы куда едем? Домой?

– Домой, – подтвердила Люба. – Куда же еще?

– Разве вам не надо на работу? Вы и так на меня полдня ухлопали, уже почти половина второго.

– Я отвезу вас и поеду на завод, а маму я на сегодня отпустил, она две ночи не спала, ей надо отдохнуть, – пояснил Бегорский.

– Спасибо, – снова поблагодарил Коля, – спасибо еще раз за маму. Мамуля, мы с тобой сейчас приедем, ты разденешься, ляжешь на диван, я дам тебе подушку, накрою пушистым пледом, принесу тебе горячего чайку, включу телевизор, сяду у тебя в ногах и буду сидеть, как мышка, пока ты будешь отдыхать. А потом я разогрею обед, накрою в комнате, и мы с тобой устроим настоящую семейную трапезу. Только мы вдвоем, мать и сын. Правда, здорово?

– Ты забыл про Лелю, – пробормотала Люба.

Ее наконец отпустила нервная дрожь, она окончательно поверила в то, что сын рядом, что он жив и здоров и что кошмар закончился. На несколько минут ей удалось расслабиться, но потом вновь начался озноб. Похоже, попавший в сапоги и под шубу снег дал о себе знать – она простудилась. Впервые за много лет мысль о болезни ее не испугала: если раньше любое недомогание рассматривалось Любой как угроза налаженному быту и она заранее начинала переживать, кто же купит продукты, приготовит еду, постирает и погладит рубашки Родиславу и сделает уборку в квартире, то теперь она с неожиданным для себя самой безразличием отнеслась ко всему этому и даже испытала некоторое удовольствие, представив себе, как будет три дня лежать, ни о чем не беспокоиться и спать, спать, спать... Все равно Родика нет, и рубашки можно не стирать и не гладить, Леля вполне в состоянии сама о себе позаботиться и позавтракать, обедает она чаще всего в университете, потому что после занятий не возвращается сразу домой, а занимается в библиотеке – или в факультетской, или в Иностранке. Что же касается Коли, то он все равно мало бывает дома, питается в ресторанах, и вообще... Слишком он спокоен, слишком горячо и искренне благодарит Андрея, слишком хорошо, судя по всему, с ним обошлись его похитители. Похоже, худшие Любины подозрения оправдываются, всю эту кашу организовал и заварил он сам, чтобы вынудить мать достать деньги. Не мытьем – так катаньем.

– А что Лелька? – непонимающе спросил сын.

– Она дома, ждет тебя, даже занятия прогуляла – так разнервничалась.

– Здорово! – обрадовался Коля. – Как хорошо, что она дома, я по ней за два дня соскучился. Тогда мы сделаем так: ты приходишь, сразу раздеваешься и ложишься, а мы с Лелькой

готовим обед и ждем, когда ты отдохнешь, потом все вместе садимся за стол и долго-долго сидим и разговариваем... Нет, это плохая идея, из нас с Лелькой кулинары – как из дерьма пуля, а сегодня у нас должен быть замечательный обед, плавно переходящий в ужин, и всего должно быть много, и все должно быть вкусно, и стол должен быть накрыт как на большой семейный праздник. Дядя Андрей, а вы не могли бы отпустить с работы нашу Лариску? Она прошла у мамы хорошую школу и готовит просто замечательно. А, дядя Андрей?

– Хорошо, – усмехнулся сквозь плотно сомкнутые губы Бегорский. – Приеду в контору и позвоню в КБ, чтобы ее отпустили.

– Отлично! Тогда мы...

Николай возбужденным голосом продолжал строить грандиозные планы, а Любино сердце разрывалось на части. Одна часть, побольше, изо всех сил хотела верить в то, что все это – правда, все так и есть на самом деле, и на ее плечах лежат руки нежного и любящего сына, который понимает, каково ей пришлось за последние двое суток, и искренне хочет дать ей отдохнуть, а потом устроить матери настоящий праздник, потому что нет ничего желаннее для любой матери, чем видеть все свое семейство в сборе за общим столом. И хотя за этим столом не будет папы и Родислава, счастья это не уменьшит, потому что для матери дети всегда важнее мужа и отца, и если дети с ней рядом, довольны, спокойны и здоровы – это и есть счастье, то самое настоящее счастье, о котором так много говорят, пишут в умных книжках и снимают кино. Сегодня рядом с ней будут Коля, Леля и Лариса, за последние двенадцать лет тоже ставшая ее ребенком, которого Люба оберегала, воспитывала, лечила и учила. Да, мужа рядом не будет, но ведь он не ушел, не пропал, он в служебной командировке, да не где-нибудь в глухой дыре, а в Испании, в стране Веласкеса, Гойи, тореро и кастаньет. И осознание того, что у мужа тоже все в порядке, он успешно сделал карьеру и его даже посылают в заграничные командировки, – это тоже счастье. И папы не будет за этим общим праздничным столом, но ведь он есть, он жив, он полон сил и может сам за собой ухаживать, он достойно проживает свою спокойную старость, активно работает в совете ветеранов МВД, уже несколько лет являясь его председателем, ездит на собрания и совещания, выступает с докладами, руководит решением разных насущных вопросов, и, по большому счету, можно утверждать, что Николай Дмитриевич в полном порядке, и это тоже счастье. Любе так хотелось быть счастливой или хотя бы просто поверить в такую возможность, пусть всего на несколько часов или даже минут!

Но другая, меньшая часть ее сердца сухим звуком метронома твердила: Коля врет, он притворяется, он знает, какие слова ты хочешь услышать, и произносит именно их, чтобы подлизаться, подольститься, как он делал всю свою жизнь. Он сам разыграл историю с похищением, чтобы выманить у матери и ее друзей недостающие для выплаты долга деньги, он сам, своими руками, чуть не свел мать с ума и добавил ей седых прядей в волосах, он сам вверг собственных родителей в пучину огромных финансовых обязательств, потому что, несмотря на слова Андрея «отдадите, если сможете», Люба собиралась сделать все возможное и невозможное, чтобы отдать эти двадцать пять тысяч зеленых американских долларов. Коля – превосходный артист, он разговаривал с ней сегодня утром по телефону слабым испуганным голосом, но на самом деле сидел в тепле и уюте, вкусно ел и сладко пил и от души посмеивался над доверчивой матерью, которую так легко оказалось развести на бабки. И момент он выбрал точно – отца нет в стране, и связаться с ним невозможно. И у Любы не было выхода, несмотря на то что она все понимала. Деньги надо было найти и отдать, независимо от того, настоящее это было похищение или инсценировка, потому что если Колька действительно должен такую сумму, то долг сам собой не рассосется, он будет только расти, уж это-то Люба отчетливо понимала. И если не заплатить сейчас, то через некоторое время вопрос встанет со всей остротой, и кредиторы похитят Колю уже по-настоящему, а то и, не приведи господь, убьют в назидание нерадивым должникам. Николай на самом деле не нежный и любящий сын, а вор и подонок, а все его ласковые слова – не более чем очередной спектакль, один из бесчисленного множе-

ства спектаклей, которые он разыгрывал на протяжении всей жизни. И все его слова о том, что они вместе с Лелей и Ларисой будут сидеть с мамой за одним столом и долго-долго разговаривать, – это тоже пустой звук. Не будет у них никакого уютного семейного застолья, потому что не о чем им разговаривать. Колю интересуют только деньги, Лелю – английская поэзия, брат с сестрой давно уже не общаются, потому что не понимают друг друга, да и не стремятся понять. Леля считает, что ее старший брат беспечно прожигает жизнь, шатаясь по кабакам и путаясь с разными девами, Коля же называет сестренку «безмозглой мимозой», которая ничего не умеет, ничего в жизни не понимает и вянет от малейшего соприкосновения с грубыми реалиями. Что же касается Ларисы, то ей ни с Колей, ни с Лелей говорить не о чем. Она много работает, берет какие-то подработки, чтобы получить лишнюю копейку, заботится о заметно сдавшей и много болеющей бабушке, мучается с пьяницей-отцом и не может поддерживать ни разговоры о ресторанах и бизнесе, ни рассуждения об английских поэтах девятнадцатого века, стихи которых она никогда не слышала. Коля по-прежнему считает Ларису несмышленищем, маленькой глупой девчонкой, а Леля в глубине души относится к соседке высокомерно-снисходительно, хотя старается этого не проявлять и всегда встречает девушку с показным дружелюбием, примерно с таким же, с каким люди порой треплют по холке приبلудного бездомного пса и кидают ему кусок колбасы, прекрасно зная, что ни за что на свете не возьмут его, ободранного и блохастого, к себе домой и не оставят жить. А Люба? Ей есть о чем поговорить со своими детьми? С Колей она давно уже только перекидывается парой слов: «привет», «пока, я пошел», «ты голоден?». Люба с удовольствием вникла бы в дела сына и, возможно, смогла бы дать ему полезные финансовые рекомендации, но Николаша ничего не рассказывает и считает родителей безнадежно отсталыми и увязшими в никому не нужных устаревших моральных представлениях. Говорить с дочерью о поэзии Люба тоже не может, потому что ничего в ней не понимает, а кроме поэзии Леля с удовольствием рассуждает только о жестокости и несправедливости мирового устройства, которые заставляют ее постоянно страдать и испытывать острую душевную боль. На эту тему Люба могла бы разговаривать с Лелей часами, пытаясь разубедить девочку, утешить ее и что-то объяснить, но Леля не расположена обсуждать свои воззрения с матерью, она твердо укрепила в них и не желает, чтобы ее разубеждали. Ей нужно страдание, она без него жить не может, дышать не может, и никому она не позволит эту сладкую конфетку у себя отнять. Леля считает, что ее никто не понимает, ей удобно жить с этой мыслью, она дает возможность печалиться и переживать, и что же ей делать, если вдруг окажется, что мать прекрасно все понимает? Из-за чего тогда страдать? Люба отчетливо сознавала, что дочь именно поэтому и избегает разговоров с родителями: не хочет, чтобы ее разубеждали, чтобы говорили о том, что жизнь прекрасна и устроена вполне разумно и справедливо. А вдруг они приведут такие аргументы, против которых девушка не сумеет возразить? Тогда что же получится? Что вся ее печаль, ее грусть и страдание беспочвенны и она не имеет на них никакого права? Нет, на это она пойти не может! Когда-то Любе казалось, что ее дочь похожа на Тамару своей сосредоточенностью и готовностью часами сидеть в уголке и рисовать, читать или заниматься еще чем-то увлекательным. Теперь она отчетливо видела, что нет в Леле ни Тамариной жесткости и стойкости, ни ее готовности бороться и идти вперед, чего бы это ни стоило.

Остается только Лариса, с которой у Любы всегда найдется о чем поболтать – и об отце, и о здоровье бабушки, и о делах на заводе. Как же так вышло, что соседская девочка стала ей ближе родных детей? Ну, может, и не ближе, но она осталась единственной из младшего поколения, с кем Люба еще может о чем-то разговаривать.

«Дворники» испуганно метались по лобовому стеклу, счищая обильные крупные снежные хлопья, через боковые стекла было почти ничего не видно, и Любе казалось, что они отрезаны от всего мира в этом замкнутом пространстве автомобиля, и как хорошо, если бы это никогда не кончалось, и Коля всегда был бы с ней рядом, в безопасности и покое, держал бы руки на ее плечах и говорил ласковые слова, и она могла бы больше о нем не волноваться.

Она закрыла глаза, прижалась щекой к руке сына, но вместо того, чтобы расслабиться, вдруг снова ощутила мокрый холод в тех местах, куда попал снег, когда она упала. И почему полному счастью всегда мешают какие-то противные мелочи?

* * *

– Ну, как тебе мой подарок? – Змей довольно улыбнулся. – Ты удовлетворен?

– Подарок отличный! Спасибо! – искренне поблагодарил Камень. – Но, если я правильно понял, ты все-таки знаешь больше, чем рассказываешь.

Змей потупился и кокетливо повел овальной головой, мол, ваш комплимент мне приятен, но я от похвалы смущаюсь.

– Так ты мне скажи, этот маленький негодяй действительно инсценировал свое похищение?

– Действительно.

– Вот мерзавец, а? Нет, ты только подумай, какой же мерзавец!

– Согласен, – кивнул Змей.

– А я вот еще насчет Любы и Лели хотел спросить. Неужели Люба так глубоко про свою дочку понимает?

– А что тебя удивляет?

– Ну, знаешь, как-то... Странно. Люба же не профессиональный психолог, чтобы так рассуждать. Если бы ты мне это рассказал и прокомментировал, я бы не удивился, потому что ты к кому угодно в голову влезешь и самые скрытые мотивы оттуда выковыряешь, но чтоб Люба... Чудно мне это. Тем более она мать, а ты мне сам объяснял, что материнский глаз видит по-особенному, плохого не замечает, а хорошее, наоборот, преувеличивает. Почему же она про Лелю так все понимает?

– Интересно ты рассуждаешь! А то, что Люба про Колю все понимает, тебя не удивляет? Ты уж привыкни, будь добр, к мысли о том, что Люба вообще-то очень умная женщина, умная и тонкая, она сердцем правду чувствует, и никакого образования специального ей для этого не требуется. Она от природы так устроена, у нее интуиция.

– Интуиция много у кого, – упрямо возразил Камень, – а так про своих близких понимать могут только единицы.

– Вот Люба Романова и есть такая единица. У нее мозг аналитический, она же экономист, а не кто-нибудь. И если ее интуиция что-то чувствует, то мозг автоматически начинает это анализировать. Она и сама этого не понимает, не ощущает, она просто вдруг начинает чувствовать, как все происходит на самом деле.

– Бедняжка, – вздохнул Камень. – как ей, наверное, тяжело живется! Это ж немыслимое дело: про всех все понимать.

– Кроме себя, – подсказал Змей, ехидно улыбаясь.

– Ну да, кроме себя. Но ей-то каково! – Камень все не унимался. – Знать про сына, что он негодяй и подонок, и все равно его любить. Знать про мужа, что он ей столько лет изменяет, и все равно любить. Какое сердце это может вынести?

– Любящее, – коротко ответил Змей. – Люди зря думают, что любовь – это вечный праздник. Любовь – это повседневная тяжелая работа. И очень немногие умеют с этой работой справляться.

– Ты мне еще про Николая Дмитриевича расскажи, – попросил Камень. – А то Ворон к нему редко заглядывает. Старик действительно сломался? Как-то с трудом верится, такой уж он был... Даже и не знаю, как сказать, ну, ты понимаешь.

– Тяжело старику. В предыдущем году, в девяносто первом, прекратили деятельность коммунистической партии и комсомола, потом Союз распался. Представь, каково ему было с

этим смириться! Он всю сознательную жизнь служил этому самому Союзу Советских Социалистических Республик и этой самой компартии. Переживал Головин страшно. Если в момент путча он только еще надломился, то к концу года уже сломался окончательно. У него возникло ощущение, что он перестал понимать действительность, перестал в ней ориентироваться. Но это ощущение свойственно было многим в тот период. И из него, из ощущения-то, есть только три выхода. Первый: признать, что изменения неизбежны и логичны, и адаптироваться к ним. По этому пути пошла основная масса тех, кому до пятидесяти, и очень немногие старики. Второй путь – сказать, что изменения плохие, действительность никуда не годится, и активно все отрицать, не принимая перемен. И третий, которым, к сожалению, пошел наш генерал Головин: я старый, никчемный, никому не нужный, выброшенный из жизни, я перестал понимать происходящее, потому что мозги уже неповоротливые, я не успеваю за быстро меняющейся жизнью, и мне остается только тихонько сидеть в уголке и лить слезы о напрасно прожитых годах. Но если с разгоном КПСС Николай Дмитриевич еще худо-бедно справился, потому как и сам считал, что путчем партия себя полностью скомпрометировала, и говорил, что это уже не та партия, которой он верой и правдой служил полвека, то когда в январе девяносто второго года состоялось первое заседание Монархического блока, тут старик впал в полное отчаяние. С этим его рассудок смириться уже никак не мог.

– Так он что, головой тронулся? – озабоченно спросил Камень.

– Что ты, голова у него ясная, как в молодости была, – успокоил его Змей. – Никаких признаков старческого маразма. Но он действительно ослабел душой, это Люба верно подметила. Волнуется за всех, переживает, каждый день звонит Романовым по нескольку раз, интересуется, пришла ли Леля, пришел ли Коля, дома ли Родик, все ли здоровы. И это при том, что Люба раз в три дня ездит к отцу, покупает продукты, готовит еду, убирает квартиру. Николай Дмитриевич вбил себе в голову, что он уже совсем старый, ни в чем разобраться не может, все стало слишком сложным для него, он безнадежно отстал от жизни и уже никогда ее не догонит. Чуть что – на глазах слезы. Особенно когда Люба от него уезжает. Опять, говорит, доченька, уезжаешь, оставляешь меня одного, я буду скучать, я буду тосковать, приезжай быстрее снова. Ужас! У Любы чуть ли не инфаркт каждый раз случается – так ей его жалко. И сделать ничего нельзя, съезжаться и жить вместе старик категорически отказывается, здесь, говорит, мы с Зиной жили, здесь мама моя умерла, я из этой квартиры никуда не перееду. Вот и весь сказ.

– Упрямый, – констатировал Камень.

– Упертый, – поправил друга Змей. – Еще о ком спросишь?

– О, у меня вопросов много, – оживился Камень. – Я вот еще насчет Лели не все выяснил, на деда отвлекся.

– Ну, спрашивай.

– У нее кавалеры-то есть? Все-таки двадцатый год девчонке, пора уже эти самые крутить, шуры-муры.

– Ничего-то ты в нашей Леле не понимаешь, – удрученно произнес Змей. – Я тебе толкую, толкую – я ты все не усвоишь. Не нужны ей кавалеры.

– То есть как – не нужны? Так не бывает.

– Бывает.

– У нее что, эта самая, как ее, ориентация? – в ужасе спросил Камень.

– Дурак ты старый, – рассмеялся Змей. – Она по Вадиму сохнет.

– По какому Вадиму?

– Да все по тому же, с собакой. Собаки, правда, разные, сначала была Рада, но она умерла, и купили Карму, тоже овчарку. А Вадим все тот же. Вспомнил? Тебя еще, если я не ошибаюсь, Ворон слезно умолял правила нарушить и дать ему с Лелей познакомиться, когда на нее маньяк чуть не напал.

– Ох ты, господи! Неужели она до сих пор в него влюблена? – не поверил Камень. – Это ж сколько лет прошло!

– А тем, кто любит страдать, годы только в плюс идут. Чем дольше счастье не наступает – тем лучше, а то если оно наступит, так печалиться не о чем будет. Усек? Леля тайно любит Вадима и посвящает ему стихи на русском и английском языках, а также все помыслы и мечты. Вот так-то.

– А вообще мальчики на нее внимание обращают?

– Обращают, конечно, – кивнул Змей. – Она девочка симпатичная, даже почти что красивая, высокая, тоненькая, хрупкая такая, волосы густые, как у Любы, и выются, как у Родислава, глаза большие, темно-серые, личико точеное.

– Красота! – мечтательно протянул Камень. – А почему ты говоришь, что она почти красивая? По-моему, то, что ты описал, очень даже красиво и без всяких «почти».

– Вот и видно, что ты мало человек в своей каменной жизни видел, – покачал головой Змей. – Человека не черты лица украшают, не внешние атрибуты, а взгляд и выражение лица. Если человек все время страдает и выражает это всем своим обликом, то он мало кому покажется красивым. У Лели вид угрюмый, неприступный, плечи опущены, глаза в пол, да еще в шаль постоянно кутается. И говорит так тихо, монотонно, словно все кругом умерли. Ну какому молодому парню такое понравится?

– Но ты же сказал, что на нее мальчики внимание все-таки обращают, – заметил Камень.

– Ну а чего ж не обратить-то? Москвичка, из хорошей семьи, папа в МВД служит, полковник, квартира трехкомнатная на Юго-Западе – поди плохо. Иногородних-то студентов, желающих осесть в столице, пруд пруди, так что ухажеров у Лели хватает, только ей это все не нужно, она по Вадиму страдает.

– Чего ж она с ним никак не познакомится-то! – воскликнул Камень. – Ведь столько лет в одном доме живут, в одном подъезде, возможностей наверняка было навалом.

– Слушай, друг, ты совсем тупой или прикидываешься? – рассердился Змей. – Я ж тебе объясняю: Леле нужно страдать, и она никогда не сделает ничего такого, что могло бы эти страдания прекратить.

– Ладно, не пыли, все я понял, – проворчал Камень. – А что с Родиславом?

– А что с ним? – удивился Змей. – С ним все прекрасно, его постоянно повышают по службе, он уже начальник отдела, вон в Испанию с группой руководителей отправился.

– Но у него же была проблема... деликатная, – смущенно пояснил Камень.

– Ах, вот ты о чем! Ну, проблема никуда не делась, она имеет место, но Родислав никак не хочет с ней смириться и время от времени предпринимает попытки реабилитироваться в собственных глазах. Правда, почти всегда неудачно, но иногда что-то получается. Редко, правда. Однако он надежды не теряет, он по-прежнему думает, что все дело не в нем самом, а в том, что женщины попадают не те. Вот он и ищет ТУ.

– Которую? – не понял Камень.

– Ту, с которой у него все получится с первого раза и легко.

– Но он хотя бы понимает, какой она должна быть? – допытывался Камень. – Или ищет наобум, как бог на душу положит?

– Да ни черта он не понимает! – с досадой воскликнул Змей. – Тычется, как слепой котенок, то в блондинок, то в брюнеток, то в пышечек, то в худосочных килек, то в молоденьких совсем, то постарше выбирает. В общем, черт знает что творит. Но с умом.

– Это как же?

– Так, чтобы Любу не обидеть.

– А она догадывается?

– Я ж тебе говорю, она умная и тонкая. Она понимает, что иначе и быть не может. Переживает, конечно, а что она может сделать? От нее решение этой деликатной, как ты выразился,

проблемы никак не зависит. Если бы у Родислава сложились с кем-то более или менее постоянные отношения, Люба об этом сразу же узнала бы, потому что он бы сам ей признался и попросил прикрыть от тестя и от детей. Раз не просит, значит, таких отношений ни с кем нет. А коль их нет, то сразу же встает вопрос: почему? И сразу же приходит в голову ответ: потому что есть та самая пресловутая деликатная проблема. А как с этой проблемой бороться, если не прибегать к помощи врачей? Правильно, методом проб и ошибок, как это делают девяносто девять процентов мужчин. Вот это все Люба и понимает.

– Ей, наверное, ужасно неприятно, – задумчиво произнес Камень.

– Еще бы! – поддакнул Змей. – Ладно, хватит вопросов, Новый год на носу, мы с тобой за болтовней все пропустим.

– Нет, погоди, – остановил его Камень, – я еще про Аэлла хотел узнать. Как она?

– О, эта дамочка процветает! Миллионерша по ихним меркам тех времен. Связей – вагон, может все, у нее на любую проблему найдется человек, который все решит. Любовник у нее в девяносто втором году был тот же, что и в девяносто первом, какой-то гражданин Швейцарии, крупный бизнесмен. В общем, своей личной жизнью Аэлла Константиновна более чем удовлетворена. Ну и Любу с Родиславом она по-прежнему пытается облагодетельствовать, это уж как водится. Недели через две после истории с Николашей она приехала к Романовым и привезла им два новых телефонных аппарата, один с автоответчиком и определителем номера, другой – с радиотрубкой. Эта роскошь только-только стала в России появляться. Ребята, говорит, это теперь модно, и мне все клиентки кинулись дарить телефоны, у меня их уже штук десять скопилось, девать некуда, выручайте.

– Жаль, Ветер не слышит, – хмыкнул Камень, – он бы порадовался.

– Так услышит еще, – успокоил его Змей. – Ворон же наверняка все это тебе станет рассказывать. А тебе придется покорно слушать, ты ведь не сможешь ему сказать, что уже все знаешь. Будешь слушать и удивляться, и ужасаться, и радоваться, и смеяться, и плакать, и вопросы уточняющие задавать, чтобы наш передвижной кинотеатр ни о чем не догадался. Как, выдержишь? Сможешь притвориться?

– Ничего, выдержу, – рассмеялся Камень. – Тем более что он мне только половину всего расскажет. Наверное, про похищение – и все. Про Николая Дмитриевича, Лелю и Аэлла он вряд ли догадается посмотреть подробно, если я сам не попрошу.

– Ну и ладно. Давай Новый год встречать. Сейчас я тебе орешков с медом поднесу, очень вкусно.

– А скоро Новый год-то? Который час?

– Приблизительно без двенадцати минут полночь, – сказал Змей, осмотрев звезды и Луну на небосводе. – Самое время старый год проводить.

* * *

К концу 1993 года Андрей Сергеевич Бегорский стал владельцем целого холдинга под названием «Пищевик». Помимо приобретенного в ходе акционирования завода, директором которого он был много лет, в холдинг входили несколько фирм по изготовлению по западным лицензиям оборудования для малых предприятий быстрого питания, а также два предприятия по производству продуктов питания, работающих на том оборудовании, которое разрабатывал и производил основной завод. Руководителем Андрей Сергеевич был отменным, весь персонал в его холдинге работал как часы, однако заставить свои предприятия функционировать в полную силу ему никак не удавалось – мешала сложившаяся к тому моменту система экономических и бюрократических отношений. На него наезжали всеразличные желающие пожить: таможенники, пожарные, санэпидстанция, налоговики, городские власти – все от него чего-то хотели, а договариваться с ними он не умел и взятки давать не хотел. Он злился, шел на

открытые конфликты, поскольку был свято уверен в собственной правоте, а его в ответ гнобили и прессовали. Из-за неумения договариваться с бюрократическим аппаратом и нежелания идти явно криминальным путем бизнес Бегорского оказался на грани краха. Однажды, придя в гости к Романовым, он пожаловался на свои неурядицы Родиславу, который отреагировал совершенно неожиданно для Андрея, ожидавшего просто сочувствия и, может быть, дружеского совета.

– Какие там у тебя проблемы? – весело спросил Родислав. – На какой таможне? Кто там с тобой плохо поговорил?

– Какой-то Искандаров, – растерянно ответил Андрей.

– Что ж ты мне сразу не сказал? Давно бы сказал – давно бы проблему решили. Сейчас мы ему позвоним, – и Родислав потянулся к телефону.

– Кому позвоним? – не понял Бегорский.

– Алику. Искандарову.

– А ты что, с ним знаком?

– Да не то словечко! Мы с ним раз в две недели в бане вместе паримся.

Родислав порылся в записной книжке, нашел нужный телефон, снял трубку и набрал номер.

– Алик? Здоров, это Романов. Как дела? Как сам? А Машка как? Ну, здорово. Я тебе чего звоню-то: то лекарство, которое я тебе обещал, через три дня привезут, так что не волнуйся... Ага. Да, кстати, что ж ты обижаешь моего хорошего товарища? Ну как – какого? Андрюху Бегорского, это, между прочим, мой друг детства. Он к тебе как к родному, со всеми документами, со всеми делами, а ты его куда послал?... Ах, это он тебя послал? Ну, он у нас человек открытый, честный, прямодушный, не выдержал... Ну что ж ты так, а, Алик? Надо человеку помочь, на твоей таможне продукт завис скоропортящийся, а у него пищевое производство, ты же сам небось хочешь колбасу из качественных продуктов кушать, а не из просроченных, чего же парня вгонять-то в расходы... Ладно? Что ему нужно с собой взять? Ага... Ага... Понял, все передам. Во сколько завтра у тебя? В девять? Сразу примешь? Отлично... Лады... Нет, в среду, как обычно, мы с тобой паримся, никаких изменений. Всё, договорились, завтра Андрюха к тебе подбежит, а ты уж его не обижай. И в другой раз не обижай тоже, это наш человек. Ну, обнимаю.

Родислав повесил трубку и весело взглянул на Бегорского.

– Ну вот, а ты боялся. Давно надо было сказать. С кем еще у тебя проблемы?

– Да вот... – пробормотал совершенно обалдевший Андрей, – с санэпидстанцией. У меня же пищевое производство, нас без конца проверяют, докапываются, мы все чистим, драим, дезинфекцию проводим, дезинсекцию, дератизацию – все по СНИПам, а там какая-то тетка ну просто вздохнуть не дает.

– Какая тетка?

– Коломийцева. Кажется, Наталья Вячеславовна. Толстая такая, рыжая.

– Господи, Наталья... Давно бы мне сказал или Аэлле, она у Аэллы постоянно пасется, что-то там себе подтягивает и выравнивает, я же ее туда и устроил. Хочешь – я позвоню, хочешь – Аэллу попроси. Что Наталья говорит?

– Говорит, что у меня то мыши, то крысы, то тараканы. Нет у меня ни мышей, ни крыс, ни тараканов, у меня на производстве все стерильно, я сам лично каждый сантиметр площади проверяю, ты же меня знаешь, а она цепляется и без конца производство останавливает.

– Ну Андрюха, ну что ж ты такой, – укоризненно сказал Родислав. – Ты же видишь – перед тобой баба, купил бы флакон духов, букет цветов, коробку конфет, бутылку ликера какого-нибудь повкуснее, сладенького, вон в любой коммерческой палатке всего навалом. Чего ты как маленький?

– Не могу я, – вздохнул Бегорский. – Не умею. Мне это противно. Они с меня тянут, я же понимаю, но не могу через себя переступить. Я знаю, что у меня все в порядке, и платить не хочу.

– Ну ладно, – улыбнулся Родислав. – Не можешь – не плати. У тебя есть друзья, мы тебе поможем.

Родислав активно включился в помощь другу детства и в течение следующих двух-трех месяцев постоянно использовал старые знакомства, чтобы решить проблемы Бегорского. В марте 1994 года Андрей неожиданно пригласил Романова в ресторан.

– Зачем? – удивился Родислав. – Давай у нас повидаемся, приезжай, Любаша будет рада тебя видеть, блинов напечет, ты же их любишь.

– Нет, Родька, у нас разговор будет серьезный, лучше провести его на нейтральной территории.

– Ладно, – недоуменно согласился Родислав.

В ресторане Андрей не стал долго ходить вокруг да около и, едва они сделали заказ, приступил к делу. Он предлагал Родиславу Романову стать совладельцем своего холдинга.

Родислав вытаращил на него глаза.

– Ты что, очумел? Ты сам, своими руками поставил дело, ты столько лет ему отдал, столько сил, столько энергии и изобретательности. С какого бодуна ты собираешься отдать мне половину своего бизнеса?

– Родька, постарайся вникнуть, – улыбнулся в ответ Андрей. – Все, что ты сказал, – правильно. Но только в той стране, в которой мы сейчас живем, все это без тебя не будет работать. Я поставил действительно хорошее дело, набрал умелых и расторопных работников, разработал отличные технологии, но все это в любой момент может пойти прахом, если ты не будешь рядом и не станешь разруливать вопросы. Взятки давать я не собираюсь, во-первых, принципиально, а во-вторых, не хочу, чтобы надо мной висел Уголовный кодекс, иначе как только меня захотят съесть, так моментально подставят под статью. А «позвоночное» решение вопросов никто не отменил и не запретил. Я без тебя как без рук. Как только ты начал мне помогать, у меня прибыль выросла втрое. Втрое! Ты понимаешь? Если ты войдешь в мой бизнес совладельцем, я разделю с тобой эту прибыль, но и ты поделишь со мной все мои проблемы.

– погоди, Андрюха, – заволновался Родислав, – но мне не с чем войти в твой бизнес, у меня же нет денег, которые я мог бы вложить...

– Ты вкладываешь свои связи, знакомства, свое умение поддерживать отношения и договариваться, свое обаяние, в конце концов! Кто сказал, что это ничего не стоит? Ты только подумай, как ты заживешь! Соглашайся, Родька, очень тебя прошу, я без тебя пропаду и весь свой бизнес потеряю.

Предложение было не просто соблазнительным – оно было сказочным, невероятным, оно превосходило все самые смелые мечты Родислава Романова. В одну секунду перед ним пронеслись новая машина, новая шуба для Любы, большая квартира, отдельное жилье для сына и дочери, поездки на заграничные курорты. Но... Есть сын, Николай. И в этом вся проблема.

– Ты колеблешься? – заметил Бегорский. – Почему? Тебя что-то не устраивает? Или что-то настораживает?

– Андрюха, – медленно начал Родислав, – ты же знаешь, у меня Колька – сложный парень.

– Ну, это слабо сказано, – усмехнулся Андрей. – Особенно если учесть, что ему в этом году двадцать девять стукнет. Ничего себе парень.

– Тем более, – продолжал Родислав. – Он взрослый мужик, и его не переделать. Как только я стану совладельцем твоего холдинга, представляешь, что он начнет вытворять? Он начнет тянуть с нас деньги, он будет подставлять нас своим кредиторам, как делал уже неоднократно. Одно дело, когда мы с Любашей – обыкновенные наемные работники, с нас и взять-то нечего, и совсем другая песня, когда я стану твоим партнером.

– И что, из-за этого ты готов отказаться от моего предложения?

– Нет, я хочу его принять, очень хочу. Но у меня к тебе просьба. Или, если хочешь, условие.

– Слушаю, – Бегорский сдвинул брови и соединил ладони в замок.

– Все должны думать, что я у тебя работаю наемным управляющим. Назови меня исполнительным директором, советником, консультантом – кем угодно, только пусть никто не знает, что я на самом деле твой партнер. Мои истинные доходы должны оставаться для всех тайной. Я буду платить налоги, я ничего не буду нарушать, но мне нужно будет сохранить в тайне свой настоящий статус. В тайне от Коли и от Лизы.

– Хорошо, – согласился Бегорский, – я понял. Но если ты хочешь, чтобы это действительно оставалось тайной, мы не сможем провести твоё участие в бизнесе по документам. В противном случае в курсе будет весь аппарат.

– А что же делать? – растерялся Родислав.

– Положиться на мое честное слово. Я буду отдавать тебе ровно половину прибыли наличными. А приказом проведу тебя генеральным директором. Это единственный вариант, если ты хочешь сохранить конфиденциальность. Налоги буду платить сам, твою часть стану вычитать из твоей доли. Вопрос только в том, доверяешь ли ты мне настолько, чтобы согласиться на это.

– Обижаешь, – радостно откликнулся Родислав.

На том и порешили.

* * *

Сиделка Раиса открыла Родиславу дверь, и до него сразу донеслись звонкие детские голоса. Один голос, несомненно, принадлежал сыну, девятилетнему Денису, второй был незнакомым, явно не Дашиным. Даше скоро должно было исполниться пятнадцать, и в последнее время Родислав редко видел дочь, она предпочитала проводить время вне дома.

– Добрый день, – поздоровался он. – А кто это у вас?

– Это моя внучка, Юленька. Пойдемте, я вас познакомлю. Она с недавних пор часто приходит сюда вместе со мной, играет с Денисом.

– Возьмите, – Родислав протянул Раисе конверт, – это за июль. Лизы нет?

– Нет, я же вам обещала, что ее не будет, – улыбнулась Раиса.

– А Даша?

– Она вместе с Лизой в очереди стоит.

– В какой очереди? – вздернул брови Родислав.

– В офис МММ. Там уже который день толпа собирается, все обещают, что будут выплачивать.

– Господи! – Родислав схватился за голову – Она что, в МММ деньги вкладывала?

– Да я сама только недавно узнала, с тех пор как она в очередях этих начала стоять. Те деньги, которые вы на детей давали, она на акции МММ тратила. И каждый день подсчитывала, сколько заработала. Как по телевизору курс объявят, так она за блокнот хватается и считает. В феврале эти бумажки покупала, в марте, в апреле. Конечно, получилось не очень много, но все-таки, а цена-то за эти месяцы вон как выросла, почти в семьдесят раз, вот Лиза и размечталась, сколько всего она на эти деньги купит. А теперь все рухнуло, но она все равно на что-то надеется. Бедная, бедная, – сочувственно вздохнула сиделка. – Если бы она мне сразу сказала, что собирается с МММ связываться, я бы ей с самого начала все объяснила.

– И что вы ей объяснили бы? – живо заинтересовался Родислав.

Ему самому реклама с Леней Голубковым казалась дурацкой, а вся затея с пирамидами – обреченной на скорый провал. Люба, как опытный экономист, была с ним полностью согласна

и даже примерно подсчитала, когда именно этот провал наступит. По «Чаре» и «Тибету» она ошиблась на две недели, а по МММ предсказала все точно, причем задолго до того, как Президент страны подписал Указ «О защите интересов инвесторов». Однако ему было любопытно, какие резоны могла привести обыкновенная медсестра.

– Понимаете, – Раиса снова улыбнулась, мягко и как будто слегка застенчиво, – есть определенные законы всей нашей жизни, и они всегда срабатывают, только мы не обращаем на это внимания. Наверное, потому, что в каждом правиле есть исключения, и вот на эти исключения мы ориентируемся, а основную закономерность не видим. Или не хотим видеть.

– Какую закономерность?

– Деньги должны быть заработаны. Каждый рубль, который лежит у вас в кармане, каждая копейка должны быть получены вами в обмен на ваш труд, тогда эти деньги принесут вам пользу. Ну, по крайней мере, не причинят вреда. А то, что вы на эти деньги купите, будет вам служить или доставит вам настоящее удовольствие. Если же деньги не заработаны, а получены просто так, неизвестно за что, то вам гарантированы бесконечные проблемы и неприятности. И никакой радости в конечном итоге такие доходы вам не принесут. От шальных денег одна беда.

– Интересно вы рассуждаете, Раечка, – рассмеялся Родислав. – Что же, по-вашему, выходит, и в долг брать нельзя, потому что не заработано?

– Нельзя, – твердо ответила Раиса. – Брать в долг – это неправильно. Надо уметь жить на то, что у тебя есть. Если надо – сокращать потребности, а не увеличивать их.

– Ну хорошо, – не сдавался Родислав. – А бизнес? Весь бизнес построен на кредитовании, человек берет у банка в долг, потом развивает бизнес, получает прибыль и отдает долг. Это тоже неправильно?

– Совершенно неправильно. Нельзя строить бизнес на деньгах, которые ты еще не заработал, толку с такого бизнеса все равно не будет, одна головная боль. Надо зарабатывать своим трудом, откладывать, копить по копейке – только тогда будет толк. Так мир устроен.

– Раечка, мир устроен совсем иначе. Во всем мире существует кредитование бизнеса и ипотечное кредитование, во всем мире продают товары в кредит, вся планета так живет. Ну посмотрите же вокруг!

– Я смотрю, – усмехнулась сиделка. – И то, что я вижу, меня не радует. Вы думаете, откуда берутся экономические кризисы? Именно оттуда, из кредитов, из того, что одни берут и обещают отдать больше, чем взяли, а другие на этом зарабатывают.

Родислав оторопело посмотрел на нее: уж от кого, от кого, а от немолодой медсестры он меньше всего ожидал услышать словосочетание «экономический кризис». Ему стало не по себе, и он предпочел плавно закруглиться с обсуждением неведомых ему законов мироустройства.

– Пойду к сыну, – сказал он, проходя в комнату, из которой доносился залиvistый звонкий хохот.

Денис в шортиках и в веселой голубой маечке сидел в кресле-каталке, а рядом с ним с игрушечным шприцем в руках стояла прелестная девочка, примерно его ровесница или чуть младше. Если Раиса обладала выраженным монголоидным типом внешности, то в Юленьке было намного больше европеоидного, а о происхождении ее бабушки слегка напоминали только глаза и скулы.

– Больной, не капризничайте, я должна сделать вам укол в правый верхний квадрат... то есть в квадрант ягодицы, – давась от смеха, говорила девочка. – Вы должны обеспечить мне доступ к телу.

– Что тут у вас? – изумленно произнес Родислав. – Во что вы играете?

– Папа! – радостно закричал Денис. – Папа пришел! Юлька, это мой папа, его зовут Родислав Евгеньевич. А это Юлька, моя подружка.

– Очень рад, – серьезно сказал Родислав, поцеловав сына и протягивая девочке руку, которую та, нисколько не смутившись, пожала совсем по-взрослому, и Родислав удивился неожиданной силе ее маленькой ладошки. – Я принес вкусные пирожные. Как насчет того, чтобы выпить чайку?

– Здорово! – воскликнул мальчик, а девочка, мило улыбнувшись, сказала:

– С удовольствием.

«Надо же, какая воспитанная у Раисы внучка, – подумал Родислав, выкатывая кресло с Денисом в соседнюю комнату, где Раиса накрывала стол к чаепитию. – И такая взрослая! Сколько же ей лет? На вид – восемь-девять, как Дениске, но, может быть, она на самом деле старше?»

– Сколько тебе лет, Юля? – спросил он.

– Восемь. С половиной, – уточнила Юля.

– И во что же вы играли?

– В больницу. Дениска – больной, а я – медсестра, как бабушка, и я должна сделать ему внутримышечную инъекцию.

– Ты так много слов знаешь из медицины, – осторожно заметил Родислав. – И квадрант, и внутримышечная инъекция. Собираешься стать врачом?

– Если получится, – потупилась девочка. – Но вообще-то я больше хочу стать медсестрой, как бабушка.

– А почему не врачом?

– Потому что медсестра гораздо важнее, – очень серьезно объяснила Юля. – Врач только диагноз поставит и лечение назначит, а все остальное зависит от медсестры. Я стану хорошей медсестрой и всю жизнь буду рядом с Дениской, буду ему помогать и лечить его.

– Так уж и всю жизнь? – усомнился Родислав, пряча улыбку.

– Конечно, – Юля смело посмотрела ему прямо в глаза. – Мы поженимся, когда вырастем, и всю жизнь будем вместе.

– А почему вы так смеялись, когда ты собиралась делать Денису укол?

Юля прыснула и смущенно отвернулась.

– Ну пап, как же ты не понимаешь! – тут же вмешался Денис. – Юлька должна была сделать мне укол в попу, а я же не могу снять штаны и лечь, я же только сидеть могу, вот мы и искали способ, как мне повернуться и подтянуть ноги, чтобы она своим шприцем до моей попы достала. Мы чуть со смеху не умерли, пока я в своем кресле корячился.

– Раиса, – строгим тоном обратился Родислав к сиделке, – будьте любезны, на два слова.

Раиса поднялась и вышла вместе с ним в кухню. Родислав плотно притворил дверь в комнату и, оказавшись на маленькой тесной кухоньке, с негодованием посмотрел на сиделку.

– Что это все значит?! В какие игры играют дети?

– В обыкновенные игры, – Раиса безмятежно пожала плечами. – Что вас не устраивает?

– Меня не устраивает, что мой сын играет в больницу! Он и без того неизлечимо болен, он никогда не будет ходить без костылей, а вы поощряете игры, которые только напоминают ему о его увечье. И что это за разговоры про попу, про «снять штаны и лечь», да еще в присутствии девочки? Вы должны заниматься воспитанием Дениса, а не его развращением.

– Вы не правы, Родислав Евгеньевич, – мягко улыбнулась Раиса. – Повторю ваши слова: ваш сын неизлечимо болен, он никогда не будет ходить без костылей, так зачем делать вид, что у него все в порядке? Он должен с раннего детства привыкнуть к тому, что его жизнь не такая, как у других, что в его жизни всегда, до самой смерти, будут медсестры, уколы, капельницы и прочие прелести, без которых не обходится ни одна человеческая жизнь. Но только в его жизни это все будет сопряжено с инвалидным креслом и невозможностью самостоятельно подставить ягодицы под укол. Он должен к этому привыкнуть уже сейчас, привыкнуть и приспособиться, и ничто не может помочь этому лучше, чем игра. Денису нужно не только научиться жить

со своей болезнью, но и научиться не стесняться ее, чтобы не было никаких комплексов. Вы видите: он не может подставить попку под укол, но вместо того, чтобы сердиться, расстраиваться и лить слезы над своим увечьем, он хохочет. А смех – это очень позитивно. Вы поймите, Родислав Евгеньевич, Денис болен тяжело и неизлечимо, это факт объективной реальности, который никто не в силах изменить. Вопрос только в том, как к этому факту относиться, как к трагедии или как к обстоятельству жизни. Я стремлюсь сделать так, чтобы Денис относился к своей болезни именно как к обстоятельству жизни, как к данности, с которой ему придется сосуществовать долгие годы. Вы хотите, чтобы всю жизнь он думал о том, какая трагедия с ним приключилась? Или чтобы он все-таки радовался жизни и постарался быть счастливым? Я не хочу, чтобы его болезнь стала для него постоянным источником страданий. Пусть он смеется над ней и над своей неловкостью, пусть забавляется и играет, пусть привыкает к тому, что в его жизни всегда будут неудобства и сложности, и это не катастрофа, а просто данность. Дети повеселятся вдоволь, у них будет хорошее настроение, а я потом под это настроение начну разучивать с Денисом новый комплекс упражнений для укрепления мышц рук, потому что именно сейчас, в этой неправильной, на ваш взгляд, игре, у него формируется понимание того, что сильные руки и плечи – огромное подспорье для него. Он будет видеть цель, более того, он сам ее сформулирует, и занятия принесут куда больше пользы, чем если бы я просто сказала, что надо заниматься. Он, конечно, послушается меня, но эффект будет куда меньше. И пусть вас не волнуют разговоры насчет попы и снятых штанов. Вы же знаете, у Дениски слабый иммунитет, он часто болеет, и мне постоянно приходится его колоть. Он с младенчества привык к тому, что приходится перед женщиной лежать со снятыми штанишками, для него это норма, повседневность. А вы что, хотели бы, чтобы он стеснялся и каждый укол превращался бы в целую трагедию?

Этого Родислав, конечно же, не хотел, и хотя в глубине души он не был согласен с Раисой, никаких аргументов против ее слов он выдвинуть не смог и от этого почувствовал себя уязвленным и почему-то виноватым.

– У вас очень смышленная внучка, – пробормотал он, чтобы сменить тему разговора. – Настоящий доктор растет.

– Это правда, – с довольным видом кивнула Раиса. – У нее к медицине тяга, как и у меня когда-то была. Я ее потихоньку к основам ремесла приобщаю, учу, показываю, рассказываю. Она все на лету схватывает. Но ваш Дениска, конечно, на три головы выше Юленьки.

– В каком смысле?

– Да в самом прямом. Он очень способный, очень. Я же вам неоднократно об этом говорила, но вы, по-моему, внимания не обращали. У него золотая головка, он очень сообразительный и быстро все запоминает. Знаете, кем он хочет быть?

– Кем?

– Ученым. Настоящим большим ученым.

– Ученым? – поразился Родислав, которому стало неприятно оттого, что он, отец, не знает, а какая-то посторонняя тетка, нанятая сиделка, знает, кем хочет стать его сынишка. – В какой же области?

– Денис еще не решил. Просто он сказал, что раз ему судьба послала такую болезнь, при которой он поневоле будет усидчивым и станет много читать, то ему прямая дорога в ученые. Родислав недоверчиво посмотрел на Раису.

– Что, прямо так и сказал?

– Нет, конечно, – рассмеялась та, – другими словами, попроще, но смысл был именно таким.

– И что же, он сам до этого додумался? Или вы помогли?

– Конечно, помогла. Вы меня для того и наняли, чтобы я помогала Денису. Вот я и помогаю. И кушать, и себя обслуживать, и учиться, и правильно думать. Родислав Евгеньевич, это, конечно, не мое дело, я не имею права вмешиваться...

Она замялась, но Родислав подбодрил ее:

– Говорите, Раечка, не стесняйтесь. Что случилось?

– Ничего не случилось, но я подумала, что если бы у вас были лишние деньги, вы могли бы подарить Денису компьютер.

– Зачем? – удивился он.

– За компьютерами будущее, разве вы сами не понимаете? А работать на компьютере можно, не вставая с кресла. Это самый лучший вариант для Дениски. Пусть осваивает уже сейчас. Пусть хотя бы в игры играет, это развивает пальцы и внимание. Вы не думайте, я знаю, о чем говорю, у меня сын – математик, сейчас он занимается компьютерным программированием и очень хорошо зарабатывает. Программисты будут нарасхват, и будущее Дениски можно считать обеспеченным. Я понимаю, это очень дорого, но, может быть...

Родислав почувствовал, как запылали у него щеки. Лиза и Раиса до сих пор не знали, что он уволился из МВД и стал партнером крупного бизнесмена Бегорского. Они даже не подозревают, какие у него доходы. Конечно, до настоящих доходов дело пока не дошло, Андрей Бегорский сказал, что прибыль делить будут по итогам года, не раньше, но даже тот оклад, который теперь положили Родиславу, не шел ни в какое сравнение с его милицейскими доходами. Сославшись на повышение в должности и солидную прибавку к зарплате, Родислав существенно увеличил выплаты на содержание детей и стал приносить Даше и Денису дорогие подарки, но по-прежнему не хотел, чтобы Лиза знала, сколько он зарабатывает. Кто знает, что придет в голову алкоголичке, если она почует запах наживы? Простенький компьютер, не новый, бывший в употреблении, вполне можно приобрести долларов за пятьсот, для Родислава это теперь сумма вполне посильная, а для Раисы, конечно, целое богатство. И почему такая простая мысль не пришла в голову ему самому?

– Папа! – донесся из комнаты звонкий голосок Дениса. – Ты скоро?

– Иду! – откликнулся Родислав.

Он кивком дал Раисе понять, что разговор окончен, и вернулся к детям. Чаепитие было в самом разгаре, малыши съели уже по два пирожных и примеривались к добавке.

– Что ты хотел, сынок?

– Папа, ты не мог бы купить мне гантели?

Родислав растерянно оглянулся на сиделку и поймал ее легкую удовлетворенную улыбку. Неужели она оказалась провидицей? А ведь все ее рассуждения и доводы показались ему не просто неправильными, а вздорными и странными. Неизлечимая болезнь – это безусловная трагедия, и как же иначе можно к ней относиться, как не к трагедии?

– Гантели? – Родислав постарался разыграть удивление. – Зачем они тебе?

– Мне нужны сильные руки. Мы тут с Юлькой поиграли в больницу, и я понял, что нужно тренировать руки, чтобы легче было поворачиваться. Пап, если это очень дорого, то не нужно, – тут же добавил мальчик и застенчиво улыбнулся. – Может, есть какие-нибудь совсем дешевые.

– Ну что ты, – торопливо ответил Родислав, – разумеется, я куплю тебе гантели.

– Только знаешь, – взгляд Дениса внезапно потух, – ты мне их сам купи, ладно? Маме денег не давай.

– Почему?

– Она все пропьет, я знаю.

– Что ты такое говоришь, сынок, – испугался Родислав.

– Я знаю, – твердо повторил мальчик, уткнувшись глазами в тарелку с недоеденным третьим пирожным. – Или пропьет, или на акции истратит. И Дашке не давай.

– Но почему? Даша что, тоже пропьет? – сердито спросил Родислав, которому совершенно не понравилась такая недетская осведомленность девятилетнего сына.

– Дашка меня не любит. Она деньги на себя истратит, купит какую-нибудь девчачью дребедень.

– Денис, ну как так можно? – возмутился Родислав. – Почему ты решил, что Даша тебя не любит? Она твоя сестра, и, конечно же, она очень тебя любит, даже не сомневайся.

Денис поднял на отца серьезные глаза, посмотрел внимательно, потом улыбнулся.

– Дашка мне сама говорила, что терпеть меня не может, потому что из-за меня у нее детства не было. Честное слово, она так говорила. Просто ты не знаешь, потому что не слышал, а я слышал. Она меня не любит и обзывает по-всякому. Маму она тоже не любит и тоже обзывает.

Родислав бросил настороженный взгляд на Раису, та незаметно кивнула, мол, так и есть, все правда. Он придвинул стул вплотную к креслу Дениса, сел и крепко обнял мальчика, прижав его голову к своему плечу.

– Сынок, мама и Даша – женщины, а с женщинами никогда не знаешь, кого на самом деле они любят, а кого – нет. Они никогда не говорят правду, потому что они так устроены. Женщина почти всегда скрывает свою любовь и часто специально говорит мужчине, что не любит его, чтобы он не догадался, как на самом деле сильно она его любит. Понимаешь?

– Нет. А зачем они скрывают и врут?

– Не знаю, – с улыбкой вздохнул Родислав, – они так устроены. Не надо обращать внимания на то, что они говорят. Надо обращать внимание только на то, что они делают. Ведь Даша заботится о тебе, правда? Возит тебя на прогулки, покупает тебе книжки, кормит тебя, когда тети Раи нет.

– Правда, – согласился Денис.

– Ну вот видишь, если судить по ее поступкам, то она тебя очень любит. А на то, что она говорит, наплюй и забудь. У нее просто такой характер.

– Честно? – Денис вскинул на отца засиявшие глаза. – Она меня любит? И маму тоже?

– Честно, – уверенно ответил Родислав.

Сердце у него ныло. Он и сам чувствовал, что в отношениях Даши и Дениса далеко не все в порядке, но постоянно утешал себя трусливой мыслью, что ему просто кажется. Не может сестра так яростно ненавидеть родного брата, ведь Дениска не сделал ей ничего плохого, ничем ее не обидел, и вообще, разве можно не любить такого чудесного, такого солнечного и светлого мальчика? Раньше, когда Даша бывала груба и резка с братиком, а случалось это постоянно, Родислав списывал все на ее возраст: маленькая еще, глупая. Потом у Даши был пубертатный период, когда у всех детей обычно портится характер, и снова Родислав находил тысячу и одну причину не беспокоиться об отношениях своих внебрачных детей. Теперь же, когда Даше на днях должно исполниться пятнадцать, невозможно было отыскать оправдание тому, что она открыто, в глаза говорит Дениске такие страшные слова. И то, что она грубит матери, тоже плохо.

Родислав собрался уходить, и Раиса проводила его до двери.

– Скажите, то, что рассказал Денис про Дашу, – это правда? – спросил он.

– Правда, – грустно подтвердила Раиса. – Даша – очень сложная девочка, нервная, грубая. Дениска еще смягчил краски, на самом деле все куда хуже, чем вы можете себе представить. Вы ведь приходите, когда Лизы нет, да и Дашу редко видите, она вас не особенно приветствует, как я заметила, и тоже старается уйти из дома, когда вы нас навещаете. Вот вы ничего и не видели.

– Но почему же вы мне ничего не говорили? Почему скрывали?

– Любовь Николаевна запретила мне рассказывать вам то, что может вас огорчить. Она очень вас бережет, – усмехнулась Раиса. – Каждый раз, когда мы с ней встречаемся, она мне напоминает об этом.

Родислава замутило. Как же так вышло, что его жена, его Любаша, встречается с сиделкой его внебрачного сына, чтобы заплатить ей за услуги, и просит не расстраивать его? Это абсурд, это сюрреализм какой-то, театр теней! Ведь все началось с ерунды – с того, что он когда-то, шестнадцать лет назад, рассказал Любе о беременности Лизы и робко высказал предположение о том, что ему надо бы давать любовнице деньги на усиленное питание. Как давно это было! И это казалось такой мелочью... Во что же это вылилось? В то, что у него двое внебрачных детей, которых нужно содержать за счет бюджета семьи Романовых, и пьющая бывшая любовница, которую невозможно бросить на произвол судьбы, потому что она мать этих детей. В то, что сестра его жены на протяжении нескольких лет оплачивала сиделку для Дениса, а Люба сама, если Родислав был занят, возила эти деньги Раисе. Слава богу, хоть сейчас они отказались от Тамариной помощи. Маленький пушистый щенок, неуклюжий и игривый, вырос, заматерел и превратился в огромного, вечно голодного пса с острыми большими клыками и злобно горящими глазами, который того и гляди вцепится тебе в глотку.

– Что же делать? – растерянно спросил он совсем по-детски.

– Я не знаю, – тихо ответила Раиса. – Я не специалист в семейных отношениях. Моя задача – Денис, и я стараюсь сделать все, чтобы окружить его любовью и лаской, которых ему не дают ни мать, ни сестра. Кстати, Родислав Евгеньевич, раз уж мы с вами заговорили о Лизе, то позволю себе заметить... Впрочем, я понимаю, что это не мое дело и негоже мне в это лезть.

– Говорите, Раиса, говорите, – подбодрил ее Родислав.

– Вам не кажется, что Лиза нуждается в лечении? Если раньше речь шла о бытовом пьянстве, то теперь, мне думается, впору подумать о самом настоящем алкоголизме.

– Но что же делать? – повторил Родислав. – Я ведь не могу насильно заставить ее лечиться. Как вы считаете, она сама понимает, что слишком много пьет?

– Родислав Евгеньевич, если бы Лиза это понимала, я бы не вела с вами этот разговор. В том-то и дело, что она, как настоящий алкоголик, ничего этого не видит и не понимает. Я пыталась говорить с ее матерью, но все бесполезно, мать плачет, причитает и ругает вас, она считает вас источником всех бед ее дочери, ничего конструктивного я от нее добиться не смогла. Я пыталась говорить и с самой Лизой, но у нее один ответ: вас наняли с Дениской сидеть – вот и сидите и не суйтесь, куда вас не просят. Но она же пропивает те деньги, которые вы даете на детей. Хорошо, если вы привозите деньги и отдаете мне, тогда я быстрее бегу в магазины и покупаю самое необходимое – одежду, продукты, книги, канцтовары и все прочее. Но если деньги попадают в руки Лизе, то можно заранее быть уверенным, что дети их не увидят. А теперь еще акции эти... Разве так может продолжаться?

– Я подумаю над вашими словами, – уклончиво ответил он. – И постараюсь отдавать деньги лично вам в руки.

Ну вот, еще один пушистый шkodливый щенок превратился в страшного прожорливого пса. Каким романтичным когда-то казался ему вечер, проведенный в постели с Лизой, когда рядом стояли бутылка коньячку и коробочка конфет, какой милой представлялась ему ее любовь к шампанскому, какой очаровательной выглядела Лиза, когда позволяла себе немного выпить, какой раскованной, радостной, искрящейся! И во что это вылилось? Лиза превратилась в худую, изможденную, вечно растрепанную бабу с красными глазами и длинным острым носом, с неприятным, визгливым, каким-то сипловатым голосом, злую и постоянно чем-то недовольную. И почти постоянно нетрезвую.

Лизу надо лечить, это очевидно. Но надо лечить и соседа Геннадия, иначе, не ровен час, дело может закончиться трагедией. Как это устроить? Теперь не советская власть, теперь без согласия больного никакого лечения не будет, если этот больной не совершает общественно опасных действий. Ни Лиза, ни Геннадий на лечение добровольно не согласятся, значит, придется терпеть и приспособливаться, прятать от Лизы деньги, укрывать у себя Ларису и Татьяну Федоровну, которая в последнее время здорово сдала, часто и тяжело болеет, и Любе прихо-

дится с ней возиться, организовывать врачей, больницы и лекарства. С лекарствами совсем тяжело, в аптеках ничего нет, в больницах тоже, все надо доставать самим, хорошо еще, что есть Аэлла со своими связями и возможностями. Когда-то, много лет назад, они с Любой промолчали, позволили невинному человеку оказаться на скамье подсудимых, и теперь огромный зубастый кобель злобно лает у них под дверью и требует мяса, мяса, мяса... Этих кровожадных псов вокруг них целая стая, и в любую минуту они могут порвать их с Любой в мелкие клочья. Как же так вышло? Почему? Кто в этом виноват?

На улице лил дождь, у Родислава не было зонта, и он на несколько секунд замешкался в подъезде, прикидывая, как бы половчее добежать до припаркованной метрах в пятидесяти машины, не попав в глубокую, растекшуюся по тротуару лужу. Поставить машину ближе не получилось – прямо перед подъездом велись дорожные работы. Пока он размышлял, из-за угла появились Лиза и Даша.

– Привет, – хмуро бросила Лиза, вытирая мокрое от дождя лицо ладонью.

– Здравствуй, – ответил Родислав и повернулся к дочери: – Здравствуй, Дашенька.

– Здравсьте, дядя Родик, – угрюмо буркнула девочка, не глядя на него.

– Не дядя Родик, а папа, – поправила ее Лиза. – Сколько можно тебе повторять? Бери пример с Дениски, он его всегда папой называет.

– Был бы папой – жил бы с нами, – зло сказала Даша. – И денег бы больше давал. А то приходящий какой-то... Только одного Дениску и любит. Опять небось игрушек ему наташил и конфет дурацких, а у меня колготки рваные.

– А ты слушай, слушай, что ребенок тебе говорит, – голос Лизы сорвался на визг. – Сам как сыр в масле катаешься, а на детей лишнюю тыщу жалеешь. Мало того, что нас государство обобрало, так еще и от тебя помощи не дождешься.

– Тебя не государство обобрало, а мошенники, которые пирамиду построили. Кто тебя заставлял покупать акции? Я тебе даю деньги на детей, а ты их пропиваешь или тратишь непонятно на что. Лиза, когда это кончится, а?

– Что?! – она уже почти кричала. – Что должно кончиться? Дети твои должны кончиться? Конечно, ты был бы счастлив, если бы мы все умерли, вот так взяли в одночасье и сдохли: и я, и Дашка, и Дениска, и ты жил бы дальше, богатый и свободный. Мы тебе не нужны и никогда не были нужны, ты просто не знаешь, как от нас отделаться, подачки свои приносишь и думаешь – всё, откупился, отмазался. А то, что я на эти подачки хочу детям своим нормальную жизнь построить, потому и покупаю акции, – это как? Тоже неправильно? Вон сегодня снова полдня в очереди простояла и ничего не получила, деньги кончились! Тоже, скажешь, я виновата? Это вы там, в милиции, разожрались, разленились, пузо наели и в потолок поплевываете, а на то, что мошенники честных людей грабят, вам всем наплевать. Вместо того чтобы их ловить и под суд отдавать, а нам наши денежки возвращать, ты только и можешь, что поучать. И не смей мне говорить, что я детские деньги пропиваю, я на свои пью, на заработанные, а дети у меня накормлены, одеты и ухожены, не хуже других. И вообще, я не пью, а отдыхаю. И не твоего ума дело, на что я свою зарплату трачу. А если ты такой умный, так лучше поговорил бы с кем надо, чтобы мне деньги вернули. У тебя наверняка связи есть, вот и сделай для нас хоть что-нибудь полезное.

Только тут Родислав наконец заметил слезы на глазах у Лизы. А он-то считал, что небрежно наложенная косметика на ее веках и ресницах расплылась от попавших на лицо капель дождя. Сейчас она казалась ему некрасивой и старой, даже старше Любы, и какой-то отталкивающей. «И эту женщину я должен содержать? Почему? Зачем? Как так получилось, что она повисла на моей семье тяжким бременем? Неужели я любил ее до самозабвения? Трудно в это поверить... И эта девочка рядом с ней, моя дочь, к которой я не испытываю ровным счетом ничего, кроме раздражения. Даже странно думать, что это мой ребенок. Почему я ее совсем не люблю? Ведь говорят, что матери больше любят сыновей, а отцы – дочерей, но

я очень люблю Дениску, а Дашу не люблю совсем. Совсем. Она для меня чужая и какая-то неприятная. И давать деньги на ее содержание мне не хочется. Была бы моя воля, я бы давал деньги только на Дениса. А еще лучше – отобрал бы его у Лизы и воспитывал бы вместе с Любой. Любаша согласится, я уверен. Тем более Колька у нас неудалый, гордиться нечем, а так была бы возможность воспитать еще одного сына. Любаша поняла бы меня, ведь она сама говорила о второй попытке, когда отпускала меня к Лизе девять лет назад, сразу после рождения Дениса. Господи, что за мысли лезут в голову! Мало Люба настрадалась, мало ей проблем, так я собираюсь еще и Дениску на нее повесить. Идиот... Ладно, пусть будет так, как есть, только нельзя, чтобы Лиза узнала размер моих доходов, иначе совсем проходу не даст».

– От тебя вообще никакой пользы, – продолжала между тем Лиза дрожащим от ярости голосом. – Что ты для нас сделал за все эти годы? Чем помог? Подачками своими? Нет чтобы квартиру нам выбить побольше или на хорошую работу меня устроить, чтобы зарплата была, на которую можно безбедно жить! Толку от тебя никакого!

«Ну вот, конечно, – с каким-то мрачным удовлетворением подумал Родислав, – как только она узнает, что я стал полноправным партнером в крупном бизнесе, так сразу же начнет требовать квартиру. Она ведь ни перед чем не остановится, станет звонить домой, терроризировать Любу. Как же меня угораздило так вляпаться? Зачем мне нужна была эта женщина? Зачем мне ее дети? Зачем мне все эти проблемы? Интересно, как бы я отреагировал, если бы мне сказали, что Лизы больше никогда не будет в моей жизни и Даша не будет, но не будет и Дениса. Я бы согласился? Наверное, да. Я, конечно, люблю мальчика, но не настолько, чтобы ради него все это терпеть. И куда мне теперь деваться? От Лизы все равно не отделаться, она присосалась, как пиявка. Любаша столько лет терпит это унижение, а я ничего не могу сделать. Мне стыдно признаться жене, что я равнодушен к собственным детям, она перестанет меня уважать, настоящий мужчина в ее представлении обязательно должен любить своих детей и заботиться о них. И мне точно так же стыдно признаться ей, что женщина, ради которой я все разрушил в своей семье, теперь вызывает у меня только брезгливое отвращение. Получается, что Лиза – это был всего лишь кратковременный каприз, а я ему в угоду так оскорбил Любашу. Правда, она всегда напоминает мне, что договор предложила она сама, и предложила она его в тот момент, когда я фактически застал ее с любовником, но она говорит так только для того, чтобы мне было легче. На самом деле и любовник-то этот несчастный, мальчишка, пацан, появился только потому, что я перестал уделять ей внимание, отстранился, охладел, начал изменять, закрутил романчик с Лизой. Дурак я, дурак! Слабый, безвольный дурак! Зачем, ну зачем я тогда согласился? Надо было попросить прощения, пообещать все, что угодно, порвать с Лизой, но сохранить супружеские отношения. Но это я сейчас так думаю, потому что остыл и успокоился, а тогда мне казалось немыслимым прожить без Лизы хотя бы день, и я готов был на все, лишь бы иметь возможность ложиться с ней в постель. Разве могло мне тогда прийти в голову, что настанет время, когда Лиза будет мне отвратительна, а сам я готов буду на все, что угодно, лишь бы иметь возможность лечь в постель хоть с кем-нибудь! Лишь бы у меня хоть с кем-нибудь что-нибудь получилось! Черт, стыд какой... И посоветоваться не с кем, разве можно в таком признаваться?»

– Ну что ты стоишь столбом? – голос Лизы прервал его унылые думы. – Дай пройти, мы и так все вымокли. Собрался уезжать – так уезжай уже, не загораживай дорогу. А если хочешь быть полезным, купи Дашке джинсы или денег дай.

– Сколько? – устало спросил Родислав.

– Семьдесят пять тысяч, – с вызовом ответила Даша. – Или тебе слабо? Тебе же только на Дениску денег не жалко, а я должна в обносках ходить.

– Почему семьдесят пять тысяч? – нахмурился он. – Что за странная цена?

– Потому что «Кельвин Кляйн». Или я что, по-твоему, должна индийское барахло носить?

Ну конечно, фирменные джинсы за сумму, равную тридцати пяти долларам. Курам на смех.

– Даша, настоящие джинсы «Кельвин Кляйн» стоят намного дороже, а то, что ты собираешься купить за семьдесят пять тысяч, – подделка, сшитая в Турции или в Китае. Ты хоть помнишь, что курс доллара – почти две тысячи рублей?

– Ну и тебе какая разница? – сердито проговорила девочка. – Твое дело денег дать. А если не дашь – так сразу и скажи. А то стоит тут, рассуждает про подделки, сто слов готов сказать, только бы денег не дать. Правда, мам?

– Точно, – поддакнула Лиза.

Родислав молча достал бумажник, вынул купюры и протянул дочери. Та схватила деньги и, не поблагодарив, нырнула в подъезд. Лиза фыркнула напоследок и скрылась следом за Дашей.

Он забыл про дождь и про лужу и решительно двинулся к машине кратчайшим путем. Через несколько шагов Родислав почувствовал, как вода залилась в ботинки, но не обратил на это внимания. Скорее уехать отсюда, подальше от этого дома, от этой ужасной женщины и ее противной дочки. Ее дочки... Но ведь это и ЕГО дочь. Как же так получилось, что у него выросла такая девочка? Вот ведь Леля совсем другая – спокойная, вежливая, очень добрая, всех жалеет, никогда никому дурного слова не скажет, умница. Почему же Даша такая... даже слов не подобрать, чтобы описать ее. Корыстная, злая, завистливая, брата ненавидит, отца ненавидит, со взрослыми груба и бесцеремонна. Откуда в ней эти качества? Неужели от Лизы? Неужели Лиза и в самом деле такая, просто он в своем ослеплении любовью ничего не видел, не замечал, не понимал?

Надо же, джинсы за семьдесят пять тысяч! Всего два с половиной года прошло с того момента, как впервые государство отпустило цены, и уже такая бешеная инфляция! Два с половиной года назад сумма в семьдесят пять тысяч рублей казалась запредельной, ее умом трудно было охватить. За десять тысяч рублей можно было приобрести кооперативную двухкомнатную квартиру или автомобиль, а зарплата в триста пятьдесят рублей считалась более чем достойной. А сегодня триста пятьдесят рублей – это сущие копейки, примерно пятнадцать центов, на которые даже сигарет не купишь. Курс доллара растет так быстро, что ахнуть не успеваешь, еще в начале года – Родислав помнил это совершенно отчетливо, потому что, как обычно, сразу же после получения зарплаты помчался в обменный пункт переводить рубли в более надежную валюту, – доллар стоил 1247 рублей, а сегодня, спустя всего семь месяцев, уже 2000. Если бы зарплаты росли так же интенсивно! Как быстро меняется экономическая ситуация... Куда заведут реформы – одному богу ведомо, во всяком случае, темпы спада российской промышленности в текущем году достигли двадцати пяти процентов. Так сообщил Госкомстат. Но Родислав, не один год проработавший в аппарате министерства и хорошо знающий, какие цифры и каким путем попадают в официальные документы, в эти двадцать пять процентов не очень-то верил. Наверняка спад на самом деле куда значительно больше, по крайней мере если судить по показателям работы в бизнесе Бегорского. Андрей, приглашая Родислава к себе и предлагая ему партнерство, честно предупредил, что прибыли пока вряд ли будут расти, хорошо бы остаться «при своих» и не уйти в минус, но даже и не возросшие прибыли от его заводов и совместных предприятий все равно достаточно высоки. Интересно, сколько Родислав получит в конце года, когда Андрей выделит ему его долю? Заранее спрашивать об этом он постеснялся, тем более что зарплату ему Бегорский установил, по сравнению с окладом в МВД, просто огромную, и даже без этой половины всей прибыли Романовы могли бы жить припеваючи. Наконец-то Любаша перестала считать рубли и копейки и экономить на всем, наконец-то она может позволить себе купить новую одежду не только для Лели и мужа, но и для себя. И в отпуск они в сентябре поедут в Турцию, а на будущий год, если с деньгами все будет в

порядке и холдинг Бегорского не придет в упадок, Родислав запланировал отправиться в круиз по Средиземному морю, благо с загранпаспортами теперь нет проблем, не то что раньше.

Он с удовольствием предался мыслям о том, как уже изменилась и еще изменится к лучшему его жизнь после увольнения со службы и перехода в частный бизнес. Думать об этом было куда приятнее, чем о Лизе и Даше. Была бы его воля, он бы никогда больше их не видел и дела с ними не имел. Но куда ж деваться? Даша – его дочь, а Лиза – мать его детей.

Ему удалось отстраниться от тяжких раздумий, и домой Родислав явился в приподнятом настроении и даже слегка взбудораженным.

– Любаша, давай завтра поедем покупать тебе обновки для отпуска.

– Давай! – обрадовалась Люба. – Ой, Родинька, я с удовольствием.

Как же отличается его жена от Лизы! Любаша благодарна любому проявлению внимания к ней и не стесняется эту благодарность выказывать, а Лиза постоянно ворчит, злится, скандалит и всем недовольна. Если бы Лиза была такой же, как его жена, если бы искренне радовалась каждому подарку, а не подвергала его злобной критике, то Родислав давал бы ей куда больше денег, ему нравилось быть щедрым и нравилось, когда его благодарили.

Однако на следующее утро, в субботу, выяснилось, что ехать за обновками, в сущности, некуда, одежда во всем разнообразии ассортимента продавалась на вещевых рынках, где был весьма высок риск нарваться на подделку или на низкое качество товара, а бутики, в которых продавались бы настоящие фирменные вещи, в Москве только-только начали появляться, и было их совсем мало.

– Мы ничего не сможем найти для меня, – грустно говорила Люба, наливая мужу кофе, – даже если хорошие вещи и найдутся, то не моего размера. И почему в магазинах висит все на низкорослых тоненьких подростков? Мне с моим ростом и пятидесятым размером можно одеваться только на рынках. Придется ехать в Лужники или, в крайнем случае, на ВДНХ, где иногда можно найти что-то стоящее, не поддельное.

Родислав со вздохом поднялся и направился к телефону.

– Я позвоню Аэлле, – решительно заявил он. – Она решит проблему.

Аэлла с энтузиазмом отозвалась на просьбу друзей, попросила полчаса на сбор необходимой информации, потом перезвонила и сказала, что сейчас сама заедет за Романовыми и повезет в магазины, в которых совершенно точно есть то, что нужно, и не поддельное, высококачественное. Люба повеселела, быстро навела порядок на кухне, надела шелковый летний костюм, купленный года четыре назад, сделала макияж и заглянула в комнату дочери.

– Лелечка, ты с нами поедешь? Тебе нужно что-нибудь купить к отпуску?

– Мне ничего не нужно, – меланхолично ответила девушка, отрываясь от толстой книги на английском языке. – У меня все есть.

Это было правдой, как только Родислав стал приносить большую зарплату, Лелин гардероб значительно обновился. Появившиеся деньги Люба с удовольствием тратила на мужа и дочь, а вот до себя самой руки как-то не доходили. Но ведь это была первая в жизни Любы и Лели поездка за границу! Неужели девочка не хочет купить для этой поездки, которая наверняка окажется потрясающей и интересной, что-нибудь новое, красивое, совершенно замечательное? Самой Любе этого очень хотелось, и равнодушия дочери она не понимала.

– Может, какой-нибудь красивый купальник? – предложила она. – Или сарафан, или шорты. Говорят, там очень жарко, вещи нужны совсем легкие, а у тебя вся одежда в основном для города.

– Я же сказала: у меня все есть. Мне не будет жарко, я и так постоянно мерзну.

– Ну, как хочешь, – вздохнула Люба.

Настроение у нее слегка упало, ей так хотелось провести этот день радостно, и чтобы все были вместе, и чтобы всем было весело, и чтобы все дружно готовились к отдыху в Турции и мечтали о ярком солнце и теплом море. Николаша не в счет, он с ними не едет, у него дела, про-

блемы... Господи, как его оставить здесь одного на целых две недели? Ведь если что случится, родителей рядом не окажется, и найти их сразу будет невозможно, пройдет какое-то время, прежде чем узнают, в каком отеле они отдыхают и как туда позвонить. А если Колька попадет в больницу? Кто будет разговаривать с врачами, сидеть с мальчиком, платить медперсоналу? А вдруг еще какая-нибудь неприятность? Не смогут найти родителей и обратятся к деду. Папа не выдержит. Может, не ехать никуда? Отправить Родика с Лелей на море, а самой остаться дома и караулить сына? Нет, это не выход, Родик так радовался, что может наконец поехать вместе с ней за границу, он так и сказал ей: «Любаша, я так виноват перед тобой, из-за моей глупости ты столько лет считала копейки и во всем себе отказывала, и вот теперь у нас появились деньги, и я могу вывезти тебя на Средиземное море. Наконец-то я могу почувствовать себя настоящим мужем и добытчиком в семье». Ну разве может Люба омрачить ему эту радость?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.